

П.Трэверс

МЭРИ ПОППИНС ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ

Когда ты догадываешься, что взрослые похожи друг на друга, а тебе дано не более чем им, очень захочется спрятаться в старую дедову шляпу... В огромном велюровом пальто, в талой апрельской луже, руки в карманах, по заходящему на прищуренных веках бледному весеннему солнцу... И послать эту жизнь к Черту!?!... Вспомни меня: не делай ни того, ни иного. Не делай вообще ничего из того, что уже разогаровано твоих близких. Убо все что ими создано, ими же и разрушено...

И еще: там, в апрельской луже, собрав свои силекки, вытащи из твоего сказанного два слова: «все», и «ничего». И сложив их, шепни себе на дорожку — Все ничего...

111071 Москва а/я 35

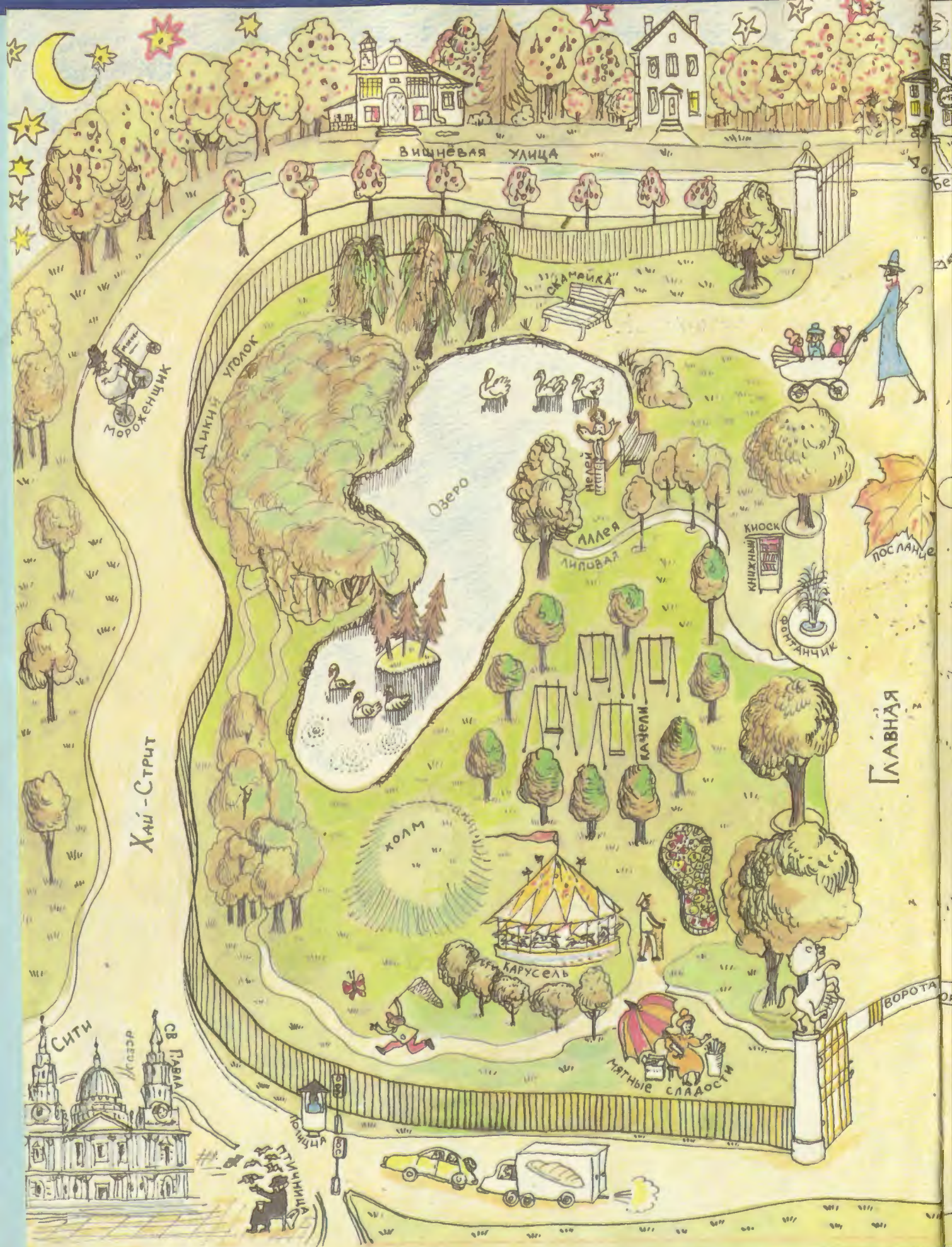
Контактные телефоны: (095) 955-3246
(095) 955-3352

Все началось...

*Права на использование
настоящего торгового знака
принадлежат Финансовой
группе*

Совестик БЕВО

ПАМЕЛА ТРЭВЕРС

Мэри Поппинс
ОТКРЫВАЕТ
ДВЕРЬ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ИГОРЯ РОДИНА

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ВАЛЕРИИ ПОПОВОЙ

«КРОНОС»
«СОВЬЯЖ БЕВО»
1994

УДК 820/89(100-87)-93

ББК 84.4.
Т 80

Т 4804010100—003
6Я8(03)—94

Без объявл.

ISBN 5-87973-003-4

© Перевод И. Родина, 1994
© Фирма «Кронос», 1994
© Фирма «Совъяз Беве», 1994

ПОЯСНЕНИЕ

Пятое ноября в Англии — День Гая Фокса. В мирное время этот день отмечается тем, что люди жгут костры на лужайках, устраивают фейерверки в парках и несут по улицам «чучела». «Чучела» — это набитые соломой фигуры непопулярных людей. В конце шествия они сжигаются среди шумного одобрения окружающих. Дети раскрашивают лица, надевают смешные костюмы и бегают вокруг костров, выпрашивая пенни для бедного славного парня Гая Фокса. Только очень жадные люди отказывают им, и, как правило, таких людей впоследствии постигают всевозможные несчастья.

Настоящий Гай Фокс был одним из участников Порохового Заговора (это был заговор, имевший целью свержение короля Джеймса I и роспуск парламента). 5 ноября 1605 года заговор был раскрыт. Король Джеймс и парламент не пострадали, а Гай Фокс вместе с другими заговорщиками был казнен. Несмотря на это, именно Гая Фокса люди помнят до сих пор, а король Джеймс забыт. С той поры 5 ноября в Англии (а в Америке 4 июля) посвящено фейерверкам. С 1605 по 1939 год на каждом деревенском лугу в центральных англий-

ских графствах в День Гая Фокса горел костер. В деревне, где я жила (графство Сассекс), мы разжигали костер на лужайке возле дома священника, и каждый год, когда костер загорался, корова викария начинала танцевать. Она танцевала, пока пламя рвалось в небо, танцевала до тех пор, пока не чернел пепел и не становилось холодно. А на следующее утро всегда повторялось одно и то же — у Викария не было молока на завтрак, и мы искренне удивлялись тому, что простая корова так радуется спасению парламента, произошедшему много лет назад. Нам это казалось очень забавным.

С 1939 года, однако, на лугах больше не жгут костров. Не блещут фейерверки в тенистых парках, не шествуют по улицам люди... Везде темно и пустынно. Но эта темнота не будет длиться вечно. Когда-нибудь наступит Пятое ноября или какой-нибудь другой день (это не имеет значения), когда костры снова загорятся яркой цепью от края до края Земли. Дети будут танцевать и прыгать вокруг них, как делали это в прежние времена. Они возьмут друг друга за руки и будут смотреть на фейерверк, а потом с песнями пойдут в дома, полные света...

П.Л.Т.

Утро было унылым и холодным. Все вокруг напоминало о надвигающейся зиме. Вишневая улица была тиха и недвижима. Над Парком, словно гигантская тень, нависал туман. Из-за него все дома выглядели совершенно одинаково. Флагшток возле дома Адмирала Бума и флюгер в форме телескопа на крыше совершенно скрылись из вида.

Молочник, шедший по улице, едва различал свой путь.

— Молоко под дверью! — крикнул он, добравшись наконец до дома Адмирала. Голос Молочника прозвучал так глухо и странно, что он даже испугался.

— Пойду-ка я лучше домой и подожду, пока туман рассеется, — сказал он себе.

— Эй! Глядите, куда идете! — вскрикнул он, так как какое-то странное существо вынырнуло вдруг из тумана и ударилось о его плечо.

— Бум-бурум-бурум-бурум! — донесся до Молочника приглушенный голос.

— А, это вы! — облегченно вздохнул Молочник.

— Бурум-бурум, — кивнул Трубочист. Он держал свои щетки перед лицом, стараясь, чтобы сырость не добралась до усов.

— Что-то вы рано сегодня поднялись, — заметил Молочник.

Трубочист ткнул черным пальцем в сторону дома мисс Ларк.

— Пришлось чистить камин, пока собаки не позавтракали. Чтобы они не закашлялись от сажи, — объяснил он.

Молочник громко расхохотался, как это делали все, когда в их присутствии упоминали о собаках мисс Ларк.

Туман медленно плыл над землей. Вокруг не было слышно ни звука.

— Эй! — крикнул Молочник и вздрогнул. — У меня от этой тишины мурашки по всему телу!

Но не успел он это произнести, как улица проснулась. Из какого-то дома донесся оглушительный грохот, а следом — торопливый топот.

— Это № 17! — воскликнул Трубочист. — Извини, старина. Мне кажется, я там нужен.

Он наощупь добрался до ворот и двинулся по садовой дорожке.

А в доме по прихожей бегал туда-сюда мистер Бэнкс, яростно лягая на ходу мебель.

— Я не вынесу этого! Это выше моих сил! — вопил он, размахивая руками.

— Ты твердишь это уже десять минут! — воскликнула миссис Бэнкс, обеспокоенно глядя на мистера Бэнкса. — Но так и не говоришь, в чем дело.

— Во всем! — прорычал он в ответ. — Полюбуйся на это! — он взбрыкнул правой ногой. — И на это! — завопил он затем, взбрыкивая левой.

Миссис Бэнкс пристально посмотрела на его ноги. Но она страдала близорукостью, а в прихожей и без того было сумрачно.

— М-м-м... не вижу ничего особенного, — начала миссис Бэнкс робко.

— Конечно, не видишь! — саркастически рассмеялся мистер Бэнкс. — Наверное, это болезненное воображение заставляет меня думать, что Робертсон Эй дал мне один черный башмак, а один коричневый!

Он снова взбрыкнул ногами.

— Ой! — вскрикнула миссис Бэнкс, так как теперь ясно увидела то, о чем говорил ее муж.

— Посмотрим, что скажет Робертсон Эй, когда я его уволю сегодня вечером!

— Это не его вина, папочка! — закричала Джейн с

лестницы. — Он из-за тумана перепутал! А кроме того, у него нет сил.

— У него их вполне достаточно, чтобы отравить мне жизнь! — сердито буркнул мистер Бэнкс.

— Ему нужен отдых, папочка! — напомнил Майкл, сходя по лестнице за Джейн.

— И он его получит! — пообещал мистер Бэнкс, хватая свой портфель. — Подумать только, чего я бы мог добиться в жизни, если бы не женился! Жил бы, может, один в пещере! Или путешествовал вокруг света!

— А мы бы что тогда делали? — спросил Майкл.

— Вам бы пришлось самим о себе заботиться! И поделом! Где мое пальто?

— Оно на тебе, Джордж, — пролепетала миссис Бэнкс.

— Да, на мне! А пуговиц опять не хватает! — отпарировал он. — Но для меня все сойдет! Я всего лишь человек, который оплачивает счета! К обеду меня не ждите!

Дети протестующе завопили.

— Но, дорогой, сегодня же День Гая Фокса! У тебя так хорошо получается запускать ракеты! — попыталась подольститься миссис Бэнкс.

— Мне не полагается никаких ракет! — завопил мистер Бэнкс. — Мне вообще ничего не полагается, кроме сплошных волнений с утра до вечера! — он стряхнул руку миссис Бэнкс со своего плеча и бросился вон из дома.

— Пожмите мне руку, сэр! — сказал Трубочист дружеским голосом, когда мистер Бэнкс налетел на него. —

Это хорошая примета, знаете ли, поздороваться за руку с трубочистом.

— Прочь, прочь! — дико пробормотал мистер Бэнкс. — В другой раз!

Трубочист с минуту смотрел ему вслед. Затем улыбнулся и позвонил в дверь...

— Мама, он это серьезно? Ведь он вернется домой к фейерверку? — теребили Джейн и Майкл за юбку миссис Бэнкс.

— Ничего не могу обещать, дети! — вздохнула миссис Бэнкс, глядя на свое отражение в зеркале, висящем в прихожей.

«Как я похудела! — думала она. — Ямочка на одной щеке исчезла, скоро пропадет и вторая. Никто и не поглядит на меня больше! А во всем виновата она!»

Под «ней» миссис Бэнкс подразумевала, конечно же, Мэри Поппинс, няню ребят. Пока Мэри Поппинс была в доме, все шло как нельзя лучше. Но с того дня, как она оставила их — неожиданно и ни словом не предупредив — все стало наоборот, как нельзя хуже.

— И вот я одна, — горевала миссис Бэнкс, — с пятерыми детьми на руках, и мне совсем некому помочь! Я давала объявления, я просила друзей! Но все остается по-прежнему! Джордж становится все раздражительнее, у Аннабелы режутся зубы, а Джейн с Майклом и Близнецами вовсе отбились от рук. Я уже не говорю об этих кошмарных налогах!

Она смотрела в зеркало и видела, как бежала слеза по тому месту, где раньше была ямочка.

— Нечего плакать, — сказала она вдруг с неожиданной решимостью. — Нужно послать за мисс Эндрю.

Все четверо детей в ужасе завопили. Из детской донесся пронзительный крик Аннабелы. Мисс Эндрю когда-то была гувернанткой их отца, и дети прекрасно знали, какой это Страх Господень.

— Я не буду с ней разговаривать! — кричала Джейн.

— Я плюну ей на ботинок, если она придет! — грозил Майкл.

— Нет, нет! — всхлипывали Джон с Барбарой.

Миссис Бэнкс зажала уши ладонями.

— Дети, ради Бога, замолчите! — взмолилась она в отчаянии.

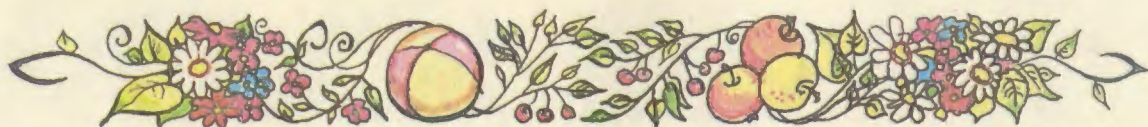
— Прошу прощения, мадам, — сказала горничная Элен, похлопав миссис Бэнкс по плечу. — Пришел Трубочист чистить в гостиной дымоход. Но предупреждаю вас, мадам, сегодня мой Выходной! И убирать за ним я не собираюсь! — она громко высморкалась.

— Прошу прощения, — бодро сказал Трубочист, протискиваясь в прихожую вместе со своими сумками и щетками.

— Кто там? — спросила миссис Брилл, выходя из кухни. — Трубочист? В день выпечки? Ну, нет! Мне неловко предупреждать вас, мадам. Но если этот гугенот залезет в дымоход, я уйду из дома!

Миссис Бэнкс в отчаянии огляделась по сторонам.

— Я его не приглашала! — оправдывалась она. — Я даже не знаю, нуждается ли дымоход в чистке!

— Дымоход всегда рад щетке! — заявил Трубочист и, спокойно войдя в гостиную, принялся расстилать свою тряпку.

Миссис Бэнкс нервно взглянула на миссис Брилл.

— Может Робертсон Эй поможет... — начала она.

— Робертсон спит в кладовке, завернувшись в вашу лучшую кружевную шаль. И ничто не разбудит его, — отрезала миссис Брилл, — разве что звуки трубы, возвестившей начало Судного Дня! Так что, если вы не возражаете, я иду упаковывать свои вещи. Дайте мне пройти, вы, индус! — вскрикнула миссис Брилл, так как со всем почтением, на какое только был способен, Трубочист вдруг принялся усердно пожимать кухарке руку. Неохотная улыбка расплылась по лицу миссис Брилл.

— Ну, ладно, в первый и в последний раз! — смилостивилась она и пошла вниз по лестнице на кухню.

Трубочист, улыбаясь, повернулся к Элен.

— Не трогайте меня, вы, черный язычник! — закричала она испуганно. Но он твердо взял ее за руку. Скоро Элен тоже начала улыбаться.

— Так и быть, но только никакого мусора на ковре! — предупредила она и поспешила вернуться к своей работе.

— Пожмем руки друг другу! — сказал Трубочист, поворачиваясь к детям. — Это должно принести вам удачу! — он оставил на каждой из их ладошек по черной отметке, и дети сразу почувствовали себя намного лучше.

Затем он протянул руку миссис Бэнкс. И пока она пожимала его теплые черные пальцы, самообладание постепенно возвращалось к ней.

— Мы должны найти какой-то выход из создавшегося положения, — сказала она детям. — Я снова дам объявление в газету, и, быть может, к нам придет какая-нибудь няня.

Джейн и Майкл вздохнули с облегчением. По крайней мере, она раздумала посылать за мисс Эндрю.

— А что вы делаете, когда хотите пожелать удачи себе? — спросила Джейн, следуя за Трубочистом в гостиную.

— О, я просто пожимаю себе руку, — ответил он, энергично просовывая щетку в дымоход.

Весь день дети наблюдали за Трубочистом и спорили, кому подавать щетки. Время от времени в гостиную заходила миссис Бэнкс — пожаловаться на шум и поторопить Трубочиста.

А над улицей за окном расстился туман. Звуки были приглушены. Птицы улетели. Остался лишь один старый линяющий скворец, который то и дело заглядывал сквозь щели в ставнях, будто искал кого-то.

Наконец Трубочист вычистил дымоход и удовлетворенно улыбнулся.

— Очень мило с вашей стороны! — поспешно сказала миссис Бэнкс. — Ну, теперь, я думаю, вам пора собираться и отправляться домой...

— Я не спешу, — заметил Трубочист. — Чай я пью в шесть часов, так что у меня есть еще часок.

— Но вы, надеюсь, не собираетесь провести его здесь! — испуганно вскрикнула миссис Бэнкс. — Мне еще нужно привести в порядок комнату до прихода мужа!

— Вот что я скажу, — рассудительно заметил Трубочист. — Если бы у вас нашлось несколько ракет, я бы взял детей в Парк и показал им фейерверк. Вы бы отдохнули, а я бы развлекся. Я всегда был равнодушен к ракетам, еще с тех пор, когда был мальчиком. И даже раньше!

У детей вырвался восторженный вопль. Майкл подбежал к окну и отдернул занавеску.

— Ой, посмотрите, что случилось! — торжествующе закричал он.

И действительно, Вишневая улица совершенно изменилась. Холодный серый туман рассеялся, и дома осветились теплым мягким светом. Далеко на западе догорали бледно-розовые отблески солнечного заката.

— Не забудьте надеть пальто! — крикнула миссис Бэнкс детям, которые сломя голову понеслись в Детскую одеваться. Подойдя к буфету, стоящему под лестницей, она вынула из него увесистый сверток.

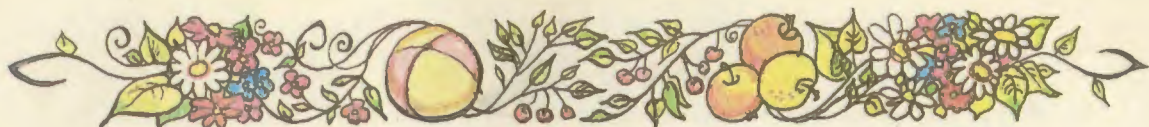
— Вот! — сказала она, протягивая сверток Трубочисту. — И помните — берегитесь искр!

— Искр! — рассмеялся Трубочист. — Искры — мое хобби. А еще сажа, которая получается от них.

Дети, словно щенки, прыгали вокруг Трубочиста, когда он шел по садовой дорожке.

Миссис Бэнкс присела отдохнуть на один из зачехленных стульев. Скворец некоторое время смотрел на

нее сквозь ставень. Затем разочарованно покачал головой и улетел прочь...

Свет дня угасал, пока дети с Трубочистом шли по дороге. У ограды Парка они увидели Берта, Спичечника, который распаковывал свой ящик. Он зажег свечу одной из спичек и принялся рисовать на тротуаре картины.

Берт весело кивнул входящим в Парк детям.

— Теперь приготовим все необходимое, — сказал Трубочист. — Так, пучок сухой травы...

— Которого вы не получите! — раздался голос позади них. — В пять тридцать Парк закрывается!

Из тени важно вышел Смотритель.

— Но ведь сегодня День Гая Фокса — Пятое ноября! — хором возмутились дети.

— Правила есть правила! — возразил Смотритель. — И они во все дни одинаковы!

— Ну, а где же нам тогда пускать ракеты? — нетерпеливо поинтересовался Майкл.

В глазах Смотрителя зажегся хищный огонек.

— У вас с собой фейерверк? — спросил он. — Что ж вы раньше об этом не сказали!

Вывхватив сверток у Трубочиста, он принялся развязывать веревку.

— Спички — вот что нам нужно! — бормотал он, сопя от усердия.

— Пожалуйста, — проговорил Спичечник и, войдя через Парковые ворота, стал позади с зажженной свечой.

Наконец Смотритель развернул петарды.

— Между прочим, они наши! — напомнил ему Майкл.

— Позвольте мне вам помочь, пожалуйста! — попросил Смотритель. — Я не устраивал фейерверков на День Гая Фокса с тех самых пор, как был маленьким мальчиком!

Не дожидаясь разрешения, он поджег петарды от свечи Спичечника. Тут же шипящие огненные струи ударили вверх, и — бум-бум-бум! — во все стороны полетели разноцветные искры. Смотритель схватил огненное колесо и повесил его на ветку. Колесо начало быстро вращаться, разбрасывая вокруг целые снопы искр. Смотритель так разошелся, что, казалось, остановить его не сможет ничто в целом свете. Он, как сумасшедший, носился от петарды к петарде и зажигал фитиль за фитилем.

От влажной травы поднимался пар, а сверху, из темноты, падал золотой дождь. Повсюду вспыхивали ослепительно-яркие цилиндры, к веткам взлетали пылающие шары, а в воздухе извивались огненные змеи. Дети прыгали и вопили от восторга. Смотритель по-прежнему, как сумасшедший, носился по лужайке. Спичечник напротив — тихо стоял и ждал. Пламя его свечи даже не дрогнуло, когда Смотритель зажигал от нее фитили.

— А теперь... — воскликнул Смотритель, успевший уже охрипнуть от крика. — Теперь переходим к ракетам!

Кроме трех ракет в свертке к тому времени уже ничего не осталось.

— Нет! — сказал Трубочист, когда Смотритель попытался схватить их. — Поступим по справедливости.

Он дал Смотрителю одну ракету, а другие оставил для себя и детей.

— Ну-ка, ну-ка! — важно сказал Смотритель, зажигая фитиль от пламени свечи и втыкая ракету в землю.

Искра, шипя, побежала по фитилю. Потом — вж-ж-ж! — ракета взмыла ввысь. Сверху донесся хлопок, и водопад синих и красных звезд, словно дождь, хлынул из темного неба.

— Ой! — вскрикнули одновременно дети и Трубочист. Это было единственное, что они могли произнести при виде такой красоты.

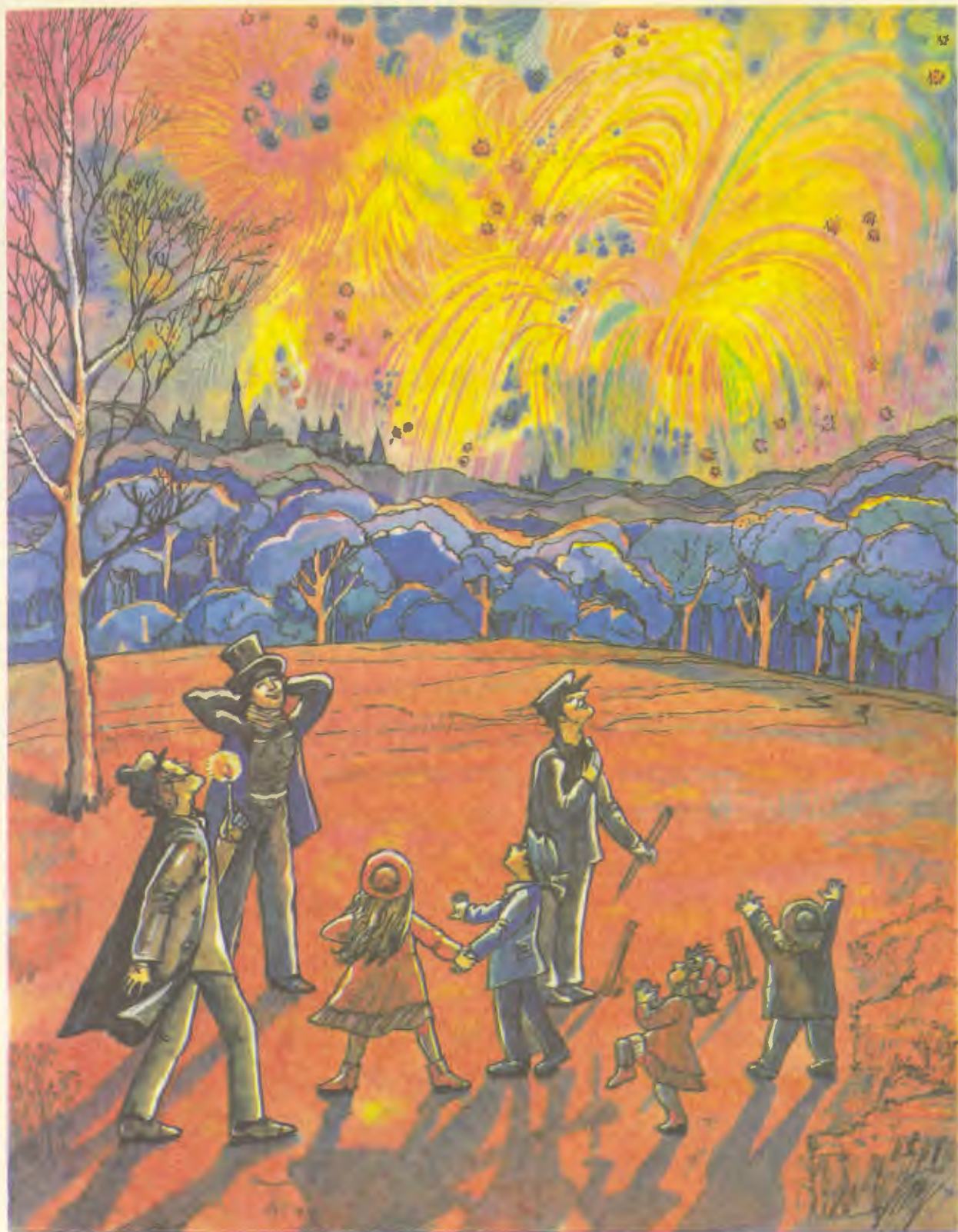
Теперь настала очередь Трубочиста запускать ракету. Свет свечи плясал на его черном лице, когда он зажигал фитиль. Раздался хлопок, потом громкий удар, и, будто свод яркого зонтика, в небе рассыпались бело-зеленые звезды. Все снова ахнули, не в силах сдержать своего восторга.

— Теперь наша очередь! — закричали Джейн и Майкл. Их пальцы дрожали, когда они зажигали фитиль. Воткнув ракету в землю, они отступили назад. Нить золотистого огня побежала по шнуру. Вью-ю-ю-ю! Ракета со свистом унеслась ввысь, в самый центр неба. Джейн и Майкл затаили дыхание в ожидании взрыва.

Наконец откуда-то издали донесся слабый хлопок.

«Теперь очередь звезд», — подумали они про себя.

— Ой! — ахнули все снова, но на этот раз не от радости, а от разочарования. Никаких звезд из третьей ракеты не вылетело. Небо было темно и пустынно.

— Ненадежная вещь эти ракеты! — сказал Трубочист. — Иногда попадают такие, которые не взрываются! Ну, пора домой. Чего зря глазеть?

— Время закрывать! Все выходят из Парка! — важно объявил Смотритель.

Но Джейн и Майкл не обращали внимания. Они стояли рука об руку и с надеждой смотрели вдаль: просто они видели то, чего не замечал никто другой. Вверху, в небе, раскачиваясь из стороны в сторону, парила крошечная искорка.

«Что это такое?», — недоуменно размышляли они. — Не ракета, потому что она должна была давным-давно упасть, не звезда, потому что искорка движется...»

— Может, это особый вид ракеты, у которой только одна искра? — предположил Майкл.

— Может быть, — ответила Джейн, наблюдая за крошечным огоньком.

Так они стояли и смотрели вверх. Даже если там всего одна искра, они будут любоваться ею, пока она не погаснет. Но, странное дело, искра не гасла! Мало того, она росла!

— Пора домой! — настаивал Трубочист, а Смотритель Парка повторял:

— Время закрывать! Все выходят из Парка!

Но Джейн с Майклом ждали. Искра постепенно становилась больше и ярче. У Джейн перехватило дыхание.

Майкл открыл от изумления рот. «Неужели это возможно?» — спрашивали их взгляды.

А искра летела вниз, становясь длиннее и шире. Подлетев, она приняла какие-то странные и вместе с тем удивительно знакомые очертания. Из ярких лучей сложилась человеческая фигура в черной соломенной шляпке и синем пальто с серебряными пуговицами. В одной руке фигура несла что-то похожее на козловую сумку, а в другой — ох, неужели это правда? — зонтик с ручкой в форме головы попугая!

Сзади радостно завопил Спичечник. Побросав свои мелки, он вбежал в Парковые ворота.

Человеческая фигура была теперь уже не выше верхушек деревьев. Вот ее ноги коснулись листвы, и в следующий момент фигура изящно, будто по ступенькам, стала спускаться вниз по ветвям огромного дуба. Скоро она очутилась на самом нижнем суку и остановилась, аккуратно балансируя на нем.

Джейн и Майкл сломя голову понеслись вперед, оглашая Парк счастливыми криками:

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! Мэри Поппинс!

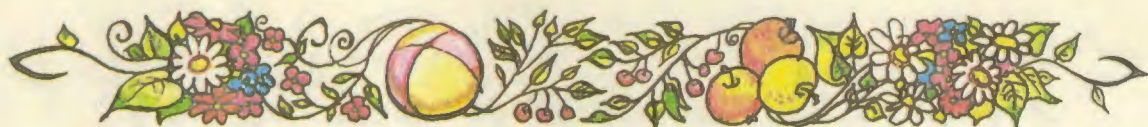
Едва не плача от радости, они подбежали к дубу.

— Наконец-то вы вернулись! Наконец! — запинаясь от волнения, кричал Майкл. Он схватил ее за правый туфель. Туфель был настоящим и даже пах гуталином.

— Мы знали, что вы вернетесь! Мы верили вам!

Джейн схватила Мэри Поппинс за другой туфель. Уголки рта Мэри Поппинс слегка приподнялись от еле заметной улыбки. Затем она свирепо взглянула на детей.

— Я буду вам очень признательна, если вы отпустите наконец мои туфли! — фыркнула она. — Я не товар на распродаже!

Она стряхнула их руки и спрыгнула с дерева. Джон и Барбара, попискивая, словно котята, подбежали к ней по высокой траве.

— Прямо как гиены в зоопарке! — сердито сказала Мэри Поппинс, высвобождаясь из их цепких объятий. — Хотелось бы мне знать, что вы делаете ночью в Парке? И выглядите, как мавры!

Ребята быстро вытащили носовые платки и стали оттирать свои щеки.

— Это я виноват, Мэри Поппинс, — извинился Трубочист. — Я чистил камин в гостиной.

— Если вы будете так неаккуратны, то вас самих после этого придется чистить! — заявила она.

— Э-э-э... Бе-бе-бе-бу... К-к-к...

Не в силах от изумления вымолвить ни слова, Смотритель Парка загородил тропинку.

— Будьте добры, отойдите с дороги! — сказала Мэри Поппинс, величественно отстраняя его и пропуская детей вперед.

— Это уже во второй раз! — выдохнул Смотритель, внезапно обретя дар речи. — Первый раз был Воздушный Змей, а теперь... Такие вещи проделывать не полагается! Это против правил! Это ни на что не похоже!

Мэри Поппинс сунула ему в руку маленький кусочек картона.

— Что это? — спросил Смотритель, разглядывая его.

— Мой обратный билет, — ответила Мэри Поппинс спокойно.

Джейн и Майкл переглянулись и понимающе кивнули друг другу.

— Билет? Какой билет? Это в автобусах есть билеты и в поездах! А вы прибываете неизвестно на чем! Откуда вы приехали? Как попали сюда, хотелось бы мне знать!

— От любопытства кошка сдохла! — высокомерно ответила Мэри Поппинс и прошествовала мимо. Смотритель остался позади, разглядывая маленький зеленый билет с таким видом, словно это был не билет, а по меньшей мере письмо с того света.

Дети, танцуя и прыгая вокруг своей няни, подошли к Парковым воротам.

— Идите, пожалуйста, спокойно! — сердито одернула их Мэри Поппинс. — Вы не дрессированные морские свинки! И кто из вас, хотелось бы мне знать, играл с зажженными свечами?

Спичечник поднялся с колен.

— Это я зажег ее, Мэри, — поспешно объяснил он. — Я хотел написать тебе... — он указал вниз. И там, на мостовой, все увидели незаконченную фразу:

ДОБРО ПОЖАЛОВ

Мэри Поппинс улыбнулась.

— Очень мило, Берт, — сказала она мягко.

Спичечник схватил ее руку в черной перчатке.

— Увижу ли я тебя в четверг, Мэри? — спросил он, заглядывая ей в глаза.

Она кивнула.

— Да, Берт. В четверг, как всегда. — Затем она бросила строгий взгляд на детей. — Поживее, пожалуйста! — командовала она и поспешила через переулок к Дому №17.

Наверху, в Детской, плакала Аннабела. Миссис Бэнкс пробегала по холлу, когда парадная дверь внезапно открылась, и на пороге появилась Мэри Поппинс.

— Неужели это вы, Мэри Поппинс? — проговорила Миссис Бэнкс, открывая от изумления рот и в изнеможении опускаясь на ступеньки.

— Да, мадам, — ответила Мэри Поппинс спокойно.

— Но откуда вы появились? — воскликнула миссис Бэнкс.

— Она появилась прямо из... — собрался было объяснить Майкл, но тут же почувствовал на себе свирепый взгляд Мэри Поппинс. Он очень хорошо знал, что этот взгляд означает, а потому запнулся и умолк.

— Я пришла из Парка, мадам, — сказала Мэри Поппинс с видом мученицы.

— Слава Богу, — с облегчением вздохнула миссис Бэнкс, припоминая все, что случилось с тех пор, как Мэри Поппинс оставила их. «Я не должна выглядеть такой довольной, — подумала она. — Иначе Мэри Поппинс начнет задирать нос еще больше, чем обычно!»

— Но вы оставили нас, не предупредив ни единым словом! — произнесла миссис Бэнкс с чувством собственного достоинства. — Мне кажется, вы вполне могли бы сообщать, когда уходите и когда приходите! Я постоянно нахожусь в неведении!

— Мы все находимся в неведении, мадам, — заметила Мэри Поппинс, спокойно расстегивая перчатки.

— И вы, Мэри Поппинс? — задумчиво поинтересовалась миссис Бэнкс.

— Нет, она не находится, — храбро заявил Майкл и тут же поймал на себе сердитый взгляд Мэри Поппинс.

— Ну, как бы то ни было, вы здесь! — подытожила миссис Бэнкс, чувствуя, какая гора свалилась у нее с плеч: ведь теперь не нужно было ни давать объявление, ни посылать за мисс Эндрю...

— Да, мадам, — кивнула Мэри Поппинс и, аккуратно пройдя мимо миссис Бэнкс, положила ковровый саквояж на перила. Саквояж мягко скользнул вверх и со свистом влетел в Детскую. После этого Мэри Поппинс легонько подтолкнула зонтик. Он раскрыл свои черные шелковые крылья и устремился вслед за ковровым саквояжем с пронзительным попугаячьим криком.

Дети открыли рты от удивления и повернулись взглянуть, заметила это мама или нет.

Но миссис Бэнкс думала только о том, как побыстрее добраться до телефона.

— Дымоход в гостиной вычищен. У нас на обед ба-

раньи отбивные с горошком! А еще Мэри Поппинс вернулась! — выпалила она на одном дыхании.

— Не может быть! — слышался голос мистера Бэнкса. — Я приду и посмотрю сам.

Миссис Бэнкс счастливо улыбнулась и повесила трубку...

Мэри Поппинс чопорно поднялась по лестнице. Дети устремились мимо нее в Детскую. Ковровый саквояж лежал на камине, а на своем обычном месте, в углу, стоял зонтик с ручкой в форме головы попугая. Все было как всегда, словно и зонтик и саквояж никогда не покидали этой комнаты. Аннабела прекратила плакать и с удивлением уставилась на Мэри Поппинс. Потом улыбнулась беззубой улыбкой и принялась наигрывать, словно на губной гармошке, на кончиках пальцев.

— Гм! — мрачно хмыкнула Мэри Поппинс, укладывая шляпку в коробку. Сняв пальто, она повесила его на крючок за дверь. Затем взглянула на свое отражение в зеркале и наклонилась, чтобы открыть ковровый саквояж.

В саквояже абсолютно ничего не было, кроме небольшой рулетки.

— Для чего это, Мэри Поппинс? — спросила Джейн.

— Для тебя, — ответила она быстро. — Чтобы измерить, на сколько ты выросла.

— Не стоит беспокоиться. Мы все выросли на два дюйма. Папа недавно нас измерял, — сообщил Майкл.

— Будь добр, стой спокойно! — сказала Мэри Поппинс, не обратив на замечание Майкла ни малейшего внимания. Она измерила его с головы до ног и громко фыркнула:

— Как и следовало ожидать! Ты делаешься все хуже и хуже!

Майкл вытаращил глаза.

— На рулетках не бывает слов, на них бывают только дюймы! — возразил он.

— С каких это пор? — высокомерно бросила Мэри Поппинс, сунув рулетку ему под нос. На ленте большими синими буквами было написано:

ХУЖЕ И ХУЖЕ

— Ой! — воскликнул Майкл испуганным шепотом.

— Будь добра, подними голову повыше! — распорядилась Мэри Поппинс, измеряя рост Джейн.

— Джейн выросла в упрямого, ленивого, эгоистичного ребенка, — торжественно прочитала она.

На глаза у Джейн навернулись слезы.

— Мэри Поппинс, не может быть! — воскликнула она, так как помнила только те моменты, когда вела себя хорошо.

Мэри Поппинс между тем примеряла рулетку Близнацам.

— Очень шумные, — прочла она минутой позже.

«Капризная и испорченная», — таков был диагноз Аннабелы.

— Так я и думала! — фыркнула Мэри Поппинс. — Стоило мне отлучиться, как дом превратился в зверинец!

Наконец она обернула рулетку вокруг собственной талии, и удовлетворенная улыбка расплылась по ее лицу.

«Лучше чем обычно. Практически Совершенна», — гласила надпись на измерительной ленте.

— Как и следовало ожидать, — заметила Мэри Поппинс и прибавила тут же со свирепым взглядом:

— А ну, марш умываться!

Дети наперегонки побежали в ванную. Теперь, когда Мэри Поппинс вернулась, все шло как нельзя лучше. В мгновение ока дети были вымыты. Никто сегодня не был за ужином, никто не оставил ни крошки, ни капли! Поставив на место стулья, дети сложили салфетки и забрались в постель.

Мэри Поппинс ходила по Детской, подтыкая им одеяла. Дети чувствовали привычный запах белого крахмального передника и жареных тостов. Они видели очертания хорошо знакомой фигуры и в восхищении молчали, наблюдая за ней.

Майкл оперся рукой о пол и заглянул под кровать. Там ничего не было, кроме пыли и шлепанцев. Тогда он посмотрел под кровать Джейн. Там тоже ничего не было.

— Но где же вы собираетесь спать, Мэри Поппинс? — спросил он с любопытством.

Вместо ответа Мэри Поппинс прикоснулась к дверце платяного шкафа. Дверь с шумом распахнулась, и из шкафа грациозно выпорхнула знакомая раскладушка. Белье было

уже застелено, а поверх него аккуратной стопкой лежали вещи Мэри Поппинс. Там был кусок туалетного мыла и шпильки, флакон духов и складное кресло, зубная щетка и коробочка с пилюлями от насморка. На подушке были сложены ночные рубашки — фланелевые и хлопчатобумажные. Кроме того, дети увидели ботинки, домино, две купальные шапочки и альбом с открытками.

От удивления Джейн с Майклом не знали, что сказать.

— Но... как это все оказалось в шкафу? — выдавил наконец из себя Майкл. — Ведь там ничего не было! Я точно знаю, потому что сегодня утром прятался там от Элен!

В ответ на это Мэри Поппинс смерила его таким взглядом, что Майкл поперхнулся и замолчал. Фыркнув, она отвернулась и развернула фланелевую сорочку. Джейн и Майкл переглянулись. Их глаза говорили: «Нечего ждать объяснений, все равно она ничего не скажет!»

Они наблюдали за ее смешными движениями, пока она раздевалась под ночной сорочкой. «Клип! Клип!» — расстегнулись пуговицы. «Свиш! Свиш» — слетела прочь нижняя юбка. Чувство полной умиротворенности охватило детей. Они знали, что исходит оно от Мэри Поппинс. Сонно наблюдая за извивающейся ночной рубашкой, они вспоминали обо всем, что случилось раньше. Они вспоминали о том, как Мэри Поппинс впервые прилетела в их дом с Западным ветром, о том, как зонтик унес ее прочь, когда ветер сменился на Восточный. Они вспоминали, как она вернулась на Воздушном Змее, и как снова потом исчезла, оставив их совершенно одних.

«Ну, теперь, — вздохнули они счастливо, — она вернулась, и все будет опять хорошо.»

Чувства переполняли Майкла. Мысли бурлили в его голове и, словно пузырьки в газированной воде, устремлялись вверх. Прежде чем он смог их остановить, они вырвались наружу.

— Мэри Поппинс! — воскликнул он. — Без вас было так ужасно!

Уголки губ Мэри Поппинс дрогнули. Казалось, что на них вот-вот появится улыбка. Но не тут-то было!

— Вы были ужасны — это больше похоже на правду. Прямо не дом, а Медвежья Берлога! Не представляю, как здесь вообще можно находиться!

— Но ведь вы останетесь? — заискивающе спросил Майкл.

— Мы будем как золотые, только останьтесь! — пообещала Джейн.

Мэри Поппинс перевела взгляд с одного из них на другого. Казалось, она видит их насквозь.

— Останусь до тех пор, — сказала она после короткой паузы, — пока не откроется Дверь. Она задумчиво посмотрела на дверь Детской.

— Ой, не говорите так, Мэри Поппинс! — вскрикнула Джейн. — Эта дверь все время открывается!

— Я имею в виду Другую Дверь, — проговорила Мэри Поппинс, застегивая ночную рубашку и не сводя пристального взгляда с двери Детской.

— Что она хочет этим сказать? — прошептала Джейн Майклу.

— Знаю! — ответил он с умным видом. — Там нет никакой другой двери. А дверь, которой нет, не может открыться. Она хочет сказать, что останется навсегда!

Майкл счастливо засмеялся.

Джейн, однако, не была так уверена.

«Интересно...» — начала она было размышлять.

Но Майкл болтал без умолку:

— Я рад, что поздоровался сегодня за руку с Трубо-чистом! Он принес нам удачу! Может, завтра он будет чистить дымоход в Детской и пожмет руку вам, Мэри Поппинс!

— Фи! — ответила она и вздернула голову. — Я не нуждаюсь в удаче!

— Да, — задумчиво проговорил Майкл. — Наверное, так оно и есть. Тот, кто может вылетать из ракеты — как вы сегодня — должно быть, уже родился удачливым. Я имею в виду... Ой, не смотрите на меня! — умоляюще вскрикнул Майкл, потому что Мэри Поппинс взглянула на него так, что по телу забегали мурашки.

— Правильно ли я расслышала? — спросила она ледяным тоном. — Ты упомянул меня в связи с ракетой?

Слово «ракета» она произнесла так, словно ничего неприличнее просто быть не могло.

Майкл в ужасе огляделся. Но никакой поддержки со стороны других детей не получил.

— Но вы действительно появились из нее, Мэри Поппинс! — храбро заявил он. — Ракета взорвалась, и вы вылетели из нее прямо в небо!

Казалось, Мэри Поппинс стала вдвое выше, когда подошла ближе.

— Взорвалась? — повторила она с яростью. — Я взорвалась и вылетела из ракеты?

Майкл вжался в подушку.

— Но выглядело это именно так! Правда, Джейн?

— Т-с-с-с! — прошипела в ответ Джейн и покачала головой. Она знала, что спорить бесполезно.

— Но, Мэри Поппинс! Мы видели вас! — упрямо твердил Майкл. — Если вы появились не из ракеты, то откуда? Ведь искр-то не было!

— Взорвалась! — снова повторила Мэри Поппинс. — Вылетела из ракеты! Вы часто оскорбляли меня, Майкл Бэнкс, но хуже этого ничего не может быть! Если я еще раз услышу что-нибудь о взрывах или ракетах... — она не договорила, но Майкл прекрасно понял, что тогда произойдет что-то ужасное.

— Ти-ли-ли! Чик-чик-чик! — слышался тоненький голосок с подоконника. В Детскую заглянул Скворец и возбужденно захлопал крыльями.

Мэри Поппинс подбежала к окну.

— Убирайся прочь! — сердито прикрикнула она, и когда Скворец упорхнул, выключила свет и нырнула в постель. Некоторое время дети слышали ее сердитое бормотанье, потом все смолкло. Тишина, словно мягкое,

пушистое облако, опустилась на Детскую. Она окутала ребят со всех сторон и медленно поманила в сон.

— Майкл! — шепотом позвала Джейн.

Он осторожно сел и посмотрел в ту сторону, куда указывал ее палец. Из угла лился слабый свет. И тут ребята увидели, что складки зонтика с ручкой в форме головы попугая полны звезд — таких, какие обычно появляются, когда взрываются ракеты. Глаза ребят расширились от изумления, когда голова попугая вдруг зашевелилась и наклонилась вперед. Одну за другой она принялась сбрасывать звезды клювом на пол. Несколько секунд они еще переливались золотым и серебряным светом, но затем блекли и тихо гасли. Скоро голова попугая снова выпрямилась, и черный зонтик Мэри Поппинс принял прежний вид.

Дети смотрели друг на друга и улыбались. Делали они это молча, потому что знали — им никогда не найти подходящих слов, чтобы рассказать о тех удивительных вещах, которые случались с Мэри Поппинс.

— Тик-так! — приговаривали часы на камине. — Пора спать! Пора спать! Тик-так! Тик-так!

Дети закрыли глаза, а часы в такт их дыханию продолжали неторопливо отмерять ход времени.

Мистер Бэнкс храпел в своем кабинете, прикрывшись газетой.

Миссис Бэнкс пришивала к его старому пальто новые черные пуговицы.

— Все еще думаешь о том, что бы ты делал, если б не женился? — поинтересовалась она.

— А, что? — пробормотал мистер Бэнкс, просыпаясь. — Уже нет. Слишком много хлопот. Тем более теперь, когда Мэри Поппинс вернулась, я могу вообще больше ни о чем не думать.

— Прекрасно, — одобрила миссис Бэнкс, быстро пришивая пуговицы. — Я приложу все усилия, чтобы научить Робертсона Эя.

— Чему? — сонно спросил мистер Бэнкс.

— Не давать ботинки разного цвета!

— Ни в коем случае не надо этого делать! — неожиданно заявил мистер Бэнкс. — Сегодня в офисе все были просто восхищены. Сказали, что это очень оригинально. Теперь я всегда буду так ходить.

— В самом деле? — удивилась миссис Бэнкс, счастливо улыбаясь. В целом, она была довольна, что мистер Бэнкс женился. И теперь, когда Мэри Поппинс вернулась, она собиралась напоминать ему об этом почаще...

Внизу, на кухне, сидела миссис Брилл. Вместе с ней здесь были Элен и Полисмен, который провожал Элен до дома, а теперь задержался, чтобы выпить чашечку чая.

— Ох уж эта Мэри Поппинс! — сказал Полисмен, прихлебывая чай. — Сегодня здесь, завтра там. Ну совсем как Вилли-Жгут, которого мы целый год разыскивали всем участком.

— Ой, не говорите так! — воскликнула Элен, чихая. — Я надеюсь, что она останется на этот раз.

Полицейский подал ей свой носовой платок.

— Может, и останется! — заметил он рассудительно. — Заранее сложно сказать.

— Хотелось бы надеяться по крайней мере, — вздохнула миссис Брилл. — Этот дом — просто Образцовая Резиденция, когда она в нем.

— Мне тоже хотелось бы на это надеяться, — сказал Робертсон Эй веникам, стоящим в чулане. — Мне необходим отдых!

И, укутавшись в лучшую шаль миссис Бэнкс, он снова заснул.

Но на что надеялась сама Мэри Поппинс, никто не знал, потому что Мэри Поппинс, в отличие от остальных, никогда никому об этом не рассказывала...

— Мэри Поппинс! Ну, пойдете! — сказала Джейн, пританцовывая от нетерпения на тротуаре.

Мэри Поппинс не обратила внимания. Она стояла и любовалась своим отражением на медной табличке у ворот Доктора Симпсона.

— Вы нормально выглядите! — заверила ее Джейн.

— Нормально?! — фыркнула Мэри Поппинс.

«Подумать только! Выглядит нормально в новой черной шляпке с синим бантом! Неслыханно! — думала она. — Прекрасно, замечательно выглядит! Это гораздо ближе к истине!»

Вздернув голову, она стремительно двинулась дальше, и детям пришлось бежать, чтобы ее догнать.

Стоял чудесный майский день. Вся компания направлялась в гости к мистеру Твигли. А все потому, что пианино, стоящее в гостиной, расстроилось, и миссис Бэнкс попросила Мэри Поппинс найти настройщика.

— Мой кузен, мистер Твигли, мадам. Он живет в трех кварталах отсюда, — объявила Мэри Поппинс. Когда же миссис Бэнкс сказала, что никогда не слышала о нем, Мэри Поппинс, фыркнув, ответила, что все ее родственники — самые лучшие люди. Джейн с Майклом уже встречались с двумя кузенами Мэри Поппинс и теперь гадали, каким окажется мистер Твигли.

— Думаю, он высокий и худой, как мистер Навыворот, — предположил Майкл.

— А мне кажется, что он наоборот — маленький и толстый, как мистер Паррик, — возразила Джейн.

— Никогда не видела таких охотников думать о разных пустяках, — заметила Мэри Поппинс. — Так вы, пожалуй, совсем мозги износите! Налево, будьте добры!

Они завернули за угол и оказались посередине узкой улицы с маленькими, старомодно отделанными домами по обеим сторонам.

— Что это за улица? — удивилась Джейн. — Я никогда не видела ее раньше! А я сто раз была здесь!

— Уж не думаете ли вы, что это я ее сюда перенесла? — фыркнула Мэри Поппинс.

— Я бы не удивился, если бы именно так и оказа-

лось! — пробормотал Майкл, уставясь на странные маленькие домики. — Ведь вы можете все! Вы такая умная! — добавил затем с лстивой улыбкой.

— Неужели? — насмешливо поинтересовалась Мэри Поппинс, хотя в ее глазах и зажегся самодовольный огонек. — Умный тот, кто умно поступает. Чего о вас, к сожалению, не скажешь! — фыркнула она, пройдя вниз по улице.

Мэри Поппинс остановилась у одного из домов и позвонила в дверь. Звонок громко задребезжал: «Бз-з-з!» В тот же момент наверху распахнулось окно, и большая голова, с пучком на затылке, выскочила из него, словно черт из коробки.

— Ну, что еще там случилось? — донесся до них резкий голос. Взглянув вниз, женщина увидела Мэри Поппинс. — А, это вы! — пробормотала она сердито. — Можете разворачиваться и возвращаться туда, откуда пришли. Его нет дома!

С этими словами голова исчезла, и окно захлопнулось. Еще никогда дети не были так разочарованы.

— Может, прийти сюда завтра? — нерешительно предложила Джейн.

— Сегодня — или никогда! Вот мой девиз! — фыркнула Мэри Поппинс и снова позвонила в дверь.

На этот раз дверь распахнулась. Особа, выглядывавшая из окна, стояла перед ними, накаленная до предела. На ней были большие черные башмаки, сине-белый клетчатый фартук и черная шаль вокруг плеч. Джейн и

Майкл подумали, что им еще не доводилось видеть никого более несимпатичного. Жалость к мистеру Твигли переполнила их сердца.

— Что?! Снова вы?! — закричала женщина. — Я же вам сказала, что его нет дома! А если я говорю, то значит так оно и есть! Или мое имя не Сара Кламп!

— Так значит вы не миссис Твигли? — с облегчением воскликнул Майкл.

— Еще нет, — ответила она со зловещей улыбкой. — Эй! А ну-ка, все вниз! — завопила она, так как Мэри Поппинс, проскользнув в дверь, потащила детей вверх по лестнице.

— Вы что, не слышите? Я обращусь в полицию! Кто позволил вам врываться в дом приличной женщины, подобно банде вампиров?

— Приличной? — фыркнула Мэри Поппинс. — Если вы приличная женщина, то я одnogорбый верблюд! — и она три раза постучала в дверь, расположенную справа от лестницы.

— Кто там? — донесся изнутри испуганный голос. Джейн и Майкл даже задрожали от волнения. Может, мистер Твигли все-таки дома?

— Это я, кузен Фред! Отопри, пожалуйста!

Наступило минутное молчание. Затем раздался скрежет ключа в замке, и дверь открылась. Мэри Поппинс, войдя в комнату и втащив за собой детей, снова заперла ее на ключ.

— Впустите меня, вы, пират! — закричала миссис Кламп, сердито дергая ручку.

Мэри Поппинс тихо рассмеялась. Дети огляделись. Они были в большой мансарде. Под ногами там и сям валялись всевозможные деревяшки, стружка, банки из-под краски и клея. Вся комната была сплошь заставлена музыкальными инструментами. В одном углу стояла арфа, в другом возвышалась груда барабанов. Трубы и скрипки свисали со стропил, на полках громоздились флейты и рожки. Пыльный стол у окна был завален плотницкими инструментами. На табуретке лежала маленькая лакированная шкатулка и крошечная отвертка.

В центре комнаты, на полу, стояло еще пять музыкальных шкатулок. Они ярко сверкали свежеевыкрашенными боками, а вокруг них мелом было написано:

ОСТОРОЖНО — ОКРАШЕНО!

В комнате стоял изумительный запах краски, клея и древесных стружек. Не хватало в ней только одной вещи — самого мистера Твигли.

— Вы впустите меня или мне обращаться в полицию? — кричала миссис Кламп, что есть силы барабана в дверь. Мэри Поппинс не обращала на это никакого внимания. Наконец они услышали шаги, направляющиеся вниз по лестнице, и яростное бормотание миссис Кламп.

— Она ушла? — спросил озабоченно чей-то тонкий голос.

— Ушла, и я заперла дверь! Признавайся, Фред, что ты сделал с собой? — нетерпеливо потребовала Мэри Поппинс.

— Я загадал желание, Мэри! — снова раздался тот же голос.

Джейн и Майкл оглядели пыльную мансарду в поисках мистера Твигли.

— Ох, Фред! Только не говори мне, что... э-э-э... загадай лучше еще одно желание, где бы ты ни находился! Я не могу терять из-за тебя целый день!

— Хорошо! Я иду! Не надо волноваться!

Скрипки сыграли какую-то музыкальную фразу. Затем из воздуха — как показалось детям — появились две короткие ноги, одетые в мешковатые брюки. За ними последовало тело в старом сюртуке. Наконец показалась длинная белая борода, морщинистое лицо с очками на носу и розовая лысина с шапочкой на макушке.

— Кузен Фред! В твоем возрасте пора стать хоть немного осторожней! — сердито заметила Мэри Поппинс.

— Чепуха, Мэри! — отозвался мистер Твигли. — Возраст отнюдь не прибавляет осторожности! Думаю, вы согласитесь со мной, молодой человек! — и он весело подмигнул Майклу. Майкл не удержался и подмигнул в ответ.

— Да, но где вы прятались? — спросил он. — Не могли же вы появиться из воздуха!

— Мог бы, — возразил мистер Твигли. — Если бы, конечно, захотел, — добавил он, радостно прыгая по комнате.

— Вы хотите сказать, что стоит вам пожелать — и вы исчезнете?

Покосившись на дверь, мистер Твигли кивнул.

— Мне пришлось удрать от нее!

— Но почему? Что она может вам сделать? — воскликнула Джейн в недоумении.

— Она хочет выйти за меня замуж! Ей нужны мои желания!

— Значит вы можете получить все, что только пожелаете? — спросил Майкл с завистью.

— Конечно. Но только после третьего мая в полнолуние и при условии, если во второе воскресенье месяца шел дождь. А она... — мистер Твигли кивнул в сторону двери. — Она хочет, чтобы я пожелал золотой дворец и пирог из павлина каждый день на обед! А что мне делать с золотым дворцом? Ведь все, что мне нужно, это...

— Осторожней, Фред! — предупредила Мэри Поппинс.

Мистер Твигли зажал рот руками.

— Да-да-да... Я всегда должен помнить об этом! Я и так уже использовал два желания!

— А сколько их у вас всего? — поинтересовалась Джейн.

— Семь, — ответил мистер Твигли, вздыхая. — Моя Крестная считала, что это счастливое число. Бедная старушка хотела мне добра. Лучше бы она подарила мне Серебряную Чашу, как это все делают. Намного полезней и хлопот меньше.

— А я думаю, что желания все-таки лучше, — решительно заявил Майкл.

— Это только так кажется, — воскликнул мистер Твигли. — Желаниями очень трудно управлять! Вы придумываете прекрасные вещи, собираетесь загадать желание... Но подходит время ужина, вам хочется есть, и вместо всех этих прекрасных вещей вы получаете сосиски с картофельным пюре!

— А те два желания, которые вы уже использовали, были хорошими? — спросил Майкл.

— Ну, теперь мне кажется, что они были не так уж плохи. Я чинил птичку, — мистер Твигли кивнул на табуретку, — когда услышал, что по лестнице поднимается она. «О, Боже! — подумал я. — Как бы мне хотелось исчезнуть!» И в следующий момент я действительно исчез! Вначале это ошеломило меня. Не удивительно, что она сказала вам, будто меня нет дома!

Мистер Твигли, взмахнув фалдами сюртука, довольно захихикал. Дети еще никогда не видели такого сияющего человека. И вообще мистер Твигли гораздо больше напоминал несколько крупноватую звезду, спустившуюся с небес, чем почтенного джентльмена средних лет.

— Правда, потом, — продолжал Мистер Твигли, — мне пришлось пожелать вернуться обратно, чтобы встретить Мэри Поппинс! Ну, Мэри, чем могу быть полезен?

— Миссис Бэнкс хотела бы настроить свое пианино, Фред. Дом Номер Семнадцать по Вишневой улице, напротив Парка, — важно сообщила Мэри Поппинс.

— А! Миссис Бэнкс! Тогда это, наверное... — мистер Твигли кивнул в сторону детей.

— Джейн и Майкл Бэнкс, — представила Мэри Поппинс, неприязненно посмотрев на них.

— Восхищен. Для меня это огромная честь! — мистер Твигли поклонился и сердечно пожал им руки. — Мне бы очень хотелось вас чем-нибудь угостить, но у меня сегодня все вверх дном!

Мансарда огласилась веселым звоном.

— Что это? — отшатнулся мистер Твигли. В каждой из его протянутых рук оказалось по тарелке с персиковым мороженым. Мистер Твигли вытаращил глаза. Затем — понюхал персики.

— Вот и третье мое желание! — уныло сказал он, вручая тарелки детям. — Ничего не поделаешь. Но у меня осталось еще четыре! Теперь мне придется быть по-настоящему осторожным!

— Если уж вы решили потратить на них желание, кузен Фред, было бы намного полезнее заказать бутерброды. Вы испортите им ужин! — сердито заметила Мэри Поппинс.

Джейн и Майкл поспешно воткнули ложки в мороженое. Они не собирались предоставлять мистеру Твигли возможность исправиться.

— А теперь, — сказала Мэри Поппинс, когда от мороженого не осталось и следа, — поблагодарите мистера Твигли и пойдете домой.

— О, нет, Мэри! Вы ведь только что пришли! — в отчаянии вскричал мистер Твигли.

— Мэри Поппинс, ну давайте побудем еще немного! — взмолились Джейн с Майклом. Им очень хотелось узнать, что мистер Твигли будет делать с оставшимися четырьмя желаниями.

Мистер Твигли взял Мэри Поппинс за руку.

— Я чувствую себя гораздо безопаснее, когда ты здесь, Мэри! И кроме того — мы так давно не виделись! Почему бы вам не побыть еще немного? Мне бы так хотелось...

— Фьють-фьють-фьють! — разнеслась по комнате птичья трель. И в ту же минуту непреклонное выражение на лице Мэри Поппинс сменилось вежливой улыбкой. Она послушно сняла шляпку и положила ее на стол рядом с баночкой клея.

— О, Боже! — глаза мистера Твигли наполнились ужасом. — Я снова, снова сделал это!

— Это уже четвертое! — воскликнули Джейн с Майклом и весело рассмеялись — слишком уж испуганным был вид у мистера Твигли.

— Четвертое, четвертое, четвертое! — будто эхо, подхватил птичий голосок.

— Боже мой! Как неосторожно, Фред! Мне стыдно за тебя!

С минуту мистер Твигли выглядел почти печальным. Однако скоро он вновь принял свой прежний сияющий вид.

— Ну, нечего плакать над истраченными желаниями. Лучше позаботиться о тех, которые еще остались. Иду,

моя уточка! Иду, мой цыпленочек! — крикнул он в ту сторону, откуда только что донеслась трель.

Подскочив к табурету, он взял в руки маленькую лакированную шкатулку. Его пальцы нажали на секретную пружину. Крышка откинулась, и самая маленькая, самая яркая птичка из всех, каких дети когда-либо видели, выскочила из золотого гнездышка. Чудесные трели разлились по комнате.

— Фьють-фьють-фьють-фьють! — самозабвенно пела она. Скоро, однако, песенка кончилась, и птичка тихо опустилась в золотое гнездышко.

— Ой, что это за птичка, мистер Твигли? — Джейн не сводила со шкатулки восторженного взгляда.

— Соловей, — ответил мистер Твигли. — Я как раз работал над этой шкатулкой, когда вы пришли. Ее обязательно надо к вечеру закончить. Сегодня такая чудесная соловьиная погода!

— А вы загадайте желание! — предложил Майкл. — И вам не надо будет больше работать.

— Что? Загадать желание о моей птичке? Ну, нет! Вы же видите, что случается, когда я начинаю загадывать желания. А вдруг она превратится в Лысоголового орла?

— Теперь она всегда будет вам петь? — спросила Джейн с завистью. Ей вдруг захотелось иметь точно такую же птичку.

— Что? Всегда? Конечно же, нет! Я не могу захламлять комнату уже законченной работой! У меня и без то-

го достаточно дел! Во-первых, надо приделать фигурки сюда, — он кивнул на незаконченные шкатулки. — А во-вторых, у меня срочный заказ — музыкальная шкатулка, называющаяся «День в Парке».

— День в Парке? — не поняли дети.

— О, это целый оркестр! — объяснил мистер Твигли. — Там есть все — плеск фонтанов, крики грачей, смех ребятишек, тихий шепот растущих деревьев и даже голоса сплетничающих женщин!

Глаза мистера Твигли ярко блестели за стеклами очков, когда он думал о том, что поместит в музыкальную шкатулку.

— Но разве можно услышать, как растут деревья? — запротестовал Майкл. — Такой музыки не бывает!

— Ерунда! — нетерпеливо перебил мистер Твигли. — Конечно, бывает! Музыка есть во всем! Неужели вы ни разу не слышали, как крутится Земля? Она жужжит, словно волчок. Бэкингемский Дворец играет «Правь Британия», а Темза звучит, как флейта. Бог мой! Да у всего на свете — и у деревьев, и у камней, и у звезд, и у людей — есть своя музыка!

Сказав это, мистер Твигли поднял с пола одну из шкатулок и завел. Тут же маленькое колесико на крышке начало вращаться, и изнутри полилась чудесная мелодия.

— Это моя! — гордо сообщил мистер Твигли. Он завел вторую музыкальную шкатулку, и дети слышали другой мотив.

— Это же «Лондонский Мост»! — воскликнул Майкл, — моя любимая песня!

— А что я вам говорил? — улыбнулся мистер Твигли, поворачивая ручку на третьей шкатулке.

— Это моя! — вскрикнула Джейн и запрыгала от восторга. — «Апельсины и лимоны»

— Апельсины, лимоны, атласная лента! — Колокол бьет у Святого Клементя.

— Ну, конечно! — просиял мистер Твигли и, радостно схватив детей за руки, закружил по комнате.

Три колесика на шкатулках тоже завертелись, и мелодии слились воедино:

Новость вам эту скажу по секрету:
Лондонский мост обвалился!
Да-да, моя прелесть,
Да-да, моя прелесть,
Взял, да вдруг обвалился!

— пел Майкл.

«Апельсины, лимоны, атласная лента!» —
Слышится звон у Святого Клементя!

— пела Джейн.

Мистер Твигли заливался, будто счастливый черный дрозд.

Ноги у детей были легкими, как пух, когда они танцевали под свою собственную музыку. Еще никогда раньше они не чувствовали такой легкости и веселья!

Бумс! — парадная дверь хлопнула так, что дом задрожал. Мистер Твигли остановился и прислушался.

Бах! Бах! — загрохотали шаги на лестнице. Трубный голос загудел на площадке.

Мистер Твигли в ужасе накрыл голову фалдами сюртука.

— Она идет! — завопил он. — О, боже! О, боже! Как я хотел бы оказаться в тихом безопасном местечке!

Трубы мелодично зазвенели. А затем произошла очень странная вещь. Мистер Твигли взлетел с пола и, словно подхваченный невидимой рукой, со свистом промчался мимо детей, как семечко чертополоха, несомое ветром. Через минуту, кашляя и отдуваясь, он приземлился на свою музыкальную шкатулку. Его рост, казалось, остался прежним, да и шкатулка не увеличилась ни на дюйм. И все же они удивительно подходили друг другу. Мистер Твигли кружился на миниатюрной подставке, а на его лице застыла торжествующая улыбка.

— Я спасен! — завопил он, махая детям рукой. — Теперь она меня не поймает!

— Ура! — хотели закричать и дети, но слова застряли у них в горле. Какая-то неведомая сила внезапно подхватила их и потащила через всю комнату. Не прошло и нескольких секунд, как они со всего маху шлепнулись на свои музыкальные шкатулки. Колесики на крышках на-

чали быстро вращаться, и Джейн с Майклом закружились на лакированных подставках.

— Ой! — вскрикнула Джейн. — Какой приятный сюрприз!

— Я чувствую себя так, словно я волчок! — воскликнул Майкл.

Мистер Твигли вздрогнул и в изумлении уставился на них.

— Неужели это сделал я? Боже мой! Я становлюсь все умнее и умнее в своих желаниях!

— Умнее! — фыркнула Мэри Поппинс. — Смешнее! Вот как я бы это назвала!

— Зато безопасно! — заметил мистер Твигли. — И, между прочим, приятно! Мэри, почему бы тебе тоже не попробовать?

— А вы загадайте желание! — придумал Майкл.

— Гм! Ей это не нужно, — покачал головой мистер Твигли и, хитро прищурившись, посмотрел на Мэри Поппинс.

— Ну, если вы настаиваете... — фыркнула она в ответ и, аккуратно поставив ноги вместе, взлетела в воздух. Затем, даже не улыбнувшись, она спокойно опустилась на музыкальную шкатулку. И тут же, хотя шкатулку никто не заводил, послышалась веселая мелодия:

Вокруг большой поляны
Испуганный хорек
От страшной обезьяны
Бежит, не чуя ног.

Хорек упал, макака
Его тотчас схватила,
А после рассмеялась:
«Пардон! Я пошутила!»

Мелодия разносилась по комнате, а Мэри Поппинс кружилась и кружилась, стоя на своей музыкальной шкатулке, причем с таким спокойным видом, словно для нее это было самым обыкновенным делом.

— Ах! Теперь мы все вместе! — счастливо воскликнула Джейн. Она посмотрела на окно и помахала рукой Майклу, чтобы он тоже взглянул на улицу.

А снаружи маленькие домики тоже вращались на своих фундаментах! Над ними в небе два белых облака танцевали что-то вроде вальса. Даже сама мансарда, казалось, бежала по кругу, словно колесики на музыкальных шкатулках.

Все четыре мелодии звучали весело, задорно, однако, они не были в состоянии заглушить шум приближающихся тяжелых шагов. Бух! Бух! Бух! В следующую минуту в дверь громко постучали.

— Именем закона! Откройте! — раздался знакомый голос.

Сильная рука сорвала шаткий замок. С треском дверь распахнулась. На пороге стояли миссис Кламп и Полисмен. Когда они увидели, что происходит в комнате, их глаза стали размером с блюдце.

— Как... как это неприлично! — выдохнула наконец миссис Кламп. — Вот уж не ожидала, что этот дом превратится в парк развлечений! — Она погрозила кулаком Мэри Поппинс. — Вы получите сполна, моя дорогая! Сейчас Полисмен вами займется! Что касается вас, мистер Твигли, то сию же минуту слезайте с этой глупой карусели! Приведите себя в порядок и наденьте шляпу! Мы идем жениться!

Мистер Твигли задрожал. Но тут же легкомысленно взмахнул фалдами сюртука и запел:

— Не кричите, не стучите,
Дорогая миссис Кламп,
А не то от ваших криков
Я взлетаю выше ламп!

Полицейский тем временем вынул блокнот и карандаш.

— Сейчас же перестаньте вращаться! У меня от вас голова кружится! Я должен записать показания!

Мистер Твигли весело хихикнул.

— Вы не туда попали, дорогой офицер! Я еще никогда не давал показаний. Кроме того, я всегда говорил своему мальчику, Метуселаху, что показания — это просто ерунда!

— Ну-ну! Шутки только ухудшают положение! Не хотите же вы сказать, что вы отец Метуселаха! — снисходительно улыбнулся Полисмен.

— Дедушка! — поправил его мистер Твигли, проплывая мимо.

— Ну все, хватит! Сейчас же слезайте! Такое не разрешается проделывать даже в частных жилищах! Эй! Кто там меня тянет? Отпустите! — испуганно взвизгнул Полисмен, взлетая в воздух. Музыкальная шкатулка весело зазвенела, когда он, как камень, рухнул на нее:

— Маргаритка, Маргаритка, посмотри сама!
От любви я сохну, чахну и схожу с ума!

— Помогите! Помогите! Срочно вызываю участок! — Полисмен схватил свисток и что было сил принялся дуть в него.

— Офицер! — кричала миссис Кламп. — Выполняйте свой долг, или я и на вас найду управу! Сейчас же арестуйте эту женщину! — она вытянула огромный палец в направлении Мэри Поппинс. — Я засажу вас за решетку, моя дорогая! Я вас... Эй! Эй! Перестаньте! Сейчас же перестаньте!

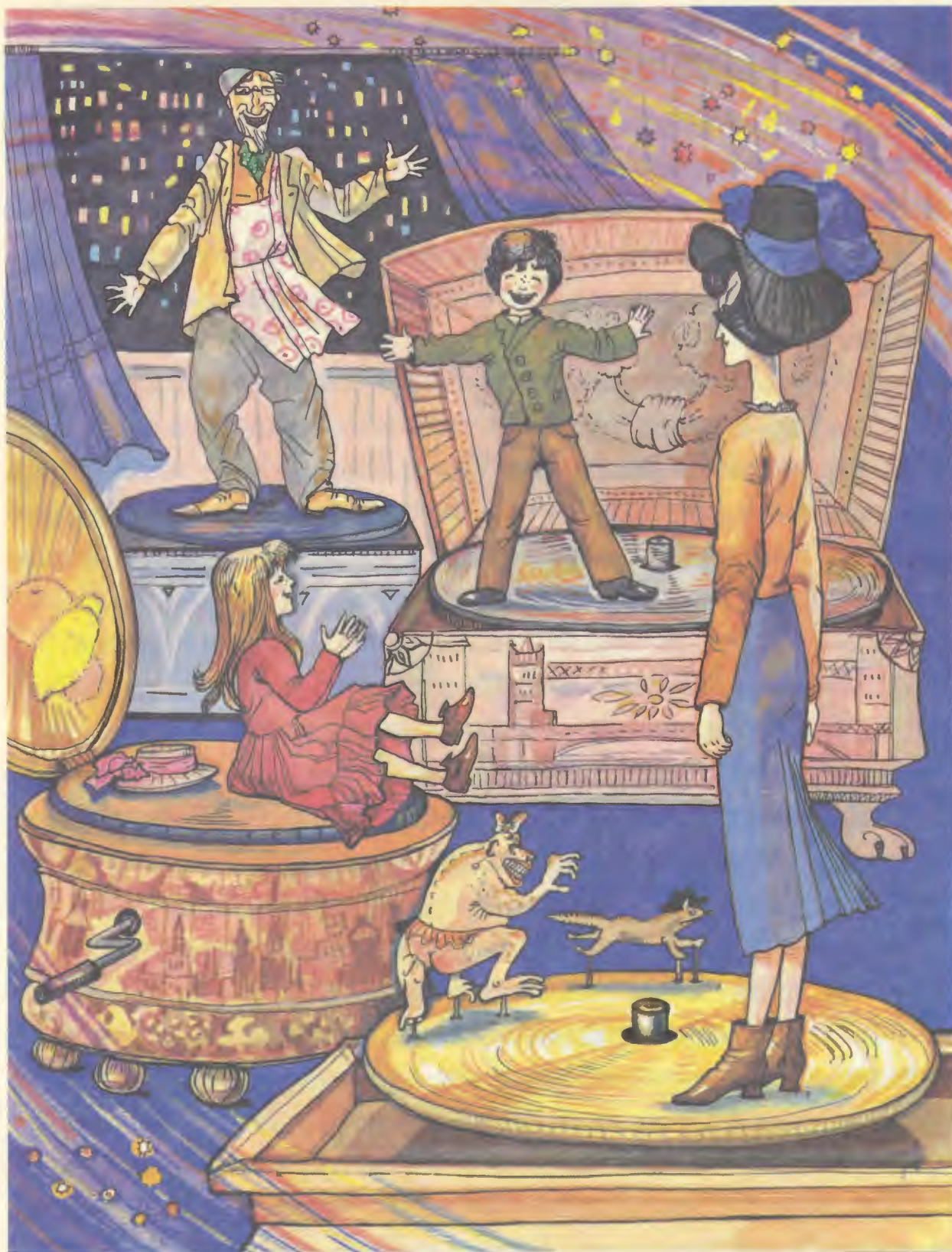
Глаза миссис Кламп расширились от изумления и гнева. А случилась и впрямь очень любопытная вещь.

Миссис Кламп вдруг начала быстро вращаться вокруг собственной оси. Причем стояла она не на музыкальной шкатулке, а на полу. Доски громко протестующе скрипели, когда огромная фигура поворачивалась на них.

— Надеюсь, что это пойдет вам на пользу! — воскликнул мистер Твигли и, смеясь, запел:

— Прыгни, прыгни выше ламп,
Дорогая миссис Кламп!

От ужаса миссис Кламп задрожала. Она попыталась оторвать ноги от пола. Но у нее ничего не получилось: ее ноги намертво приклеились к доскам.

— Ай да Мэри! Я бы никогда до этого не додумался! — мистер Твигли с восхищением посмотрел на Мэри Поппинс.

— Это твоих рук дело! Ты, безнравственная, своевольная, бессердечная девчонка! — вопила миссис Кламп, стараясь схватить Мэри Поппинс. — Но я еще рассчитаюсь с тобой — или мое имя не Сара Кламп!

— Во всяком случае оно никогда не будет Сара Твигли! — радостно закричал в ответ мистер Твигли.

— Отпустите меня! Я хочу домой! Я хочу в участок! — завывал, кружась на своей шкатулке, Полисмен.

— Мне кажется, вас никто и не задерживает! — фыркнула Мэри Поппинс. В следующий момент шкатулка Полисмена остановилась, и он, тяжело дыша, спрыгнул с нее.

— В Скотленд Ярд! — кричал он, шатаясь. — Я должен увидеть шефа! Я должен написать рапорт!

Наконец он добрался до двери и, отчаянно дунув в свисток, слетел вниз по лестнице.

— Вернитесь, негодяй! — завопила ему вслед миссис Кламп. — Ушел! — взвизгнула она, когда внизу хлопнула дверь. — О, что мне теперь делать? Помогите! Убивают! Пожар!

Ее лицо покраснело от усилий, какие она прилагала, пытаясь освободиться. Но все было бесполезно. Ноги по-прежнему были плотно приклеены к полу.

— Мистер Твигли! — закричала она тогда, размахивая руками. — Помогите мне, сэр! Я всегда вам вкусно готовила! Следила за чистотой и порядком! Хорошо, можете не жениться на мне! Только освободите!

— Будь осторожен, Фред! — предупредила Мэри Поппинс.

— Семь раз отмерь, один раз отрежь. Так, дайте мне подумать! — пробормотал мистер Твигли и прикрыл рукой глаза.

Джейн и Майкл видели, что он изо всех сил пытается пожелать что-то Действительно Полезное. С минуту мистер Твигли пребывал в глубоком раздумье. Затем он поднял глаза, улыбнулся и хлопнул в ладоши.

— Миссис Кламп! — воскликнул он весело. — Я освобожу вас! Я загадаю желание, и у вас будут золотой дворец и павлиний пирог каждый день на обед! Но... — он подмигнул Мэри Поппинс. — Это будет особый дворец и особый пирог!

В тот же миг оглушительно загрохотали барабаны.

Миссис Кламп посмотрела на Мэри Поппинс и торжествующе рассмеялась.

— Ага! — воскликнула она. — Моя взяла!

Но улыбка тут же сползла у нее с лица. Глаза ее расширились от ужаса. Огромное, толстое тело миссис Кламп внезапно начало стремительно уменьшаться. Ее ноги, по-прежнему накрепко приклеенные к полу, делались меньше с каждым новым оборотом.

— Что это? — дико взвизгнула миссис Кламп. — Что это такое? Полиция! Караул! Убивают!

Чем меньше становилась миссис Кламп, тем тоньше делался ее голос.

— О, мистер Твигли! Что вы наделали! — пищала она. — Полиция! Полиция!

Внезапно пол сердито вздыбился и подбросил ее в воздух. Описав широкую дугу, миссис Кламп снова опустилась вниз и, всхлипывая, побежала прочь. Пока она бежала, она становилась все меньше и меньше. Вначале она была размером с котенка, потом с мышку. Она бежала, спотыкаясь и подпрыгивая, пока в конце концов не вошла в крошечный золотистый дворец, стоящий в углу.

— О, зачем я просила его об этом! О, Боже! — кричала миссис Кламп тоненьким голоском.

Заглянув в одно из окошечек дворца, дети увидели, как она рухнула на стул перед маленьким жестяным пирогом. Двери дворца с треском захлопнулись, музыка смолкла, и в комнате воцарилась тишина.

Мистер Твигли спрыгнул со шкатулки и подбежал к золотому дворцу. С восторженным криком он поднял его и заглянул внутрь.

— Ах, как умно! Просто замечательно! Теперь нужно сделать прорезь для монет и показывать это на ярмарке! Всего один пенни! Один пенни — и вы сможете посмотреть на толстую женщину, жующую пирог! Спешите! Всего один пенни!

Размахивая дворцом, мистер Твигли радостно скакал по комнате. Джейн и Майкл, спрыгнув со шкатулок, подбежали к нему и снова заглянули в одно из окошек

дворца. Миссис Кламп с выражением ужаса на лице нарезала жестяной пирог.

— Это было шестое желание! — напомнил ему Майкл.

— Да, действительно! — согласился мистер Твигли.

— Хорошо, что хоть одно оказалось полезным.

— Стоит только по-настоящему захотеть, и любое желание исполнится! Особенно если она поблизости! — он кивнул на Мэри Поппинс, которая величественно сходила со своей музыкальной шкатулки.

— Будьте добры, наденьте шапки! — скомандовала она. — Я хочу чаю. Я не верблюдов в пустыне!

— О, еще только одну минуточку! Пожалуйста, Мэри Поппинс! У мистера Твигли осталось еще одно желание! — хором взмолились Майкл и Джейн.

— Ах, да! Я совсем забыл. Что же мне...

— Вспомни, Фред! Вишневая улица! — перебила Мэри Поппинс.

— Спасибо, что напомнила. Секундочку!

Мистер Твигли приложил руку ко лбу, и тотчас зазвучала музыка.

— Какое желание вы загадали? — одновременно спросили Джейн и Майкл.

Но мистер Твигли не ответил. Он лишь махнул рукой, словно, израсходовав все свои желания, захотел остаться в одиночестве.

— Уже уходите? — пробормотал он. — Как печально! Спасибо, что пришли! Мэри, это не твои перчатки?

Надеюсь, когда у меня снова будет семь желаний, вы придете снова.

— А когда это произойдет? — поинтересовался Майкл.

— Думаю, лет через девяносто, — с готовностью ответил мистер Твигли.

— Но ведь мы будем тогда совсем старыми! — возразила Джейн.

— Может быть, — развел руками мистер Твигли. — Но в любом случае моложе меня!

С этими словами он поцеловал Мэри Поппинс в щеку и вытолкнул всех троих из комнаты.

Последним, что они видели, была ликующая улыбка мистера Твигли, когда он садился мастерить прорезь для монет в крыше дворца миссис Кламп...

Позже, когда они вспоминали обо всем случившемся, ни Джейн, ни Майкл не могли сказать, как они добрались от дома мистера Твигли до Вишневой улицы. Еще мгновение назад они спускались по пыльным ступенькам, а в следующее уже шагали вслед за Мэри Поппинс по вечерней улице!

Джейн оглянулась, чтобы в последний раз посмотреть на маленький домик.

— Майкл! — испуганно прошептала она. — Он исчез! Все исчезло!

Майкл повернул голову. Джейн оказалась права. Ни переулочка, ни старомодных домиков нигде не было видно.

Перед ними тянулся лишь сумрачный Парк, да хорошо знакомый изгиб Вишневой улицы.

— Где же тогда мы были весь день? — проговорил Майкл, недоуменно озираясь по сторонам. Но чтобы ответить на этот вопрос, явно нужен был кто-то гораздо более мудрый, чем Джейн.

— Где-то, наверное, мы все-таки были, — неопределенно ответила она. Но Майклу этого показалось недостаточно. Он подбежал к Мэри Поппинс и принялся дергать ее за юбку.

— Мэри Поппинс! Где мы были сегодня? Что случилось с мистером Твигли?

— Откуда мне знать? — сердито фыркнула она. — Я не Справочник!

— Но он исчез! И улица тоже исчезла! И музыкальная шкатулка, на которой он кружился сегодня днем!

Мэри Поппинс остановилась посреди тротуара и пристально взглянула на него.

— Мой кузен на музыкальной шкатулке? Что еще за чепуха, Майкл Бэнкс?

— Но это было! — хором возмутились Джейн и Майкл. — Мы все кружились на музыкальных шкатулках! Каждый под свою собственную музыку! И вашей мелодией была:

Вокруг большой поляны
Испуганный хорек...
От страшной обезьяны
Бежит, не чуя ног!

Глаза Мэри Поппинс пылали от гнева. Казалось, она стала даже вдвое больше ростом.

— Каждый на своей... обезьяне?! Вокруг поляны?! — она была так сердита, что едва смогла выговорить эти слова. — На крышке музыкальной шкатулки, вы сказали?! И это награда за все мои страдания! Вы проводите день с хорошо воспитанными, достойными людьми — со мной и моим кузеном — и в результате над ними же насмехаетесь! Вокруг поляны! Да еще с обезьяной! Неслыханно! Предупреждаю — еще хоть один звук, и я оставляю вас здесь, на этом самом месте! На крышке музыкальной обезьяны! Подумать только! — продолжала возмущаться она, шагая сквозь сгустившиеся сумерки.

Тук! Тук! — громко стучали ее каблуки по тротуару. Даже со спины Мэри Поппинс выглядела чрезвычайно сердитой.

Джейн и Майкл спешили следом. Они знали, что спорить с Мэри Поппинс совершенно бесполезно. В молчаньи они шли по улице, думая обо всем, что с ними произошло днем...

— О, Мэри Поппинс! — радостно воскликнула миссис Бэнкс, когда парадная дверь открылась. — Мне очень жаль, но, боюсь, мне не понадобится ваш кузен. Я только что снова попробовала пианино, и оказалось, что оно настроено!

— Очень рада этому, мадам, — кивнула Мэри Поппинс, украдкой глядя на свое отражение в зеркале. — Тем более, что мой кузен не попросит платы.

— Еще бы! — воскликнула миссис Бэнкс с негодованием. — Ведь он даже здесь не был!

— Совершенно верно, мадам, — фыркнула Мэри Поппинс и стала подниматься по лестнице.

Джейн и Майкл понимающе переглянулись.

— Наверное, это было его седьмое желание! — прошептал Майкл.

Джейн кивнула в ответ.

Фьють! Фьють! Фьють! Фью-ить! — донеслось внезапно из Парка.

— Это еще что такое? — воскликнула миссис Бэнкс, подбегая к двери. — Боже мой! Да это же соловей!

С ветвей дерева серая птица одну за одной, словно сладкие спелые сливы, роняла чудесные ноты. Звонкие переливы пронзали вечерний воздух и неслись вдаль сквозь сгустившийся сумрак.

— Как странно! — пробормотала миссис Бэнкс. — Обычно они не поют в городе.

А за ее спиной дети перемигивались и понимающе смотрели друг на друга.

— Это Соловей мистера Твигли, — прошептала Джейн.

— Да, он отпустил его! — вздохнул Майкл.

Они прислушивались к чудесной песне и думали о том, что все происшедшее сегодня действительно было и что лучшим доказательством этому является замечательная соловьиная трель, оглашающая собой Парк:

Через минуту Соловей замолчал.

Миссис Бэнкс вздохнула и закрыла дверь.

— Хотела бы я знать, откуда он появился! — задумчиво проговорила она.

Но Джейн и Майкл уже поднимались по лестнице в Детскую.

Они знали, что на свете есть вещи, которые очень трудно объяснить. Даже невозможно.

Кроме того, сегодня к чаю были булочки со смородиной, и Мэри Поппинс обязательно бы рассердилась, если бы они не пришли вовремя...

У Майкла болел зуб. Он лежал в постели и стонал, искоса поглядывая на Мэри Поппинс, которая сидела в кресле и перематывала шерсть. Джейн, примостясь рядом с ней на корточках, держала моток. Снизу, из сада, доносились крики Близнецов, которые играли там с Элен и Аннабелой.

В Детской было тихо и мирно. Часы самодовольно тикали, словно курица, которая только что снесла яйцо.

— И почему это зубы болят у меня, а не у Джейн? — пожаловался Майкл и поплотнее обмотал щеку шарфом Мэри Поппинс.

— Потому что ты вчера съел слишком много конфет! — строго заметила Мэри Поппинс.

— Да, но у меня был День Рождения! — возразил Майкл.

— Это вовсе не повод для того, чтобы забывать всякую меру! У меня почему-то не болят зубы после Дня Рождения!

Майкл бросил на нее сердитый взгляд. Ах, как ему порой хотелось, чтобы Мэри Поппинс не была уж таким Совершенством! Но сказать ей об этом он, естественно, не осмелился.

— Вот умру, — пригрозил он, — тогда пожалеете!

Но Мэри Поппинс лишь презрительно фыркнула и снова занялась шерстью.

Держась за щеку обеими руками, Майкл обвел взглядом Детскую. Все вокруг было знакомо. И лошадка-качалка, и пестрые обои, и красный потертый ковер выглядели словно старые добрые друзья.

Взгляд Майкла скользнул по каминной полке. Компас, Королевское Фарфоровое Блюдо, букет маргариток в банке из-под варенья, катушка от его старого змея и рулетка Мэри Поппинс. И там же стоял вчерашний подарок тетушки Флосси — белая фарфоровая кошечка, разрисованная синими и зелеными цветочками.

Она сидела, сложив лапки вместе и обернув их хвостом. Солнечный свет переливался на ее фарфоровой спине, а глаза ее таинственно глядели куда-то в дальний конец комнаты.

Майкл дружески улыбнулся ей. Он очень любил тетушку Флосси, и ему всегда нравились подарки, которые она дарила.

И тут зуб снова заныл.

— Ой! — вскрикнул Майкл. — У меня сейчас десна лопнет! — он жалобно взглянул на Мэри Поппинс. — И никому до этого нет дела! — добавил он с горечью.

Мэри Поппинс насмешливо улыбнулась.

— Не надо смотреть на меня так! — захныкал Майкл.

— С какой стати? Ведь даже Кошке позволено смотреть на Короля!

— Но я не Король! — сердито проворчал Майкл. — А вы, Мэри Поппинс, не Кошка!

Он надеялся, что она начнет с ним спорить, и он хоть на какое-то время забудет про зуб.

— Вы имеете в виду, что любая кошка может смотреть на Короля? И даже кошка Майкла? — спросила Джейн.

Мэри Поппинс подняла взгляд. Ее синие глаза встретились с зелеными глазами Кошки.

Некоторое время было тихо.

— Любая кошка! — подтвердила Мэри Поппинс наконец. — А эта Кошка тем более!

Улыбаясь про себя, она снова взяла клубок, и тут же что-то задвигалось на каминной полке. Фарфоровая Кошка пошевелила своими фарфоровыми усами, подняла голову и зевнула. Дети увидели ее блестящие острые зу-

бы и длинный розовый язык. Почесав разрисованную цветами спину, она лениво потянулась. Затем, взмахнув хвостом, спрыгнула на пол.

— Пим! — мягко спружинили лапы о ковер.

— Му-р-р! — сказала Кошка.

Проходя мимо Мэри Поппинс, она едва заметно кивнула ей. После этого Кошка запрыгнула на подоконник и, взглянув на солнце, исчезла.

Майкл забыл о зубной боли и уставился на окно.

Джейн, раскрыв от удивления рот, уронила моток.

— Но... Но как? Почему? Куда? — выпалили они хором.

— К Королеве, — ответила Мэри Поппинс. — Она принимает каждую вторую пятницу. Джейн, прекрати тарашиться! Майкл, закрой рот, не то простудишь свой зуб!

— Но я хочу знать, что происходит! — вскричал Майкл. — Она же фарфоровая! Ненстоящая! И вдруг — прыгает! Я сам видел!

— А зачем она пошла к Королеве? — спросила Джейн.

— Ловить мышей, — спокойно ответила Мэри Поппинс. — Да, и кроме того, так повелось

Взгляд Мэри Поппинс устремился куда-то вдаль, руки, держащие клубок, опустились на колени.

Джейн предостерегающе посмотрела на Майкла. Он осторожно выбрался из кровати и подкрался к креслу. Но Мэри Поппинс не обращала на него внимания. Она задумчиво смотрела на окно, словно что-то припоминая.

— Давным-давно, — не торопясь, начала она, как если бы читала книгу, — жил да был Король, который думал, что знает все на свете. Сосчитать невозможно, сколько он всего знал! Его голова была наполнена всевозможными цифрами и фактами, как гранат зернами! Вот из-за этого Король и стал ужасно рассеянным! Вы не поверите, но иногда он даже забывал собственное имя! А звали его Коль*

К счастью, у Премьер-Министра память была очень хорошая, и он время от времени напоминал Королю его имя.

Больше всего на свете Король любил размышлять. Он думал ночью и думал днем. Думал за едой и даже когда принимал ванну. Он никогда не замечал, что творилось у него под самым носом, потому что все время был занят размышлениями о чем-то другом. Вы, наверное, решили, что он думал о своем народе и о том, как сделать его счастливым? Ничего подобного! Его занима-

* Все стихи в этой книге взяты из английского сборника детских стихов, песенок и загадок «Рифмы Матушки Гусыни». Перевод здесь и далее И. Родина.

Старый Король
По имени Коль
Повеселиться любил.
Послал он за кубком,
Послал он за трубкой
И скрипачей пригласил.

Скрипки играли,
Люди плясали!
Би-ли-ли, би-ли-ли, бил!
А музыканты
В лентах и бантах
Жарили, что было сил!

ли совсем другие вопросы. Например, сколько бабуинов живет в Индии, какой полюс больше — Северный или Южный, и можно ли научить свиней петь. Однако ему было мало, что он все время сам ломает голову над этими вещами! Он заставлял всех думать о них! Всех, кроме Премьер-Министра, который вовсе не был мыслящей личностью, а просто старичком, любящим посидеть на солнышке и чуть-чуть побездельничать. Правда, он старался, чтобы этого никто не заметил — ведь Король мог отрубить ему за это голову.

Король жил во Дворце, сделанном из чистого хрусталя. В первые годы его правления дворец так сверкал, что прохожие были вынуждены прикрывать руками глаза, чтобы не ослепнуть. Но со временем хрусталь потускнел, покрывшись толстым слоем грязи и пыли. Но никто не чистил его и не протирал — все подданные были заняты тем, что помогали Королю думать о гораздо более важных для него вещах. В любую минуту Король мог оторвать их от основной работы и отправить, например, в Китай — считать шелковичных червей, или на Соломоновы острова — выяснять, правила ли там Царица Савская. А когда они возвращались, все разузнав, Король и придворные заносили сведения в толстые книги в прочных кожаных переплетах. Если же кто-нибудь осмеливался вернуться без ответа, ему тут же отрубали голову.

И только одной Королеве было совсем нечего делать. Целый день она просиживала на золотом троне, перебирая синие и зеленые цветочки в ожерелье, висящем у нее

на шее. Время от времени она с криком вскакивала и поплотнее запахивалась в горностаевую мантию. Дело в том, что Дворец стал таким грязным, что в нем завелись мыши, а все Королевы, это вам подтвердит кто угодно, терпеть их не могут.

— Ой! — вскрикивала она, с ногами влезая на сиденье своего трона.

Но Король всякий раз лишь хмурился.

— Потихе, пожалуйста! — говорил он раздраженно, потому что даже самый маленький, незначительный шум отвлекал его от раздумий. Мыши на некоторое время убегали, и в зале снова воцарялась тишина. Слышался только скрип гусиных перьев, которыми Король и придворные записывали новые сведения в кожаные книги.

Королева никогда никому не приказывала, даже своим Камер-Фрейлинам. Все равно Король отменял все ее приказы.

— Зашить Королеве юбку? — спрашивал он сердито. — Какую юбку? Зачем тратить время на пустые разговоры о юбках? Возьмите лучше перья и запишите новые сведения о птице Феникс!

Вы, наверное, скажете — много шуму из ничего? Что ж, вы правы. Однако не думайте, что так было все время. Очень часто, сидя в одиночестве на троне, Королева вспоминала о тех днях, когда они с Королем только поженились. Каким высоким и красивым он был тогда, каким сильным и румяным, а как вились его кудри! Словно лепестки нежных Камелий!

— Ах! — вздыхала она, вспоминая, как он кормил ее медовыми пряниками и бутербродами с тарелочки. Его лицо светилось такой любовью, что сердце Королевы готово было выскочить из груди от счастья.

А потом настал роковой вечер.

— Твои глаза ярче звезд, — сказал Король, переводя взгляд с Королевы на таинственно мерцающее небо. Однако вместо того, чтобы потом снова взглянуть на нее, он продолжал смотреть вверх. — Интересно, — задумчиво проговорил он наконец. — Сколько там звезд? Пожалуй, надо их сосчитать. Одна, Две, Три, Четыре, Пять, Шесть, Семь...

Он считал, пока Королева не заснула.

— Тысяча двести сорок девять, — услышала она, когда проснулась.

Поняв, что одному ему не справиться, Король разбудил придворных и тоже заставил их считать звезды. Но так как результаты получились у всех разные, Король очень рассердился.

С этого все и началось...

На следующий день Король воскликнул:

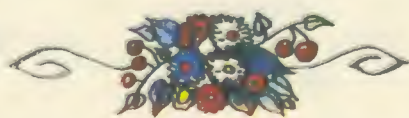
— Твои щеки, дорогая, словно две розы!

И Королева была счастлива, пока он не добавил:

— Но почему, как розы? Почему не как капуста? Отчего розы красные, а капустные кочаны зеленые? Почему не наоборот? Это очень серьезный вопрос!

На третий день он сказал Королеве, что ее зубы - как жемчуг. Но прежде чем она успела улыбнуться, он продолжил:

— Ну и что из того? В конце концов зубы есть у каждого, и столько, сколько положено. А жемчуг очень редкая вещь! Вот о чем следовало бы подумать!

И, собрав лучших ныряльщиков королевства, он отправил их в море за жемчугом.

С этого дня Король думал не переставая. Его интересовали только сведения и факты, а на Королеву он и не глядел. Даже если взгляд Короля случайно останавливался на Королеве, он ее не видел, так как от постоянного чтения и письма стал близоруким. Его румяное круглое лицо постепенно высохло и осунулось, а волосы поседели. Он почти совсем ничего не ел, кроме бутербродов с сыром, да и то после того, как Премьер-Министр напоминал ему, что пора обедать.

Можете себе представить, как было одиноко Королеве! Порой старый Премьер-Министр подходил к трону и ласково трепал ее по руке. Иногда маленький Паж, наполняющий чернильницы, поднимал глаза и улыбался ей из-за спины склонившегося над бумагами Короля. Но ни мальчик, ни старик не могли подолгу развлекать Королеву: ведь за это им могли отрубить голову.

Только не подумайте, что Король был злым. Совсем наоборот. Ему казалось, что его подданные должны быть счастливей всех на свете — ведь ими правил Король, который знал все!

Но, увы, пока Король набирался ума, подданные его становились все беднее и беднее. Дома превращались в развалины, поля — в пустыри... Ведь все занимались тем, что помогали Королю думать!

В один прекрасный день Король и придворные, как всегда, сидели за столом в тронном зале и работали. Королева прислушивалась к скрипу перьев и писку мышей в погребе. Она сидела так тихо, что одна нахальная мышь пробежала через весь зал и принялась умываться прямо у подножия трона. Королева испуганно ахнула, но тут же зажала рот рукой, чтобы не помешать Королю. Подобрав свою горностаевую мантию, она взобралась на трон, дрожа от страха.

И в этот самый момент она вдруг увидела Кошку.

Это была маленькая Кошечка, пушистая, словно одуванчик, и белая, как сахар, от усов до хвоста. Она шла неторопливой, танцующей походкой, будто времени у нее было сколько угодно, а дел никаких. Зеленые глаза мерцали таинственным светом.

На мгновение Кошка остановилась у края ковра и как-то странно посмотрела на Короля и придворных, согнувшихся над книгами. Потом зеленые глаза остановились на Королеве. Тут Кошка вздрогнула, и все ее тело напряглось. Спина ее выгнулась, словно горб верблюда, усы ошетинились. Перелетев через весь тронный зал, Кошка нырнула под трон. Раздалось глухое ворчание, сдавленный писк... и одной мышью стало меньше...

— Тише, пожалуйста! Не надо издавать эти странные звуки, дорогая! Они мешают мне думать! — сердито заявил Король.

— Это не я... — робко возразила Королева. — Это Кошка.

— Кошка? — рассеянно переспросил Король, не поднимая головы. — Кошки — это четырехногие животные, покрытые мехом. Едят мышей, рыбу, мясо и птиц. Общаются, мурлыкая или мяукая. Они бродят сами по себе и, как говорит народное поверье, имеют девять жизней. Дальнейшую информацию о кошках смотри на странице 2, том 7, Полка Д в шкафу 5 слева от двери. Эй! Это еще что?

Король, оторвавшись от книги, в изумлении уставился на сидящую прямо перед ним на бумагах Кошку.

— Эй! Поосторожнее! — сердито сказал он. — Ты сидишь на моих последних фактах! А там очень серьезные сведения — действительно ли индюки происходят из Индии или нет! Что тебе нужно? Ну, говори же! Не бубни под нос!

— Я хочу на вас посмотреть, — спокойно ответила Кошка.

— Ого! Неужели? Что ж, как говорится в пословице, даже Кошка может смотреть на Короля. Я не возражаю. Любуйся.

Король откинулся на спинку кресла и повернул голову, чтобы Кошка могла рассмотреть его со всех сторон.

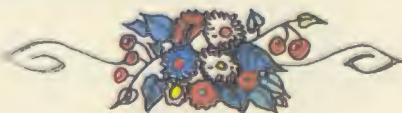
Кошка задумчиво смотрела на Короля.

Последовала долгая пауза.

— Ну, — сказал наконец Король, снисходительно улыбаясь. — И какого ты обо мне мнения, позволь поинтересоваться?

— Не очень высокого, — небрежно ответила Кошка, облизывая правую переднюю лапу.

— Что? — вскричал Король. — Не очень высокого? Ну и ну! Бедное невежественное животное, да ты даже не представляешь, что за Короля ты видишь перед собой!

— Ну, Король от Короля мало чем отличается, — заметила Кошка.

— А вот и отличается! — сердито возразил Король. — Назови мне хотя бы одного Короля, который бы знал так же много, как я! Да профессора со всех концов Земли приезжают, чтобы поговорить со мной всего каких-нибудь полчаса! Мой Двор — это Сливки Общества! Сад стережет Джек Победитель Великанов!* Овец пасет не кто иная как малютка Мэри.

А в каждом моем пироге ровно по двадцать две вороны!

И ты смеешь заявлять, что ты невысокого мнения обо мне! Да кто ты такая, чтобы так разговаривать с Королем!

— О, всего лишь Кошка, — ответила Кошка. — Четыре лапки, хвост, усы!

— Это я и сам вижу! — оборвал Король. — Внешность для меня не имеет значения! Для меня важно другое — много ли ты знаешь?

— О, все на свете, — спокойно заявила Кошка, облизывая кончик хвоста.

— Что?! — взорвался Король. — Да таких хвастунов еще поискать надо! У меня просто руки чешутся отрубить тебе голову!

* Джек Победитель Великанов — герой знаменитой английской народной сказки.

— Хорошо, — согласилась Кошка. — Но всему свое время.

— Все на свете! Какая наглость! Никто не может знать всего! Даже я!

— Кошки — исключение из этого правила, — заметила Кошка. — Уверяю вас, Кошки знают все на свете!

— Ну, хорошо! — проворчал Король. — Придется тебе это доказать! Если ты такая умная, я задам тебе три вопроса... И тогда посмотрим!

Он мстительно улыбнулся. Если эта хвастунья будет настаивать на своем, она за это ответит!

— Итак, — сказал Король, откидываясь на спинку стула и складывая руки на груди. — Мой первый вопрос...

— Минуточку! — спокойно сказала Кошка. — Я не буду отвечать на вопросы, пока мы не договоримся об условиях. Кошки не настолько глупы. Давайте заключим сделку. Мои условия таковы: вы задаете мне три вопроса. А после этого — я вам. И кто из нас выиграет, тот будет править королевством!

Придворные в изумлении побросали перья. У Короля глаза вылезли на лоб. Но он взял себя в руки и надменно рассмеялся.

— Прекрасно! Мы только зря время потратим! И я докажу это! Принимаю условия!

— Тогда снимите корону, — распорядилась Кошка, — и положите на стол между нами.

Король сорвал со взлохмаченной головы корону, и драгоценные камни на ней ярко сверкнули на солнце.

— Пора кончать с этой ерундой! Мне надо работать! — сердито сказал он. — Ты готова? Тогда вот мой первый вопрос: сколько человек, каждый из которых шести футов ростом, можно уложить вокруг экватора?

— Ну, это просто, — улыбнулась Кошка. — Надо длину экватора разделить на 6.

— Ага! — издал торжествующий вопль Король. — Но какова эта длина?

— Какая вам будет угодна, — беспечно отозвалась Кошка. — Ведь его не существует на самом деле. Экватор — лишь воображаемая линия.

Лицо Короля потемнело от досады.

— Ладно, — мрачно сказал он. — Скажи мне, какая разница между слоном и железнодорожным носильщиком?

— Никакой, — тут же ответила Кошка. — И тот и другой переносят грузы!

— Но... но... но... — заспорил Король. — Это совсем не то, что я хотел! Будь в конце концов серьезней!

— Я не знаю, чего вы хотели, Ваше Величество, — заметила Кошка. — Я всего лишь отвечаю на ваш вопрос!

Король сердито щелкнул языком.

— Похоже, шутка зашла слишком далеко! Это уже какой-то фарс! Просто несерьезно! Ну, ладно! Вот мой третий вопрос!

На лице Короля появилась высокомерная улыбка. «На этот раз попалась!» — подумал он. Величественно подняв руку, он спросил:

— Если двенадцать землекопов, работая по восемь часов в день, захотят выкопать яму в десять с половиной миль глубиной, сколько они дней затратят на это, включая воскресенье?

Глаза Короля светились торжеством. Он уже предвкушал победу. Но у Кошки был готов ответ.

— Две секунды,— сказала она быстро, слегка взмахнув хвостом.

— Две секунды?! Ты что, с ума сошла? Да у них на это уйдут годы!

Король даже потер руки от удовольствия при мысли о том, что Кошка ошиблась.

— Повторяю,— слышался голос Кошки.— Две секунды. Именно за это время они поймут, что рыть такую яму просто глупо! Вы сказали десять миль глубиной, если не ошибаюсь? Для чего она может понадобиться?

— Смысл вопроса не в этом! — сердито отозвался Король.

— Да в нем вообще нет смысла! — воскликнула Кошка.— А теперь моя очередь!

Король раздраженно пожал плечами.

— Хорошо, только побыстрее! Я и так потерял слишком много времени!

— Мои вопросы короткие и очень простые,— заверила его Кошка.— Любой Кошке ответить на них проще, чем пошевелить усами! Хотелось бы надеяться, что и у Короля хватит на это ума! Итак, первый вопрос: высоко ли до неба?

Король удовлетворенно хмыкнул. Такие вопросы ему нравились, и на его лице появилась самодовольная улыбка.

— Ну, — начал он, — это зависит от многого. Если стоять на равнине, то будет одна вы́сота, если на вершине горы, то другая. Не забывая об этом, а кроме того, измерив широту и долготу, принимая в расчет состояние атмосферы, стратосферы и другие замеры, мы можем...

— Прошу прощения, — перебила Кошка. — Но это не ответ. Попробуйте еще раз, пожалуйста. Высоко ли до неба?

Глаза Короля расширились от гнева и удивления. Никто раньше не осмеливался его перебивать.

— Небо... — пробормотал он, — э-э-э... гм... Не могу точно сказать, сколько это будет в ярдах... Да и никто не скажет, уверяю вас! Но приблизительно...

— Мне нужен точный ответ, — сказала Кошка и перевела взгляд на уставившихся на нее придворных. — Может, кто-нибудь здесь, в этом Храме Науки, ответит на мой вопрос?

Опасливо глядя на Короля, Премьер-Министр поднял дрожащую руку.

— Я всегда считал, — робко проговорил он, — что небо — это чуть выше, чем летают орлы. Я старый человек и, конечно, могу ошибаться...

Кошка всплеснула своими лапками сахарно-белого цвета.

— Нет! Нет! Вы правы! — возразила она ласково.

Король в ярости фыркнул.

— Глупости! Чушь!

Кошка подняла лапку, требуя тишины.

— Теперь попробуйте ответить на второй вопрос: какое молоко слаще всего?

Лицо Короля тут же прояснилось. Он самодовольно ухмыльнулся.

— Это просто, как дважды два! — небрежно заметил он. — Молоко слаще всего в Сардинии! Коровы там питаются розами и медом, и поэтому их молоко сладкое, как золотистый сироп! Или на Маркизских островах! Коровы там едят только сахарный тростник... Или в Греции, где на пастбищах много перечника... Кроме того, принимая во внимание...

— Я не собираюсь ничего принимать во внимание, — сказала Кошка, — кроме того, что вы должны ответить на мой вопрос! Какое молоко слаще всего?

— Я знаю! — воскликнул маленький Паж, прекращая наполнять чернильницы. — Слаще всего то молоко, которое находится в блюдечке у огня!

Кошка одобрительно кивнула мальчику и зевнула прямо в лицо Королю.

— Я думала, вы умнее! — разочарованно сказала она. — Вы, возможно, и мудрейший из Королей, но на мои вопросы все время отвечает кто-то другой! Не сердитесь! — добавила Кошка, заметив, что Король гневно смотрит на Пажу. — У вас есть еще один шанс одержать победу! Вот мой третий вопрос. Что на свете всего сильнее?

Глаза Короля заблестели. Он был уверен, что на этот раз даст правильный ответ.

— Тигр, — сказал он задумчиво, — конечно, очень сильный зверь. Сильна и лошадь, и лев. Кроме того, нельзя забывать о морских приливах, землетрясениях, вулканах, ледяных шапках полюсов... Да, еще, может быть, Великая Китайская Стена...

— А может быть и нет! — оборвала Кошка. — Кто знает, что сильнее всего на свете?

Она обвела взглядом тронный зал. И тут заговорила Королева.

— Мне кажется, что сильнее всего терпение, — чуть слышно проговорила она. — Потому что терпение в конце концов побеждает все.

Некоторое время зеленые кошачьи глаза таинственно смотрели на нее.

— Так и есть, — кивнула Кошка наконец. И, повернувшись, положила лапу на корону.

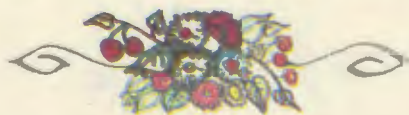
— О, мудрейший из монархов! Вы великий ученый, а я всего лишь простая Кошка. Но я ответила на все ваши вопросы, а вы не ответили ни на один из моих! Результат ясен, как мне кажется. Корона — моя!

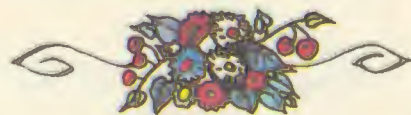
Король презрительно расхохотался.

— Не говори ерунды! Что ты будешь с ней делать? Ты не умеешь издавать законы и управлять людьми! Ты даже не умеешь читать и писать! Доверить свое королевство Кошке? Да лучше я прикажу тебе отрубить голову!

Кошка улыбнулась.

— Вижу, что, несмотря на свою ученость, вы совершенно не знаете сказок! Иначе бы вы знали, что если

Кошке отрубить голову, то она окажется заколдованным принцем.

— Сказок? Что за ерунда? Я думаю о своем королевстве!

— Ваше королевство, — заметила Кошка, — позвольте напомнить, уже больше не ваше! Все, что вы теперь можете — это отрубить поскорее мне голову! Остальное — мое дело! И, поскольку эти люди, судя по всему, вам не нужны, я беру их к себе на службу: мудрого Премьер-Министра; разумную женщину, вашу жену; и способного мальчика-Пажа. Позвольте им надеть шляпы и отправиться со мной. Вчетвером мы прекрасно будем править государством.

— Но что будет со мной? — вскричал Король. — Что мне делать? Как жить?

Глаза Кошки сузились.

— Надо было думать об этом раньше. Любой человек дважды подумал бы, прежде чем спорить с Кошкой! А теперь доставайте свой меч, ученый человек! Надеюсь, что он острый!

— Остановитесь! — крикнул Премьер-Министр и положил руку на эфес королевского меча. Затем он повернулся к Кошке и почтительно поклонился.

— Выслушайте меня! — тихо сказал он. — Вы действительно выиграли корону в честном поединке! Может, вы и вправду заколдованный принц... или принцесса. Но я вынужден отказаться от вашего предложения. Я служу Королю с давних времен. Я был пажом еще у его отца. Для меня не важно, сохранит он корону или нет, будет

Королем или простым бродягой. Я люблю его, и я нужен ему. Я не пойду с вами.

— Я тоже, — проговорила Королева, вставая со своего золотого трона. — Я была с ним рядом, когда он был красив и молод. Я тосковала о нем все эти годы. Не важно, умен он или глуп, богат или нищ — я люблю его и не смогу его оставить. Я не пойду с вами.

— Я тоже, — сказал маленький Паж, затыкая пробкой бутылку с чернилами. — Этот дом — мой дом, и этот Король — мой Король. Мне жаль его. Кроме того, мне нравится наполнять чернильницы. Я не пойду с вами.

Кошка улыбнулась странной улыбкой, и ее зеленые глаза сверкнули, когда она посмотрела на тех, кто ей отказал.

— Что скажешь на это, Король? — спросила Кошка, поворачиваясь к столу. Но ответа не последовало. Король плакал.

— Почему ты плачешь, мудрец? — удивилась Кошка.

— Потому что мне стыдно! — всхлипнул Король. — Я хвастал своими знаниями! Я думал, что знаю все на свете или почти все! А теперь оказалось, что старик, женщина и маленький мальчик намного умнее меня! Не надо меня утешать! — рыдал он, отстраняясь от пытавшихся его утешить Королевы и Премьер-Министра. — Я этого не достоин! Я ничего не знаю! Я не знаю даже, кто я такой!

Он закрыл лицо руками.

— О, я знаю, что я Король! — закричал он. — Я знаю, конечно, и свое имя, и адрес! Но я не знаю, кто я на самом деле! И это после стольких лет...

— Взгляни на меня, и ты узнаешь, — спокойно сказала Кошка.

— Но я уже смотрел на тебя! — всхлипнул Король, уткнувшись в носовой платок.

— Но не так, как надо, — настаивала Кошка. — Ты лишь бросил мимолетный взгляд. Говорят, что даже Кошка может смотреть на Короля. Но Король тоже может смотреть на Кошку! Если ты это сделаешь, то узнаешь, кто ты такой. Посмотри мне в глаза...

Король оторвался от носового платка и сквозь слезы взглянул на Кошку. И в ее зеленых блестящих глазах он увидел собственное отражение.

— Ближе. Ближе, — приказала Кошка.

Король послушно наклонился к ней.

И, глядя в ее бездонные, таинственные глаза, он вдруг увидел, что отражение начинает меняться.

Худое лицо округлилось, бледные щеки зарумянились, морщины разгладились, редкие волосы на голове стали густыми и кудрявыми, а на подбородке появилась аккуратная каштановая бородка.

Король ахнул от удивления и улыбнулся. Высокий, стройный человек на отражении улыбнулся в ответ.

— Бог мой! Да это же я! — вскричал Король. — Теперь я знаю, кто я такой! Никакой я не ученый!

Он запрокинул голову и весело расхохотался.

— Ха-ха! Хо-хо! Теперь я это вижу! Я даже не очень умен! Я всего лишь старый Король, который любит повеселиться.

Он замахал руками на разинувших рты придворных.

— Эй, вы! Уберите прочь бумагу и перья! Порвите книги! Закройте столы! И если мне кто-нибудь напомним о них, я собственноручно отрублю ему голову!

Король снова расхохотался и так крепко обнял Премьер-Министра, что чуть не задушил его.

— Прости меня, мой верный друг! Принесите мне трубку! Подайте мне кубок! Пригласите скрипачей!

— А ты, моя Радость, мое Сокровище, моя Голубка... — повернулся он к Королеве, раскрывая объятия. — Дай мне скорее свою ручку, сердце мое, и я никогда ее не отпущу!

От счастья слезы потекли из глаз у Королевы, и Король нежно стер их.

— Мне не нужны звезды в небе, — прошептал он, — мои звезды — это твои глаза...

— Прошу прощения, если перебила, — заметила Кошка. — Но как насчет меня?

— Ведь ты получила королевство и корону! Чего ты еще хочешь? — удивился Король.

— Фи! — фыркнула Кошка. — Очень они мне нужны! Примите их назад, как дружеский подарок. Но так как Кошки никогда ничего не делают даром, у меня будут две небольшие просьбы.

— Все, что угодно! — воскликнул Король с царственным жестом.

— Мне бы хотелось время от времени приходить во Дворец и навещать...

— Меня? Конечно! Милости просим! — оборвал Король, самодовольно улыбаясь.

— ...Королеву, — продолжила Кошка, не обращая никакого внимания на слова Короля.

— Ах, Королеву! Хорошо! Когда захочешь. Заодно поможешь нам избавиться от мышей.

— И во-вторых. Я прошу, — снова заговорила Кошка, — ожерелье из голубых и зеленых цветов, которое носит Королева.

— Бери, пожалуйста! — весело воскликнул Король. — Оно, кстати, не особенно дорогое!

Королева медленно подняла руки и расстегнула замочек. Сняв ожерелье, она обмотала им Кошку с головы до кончика пушистого хвоста. Затем они обменялись с Кошкой долгим взглядом, и в этом взгляде были все тайны, которые Королевы и Кошки хранят в своем сердце и никогда никому не выдают.

— Я принимаю каждую вторую пятницу, — сказала Королева, улыбаясь.

— Я приду, — кивнула Кошка.

Сказав это, она повернулась и, не удостоив больше никого взглядом, вышла из тронного зала. Хвост ее был гордо поднят, как знамя, а ожерелье ослепительно сияло на ее шерстке.

— Кстати! — крикнул Король ей вдогонку. — Ты действительно уверена, что ты заколдованный принц? И что ничего плохого не произошло бы, если бы я отрубил тебе голову?

Кошка обернулась и таинственно посмотрела на него. Потом усмехнулась:

— Ни в чем нельзя быть уверенным до конца в этом мире. До свидания.

Она скользнула в дверь и пошла вниз по дворцовым ступеням.

На лужайке она увидела Рыжую Корову, которая любовалась своим отражением в небольшом пруду.

— Кто ты? — спросила она, когда Кошка проходила мимо.

— Я Кошка, которая смотрела на Короля, — ответила Кошка.

— А я, — тряхнула головой Корова, — я Корова, которая перепрыгнула через Луну

— Действительно? — удивилась Кошка. — А зачем?

Корова раскрыла рот. Никто раньше не задавал ей такого вопроса. Она вдруг подумала, что и впрямь зря это делала.

— Если хорошенько поразмыслить, — грустно сказала она, — то я не знаю, зачем.

И Корова понуро пошла прочь, думая о своей злосчастной судьбе.

В саду, на дорожке, большая серая птица шумно хлопала крыльями.

— Я Курица, которая несет золотые яйца! — прокудахтала она.

— Неужели? — спросила Кошка. — А где же твои цыплята?

— Цыплята? — обернулась Курица и побледнела. — Ой, у меня и правда нет цыплят! Так вот чего мне всегда не хватало!

И она побежала скорее делать гнездо и откладывать простое яичко.

Плюх! Что-то зеленое шлепнулось на дорожку прямо перед Кошкой.

— Я мистер Квак! — гордо заявил новый знакомый. — Я собрался в гости! К Мышке!

— О, у вас серьезные намерения? — спросила Кошка.

— Как это?

— Ну, ведь вы собираетесь жениться?

— Э-э-э, ну... то есть... в общем, нет.

— Тогда лучше вам посидеть дома. С мамой, — усмехнулась Кошка. — А то поздние прогулки могут плохо закончиться!

И, прежде чем мистер Квак успел что-либо ответить, она прошла мимо. Она шла по садовой дорожке, и ее усы слегка подрагивали на ветру, а зелено-голубое ожерелье блестело на солнце.

Скоро Кошка вышла за городские ворота и скрылась из виду. Но все, кто встретился с ней, были счастливы. Корова, Курица и Лягушка от того, что перестали заниматься чепухой, придворные — от того, что теперь могли по вечерам плясать под скрипки и пить вино из украшенных цветами кубков, Король — потому, что больше ни о чем не думал. Королева была счастлива потому, что был счастлив Король. Маленький Паж тоже был счаст-

лив, так как теперь мог сколько угодно переливать чернила из бутылки в чернильницы и обратно — ведь теперь они никому не были нужны.

Но счастливей всех был все же старый Премьер-Министр. Знаете, что он сделал?

Он издал Указ, в котором говорилось, что Король приказывает по всей стране всем своим подданным устроить большой пир, что он приказывает танцевать и петь, смеяться и кататься на каруселях, водить на лужайках хороводы и быть ласковыми и вежливыми друг с другом. А кто нарушит этот Указ, тому Король тут же отрубит голову.

Сделав это, Премьер-Министр решил, что достаточно потрудился за свою жизнь, и провел остаток дней, сидя на солнышке в кресле-качалке, обмахиваясь листом пальмы и не делая ровным счетом ничего.

А Кошка отправилась бродить по свету. Она бродит по дорогам в зелено-голубом ожерелье Королевы и заглядывает людям в глаза. И все, кто встречается с ней, — Король ли, вельможа, простой человек — все застывают на месте, ненадолго, всего на какую-то долю секунды, потому что увидеть, кто ты есть на самом деле, можно всего за какое-то мгновение...

Голос рассказчицы смолк. Свет дня тихо угасал за окном. В Детской не слышалось ни звука, кроме однообразного тиканья часов.

Затем, внезапно очнувшись, Мэри Поппинс повернулась к ребятам и сердито фыркнула:

— Интересно знать, почему это вы до сих пор не в

постелях? Кажется, совсем недавно ты умирал от зубной боли, Майкл Бэнкс! И нечего на меня таращиться, Джейн! Я не дрессированный медведь!

Мэри Поппинс взяла с колен клубок и снова стала такой, как всегда.

Майкл завизжал и бросился на постель. Но Джейн не двигалась.

— Интересно, а кто я на самом деле? — тихо спросила она, обращаясь отчасти к себе, а отчасти к Майклу.

— Я-то знаю, кто я! — уверенно заявил Майкл. — Я Майкл Бэнкс, Вишневая улица, семнадцать. И ни у какой Кошки не надо ничего спрашивать!

— Ему вообще ни о чем ни у кого не надо спрашивать, — презрительно усмехнулась Мэри Поппинс. — Он ведь у нас Мистер Всезнайка!

— Как только она вернется, — проговорила Джейн, — я обязательно посмотрю ей в глаза!

— Посмотри лучше на свое черное лицо и умойся перед ужином! — фыркнула Мэри Поппинс.

— А может, она не вернется! — предположил Майкл. «Ведь Кошка, которая смотрела на Короля, — подумал он, — вряд ли захочет провести всю свою жизнь, сидя на каминной полке!»

— Конечно, придет! — возмутилась Джейн. — Правда, Мэри Поппинс?

— Откуда я знаю? — фыркнула Мэри Поппинс. — Я не библиотека!

— Но ведь Кошку подарили Майклу... — начала было спорить Джейн, как вдруг снизу раздался голос миссис Бэнкс:

— Мэри Поппинс! Не могли бы вы спуститься на минутку?

Дети вопросительно переглянулись. Голос мамы звучал очень испуганно.

Мэри Поппинс поспешила вниз. Отбросив в сторону одеяло, Майкл вместе с Джейн прокрался на лестницу.

В прихожей, на стуле, обессиленно сидел мистер Бэнкс. Перепуганная миссис Бэнкс то тормозила его за плечи, то брызгала ему в лицо из стакана водой.

— Кажется, он перенес какое-то потрясение! — объяснила она Мэри Поппинс. — Джордж, ты можешь внятно сказать, что случилось? В чем дело?

Мистер Бэнкс поднял бледное лицо.

— Нервы не выдержали, вот в чем дело! Я переутомился. У меня галлюцинации.

— Какие галлюцинации? — не поняла миссис Бэнкс. Мистер Бэнкс отпил глоток воды.

— Только я дошел до конца улицы, как вдруг... — с содроганием мистер Бэнкс закрыл глаза. — Я увидел его прямо у наших ворот!

— Да кого «его»? — закричала миссис Бэнкс.

— Белый. Похож на леопарда. И весь мех усеян незабудками. А когда я подошел к воротам, он посмотрел на меня. Прямо в глаза! Потом говорит: «Добрый вечер, Бэнкс!» — и убежал по дорожке.

— Но... — хотела возразить миссис Бэнкс, но мистер Бэнкс поднял руку.

— Я знаю все, что ты хочешь сказать. Все леопарды сидят в Зоопарке, и у них на шерсти не бывает незабудок. Я сам это прекрасно знаю! Выходит, что я опасно болен! Необходимо немедленно послать за доктором Симпсоном.

Миссис Бэнкс бросилась к телефону.

И тут сверху донеслись какие-то непонятные всхлипывания.

— Что там у вас случилось? — спросил мистер Бэнкс слабым голосом.

Но Джейн с Майклом не отвечали. Они буквально покатывались со смеху. Они подпрыгивали на месте, падали на пол, задыхаясь от распиравшего их хохота.

В это время, как раз когда мистер Бэнкс описывал, что с ним произошло, белая тень скользнула в окно Детской. Мягко прыгнув с подоконника на пол, она бесшумно взобралась на каминную полку. Там она села, обернув хвост вокруг лап, прижав уши, вся усыпанная зелеными и голубыми цветами... А таинственный взгляд фарфоровой кошки Майкла, казалось, был устремлен куда-то вдаль...

— Таких бесчувственных, бессердечных детей я еще не видел! — сказал мистер Бэнкс, обиженно глядя на ребят.

Но его слова рассмешили их еще больше. Они вопили, визжали — в общем помирали со смеху, пока Мэри Поппинс не повернулась и не взглянула на них.

Тут же наступила тишина. Не было слышно ни звука.

Впрочем, от такого взгляда кому угодно стало бы не до смеха!

— И не забудь купить мне вечернюю газету! — напомнила миссис Бэнкс, вручая Джейн два пенса и целуя ее на прощание.

Майкл выжидательно посмотрел на маму.

— И это все, что ты нам дашь? — спросил он. — А вдруг нам повстречается Мороженщик?

— Ну, хорошо, — сказала нерешительно миссис Бэнкс. — Вот еще шесть пенсов. Но, по-моему, дети, мы вас слишком балуем! Когда я была маленькой девочкой, я не ела мороженое каждый день!

Майкл удивленно уставился на нее. Он просто не мог

поверить, что она когда-то была маленькой девочкой. Миссис Джордж Бэнкс в коротенькой юбочке и с косичками, перевязанными ленточками? Невозможно!

— Ну, может быть, — рассудительно заметил Майкл, — ты его не заслуживала?

И он поскорее спрятал монету в карман своей матросской рубашки.

— На мороженое хватит и четырех пенсов, — сказала Джейн. — Давай на оставшиеся два купим книжку со смешными картинками!

— Будь добра, уйди с дороги! — раздался у нее за спиной знакомый голос.

Подтянутая и аккуратная, будто только что сошла с модной картинки, по лестнице спускалась Мэри Поппинс с Аннабелой на руках. Уложив ее в коляску, она направилась к выходу.

— А ну, живо - марш в Парк! — фыркнула она. — И не копать!

Джейн и Майкл заспешили по садовой дорожке. Следом поспевали Близнецы. Солнце раскинулось над Вишневой улицей, словно огромный сияющий зонтик. Дрозды и пеночки пели на ветках деревьев. На углу Адмирал Бум прилежно подстригал свой газон.

Из дальнего конца Парка доносились звуки веселого марша. Вдоль аллей проплывали цветные зонтики от солнца, а под ними семеняли дамы, пересказывая друг другу самые последние сплетни и новости.

Смотритель Парка, одетый в летнюю форму, голубую

с красным кантом на рукавах, расхаживал туда-сюда по газону и подозрительно косился на прохожих.

— Соблюдать правила! По траве не ходить! — вопил он. — Мусор бросать только в урны!

— Ну прямо как на шкатулке мистера Твигли! — оглянувшись еще раз по сторонам, сказала Джейн и мечтательно вздохнула.

Майкл приложил ухо к стволу большого дуба и радостно закричал:

— Мне кажется, я слышу, как он растет! Это такой тихий-тихий треск... или шуршание...

— Сейчас ты зашуршишь по тропинке домой, если не поторопишься! — предупредила его Мэри Поппинс.

— В Парке не мусорить! — завопил Смотритель, когда они проходили мимо него по липовой аллее.

— Смотрели бы лучше за собой! — бросила Мэри Поппинс, высоко вздернув голову.

Сняв фуражку, Смотритель принялся ею обмахиваться. Он во все глаза смотрел вслед удаляющейся фигуре, и по выражению лица Мэри Поппинс не составляло ни малейшего труда догадаться, что она знает об этом. Еще бы! Ведь сегодня на ней был новый белый жакет с розовым воротничком, розовым поясом и четырьмя розовыми пуговицами!

— Какой дорогой мы сегодня пойдем? — спросил Майкл.

— Будет видно! — недовольным тоном ответила Мэри Поппинс.

— Но я только хотел спросить... — начал было Майкл.

— Лучше не надо! — фыркнула она, не дослушав.

— Она мне слова сказать не дает! — проворчал Майкл, повернувшись к Джейн и прикрывшись шляпой. — Когда-нибудь я стану немым, и тогда она пожалеет!

Мэри Поппинс катила коляску с такой скоростью, словно участвовала в скачках с препятствиями.

— Сюда, пожалуйста! — скомандовала она, поворачивая коляску вправо.

Ребята наконец поняли, куда направляются. Узкая тропинка вела от липовой аллеи к Пруду.

Там, за деревьями, сверкала на солнце водная гладь. Дети вскрикнули от радости и припустились бежать. Майкл, забыв о том, что еще совсем недавно был сердит, закричал:

— Я сделаю лодку и поплыву в Африку!

— А я буду ловить рыбу! — вопила Джейн, поспевая следом.

Смеясь, подпрыгивая и размахивая шапками, они подбежали к Пруду. На берегу стояло несколько выкрашенных в зеленый цвет скамеек; поблизости расхаживали утки, разыскивая хлебные крошки.

На той стороне Пруда возвышалась старинная мраморная статуя: Мальчик с Дельфином. На фоне воды и неба она казалась ослепительно белой. Кончик носа у Мальчика был отбит, и на ноге была темная трещинка.

На левой руке у него не хватало мизинца, а пальцы на ногах сплошь потрескались. Он стоял на высоком пьедестале, обнимая за шею Дельфина, и, склонив голову с мраморными кудрями, задумчиво глядел на воду. У основания пьедестала большими золотыми буквами было написано: НЕЛЕЙ.

— Какой он сегодня яркий! — воскликнула Джейн, глядя на блистающую статую и щурясь.

И именно в эту минуту она увидела Пожилого Джентльмена.

Он сидел у подножия статуи и читал книгу с помощью большой лупы. Его лысая голова была повязана от солнца шелковым носовым платком, а рядом, на скамейке, лежал черный цилиндр.

Дети уставились на странную фигуру.

— Но это любимая скамейка Мэри Поппинс! Вот она рассердится! — воскликнул Майкл.

— Неужели? Когда это я сердилась? — спросил голос Мэри Поппинс у него за спиной.

Майкл очень удивился.

— Но, Мэри Поппинс, вы же очень часто сердитесь! — возразил он. — По меньшей мере раз пятьдесят в день!

— Никогда! — фыркнула Мэри Поппинс. — У меня ангельское терпение. Я просто делаю замечания!

Она повернулась и уселась на скамейку, стоявшую как раз напротив статуи. После чего сердито уставилась на Пожилого Джентльмена. Взгляд был таким, что, казалось, мог просто убить. Но Пожилой Джентльмен не

обращал на него никакого внимания. Он продолжал сидеть, уткнувшись в книгу, и не замечал ничего вокруг.

Мэри Поппинс, гневно фыркнув, достала из коляски сумку с рукоделием и принялась штопать носки.

Ребята бегали вокруг сверкающего на солнце Пруда.

— Это будет мой корабль! — вопил Майкл, вытаскивая из мусорной корзины кусок цветной бумаги.

— А я ловлю рыбу! — говорила Джейн, лежа на животе и держа руки над водой. Она представляла, будто сжимает в руках настоящую удочку — с леской, крючком и червяком, насаженным на него. Вот сейчас рыба подплывет и клюнет. Тогда она и вытащит ее на берег. А когда она принесет рыбу домой в шляпе, миссис Брилл удивится и скажет: «Ну и ну! А я-то думала, что приготовить сегодня на ужин».

Рядом Близнецы весело шлепали по воде. Майкл вел свой корабль через жуткий шторм. Мэри Поппинс, выпрямившись, сидела на скамейке и ногой слегка покачивала коляску. Иголка у нее в руках так и сверкала на солнце.

В Парке было тихо, спокойно и сонно.

Бух!

Пожилой Джентльмен захлопнул книгу.

— Но позвольте! — запротестовал чей-то мелодичный тоненький голосок. — Дайте мне дочитать!

Джейн с Майклом подняли глаза. Поморгали. Потом открыли от удивления рты.

Прямо перед ними, на траве, стояла статуя! Мраморный Мальчик держал в руках бьющего хвостом мраморного Дельфина, а пьедестал был совершенно пустым!

Пожилой Джентльмен вытаращил глаза.

— Э-э... вы что-то сказали? — выговорил он наконец, и брови его поднялись чуть ли не до макушки.

— Конечно сказал! — отозвался Мальчик. — Я смотрел через ваше плечо и тоже читал... — Он указал на пустой пьедестал, — А вы взяли и захлопнули книгу! А мне так хочется узнать, чем кончилась история про Слоноенка и откуда у него появился хобот*.

— О, прошу прощения, — пробормотал Пожилой Джентльмен. — Мне даже в голову не могло прийти... такое! Я, видите ли, всегда заканчиваю чтение в четыре. Надо идти домой — пить чай.

Он поднялся, сложил платок и взял свой цилиндр.

— Ну, если вы закончили читать, — сказал Мальчик спокойно, — то отдайте книгу мне!

Пожилой Джентльмен отпрянул и прижал книгу к груди.

— Боюсь, что не смогу этого сделать, — сказал он. — Видите ли, я только что ее купил. Я мечтал прочесть эту книгу с тех самых пор, когда был маленьким мальчиком. Но взрослые всегда ее читали сами. Зато теперь у меня есть своя собственная книга, и я с ней ни за что не расстанусь!

* Здесь и далее упоминаются герои из знаменитых сказок Р. Киплинга.

Он с опаской покосился на статую, точно боялся, как бы она не вырвала у него книгу.

— Я могу рассказать тебе про Слопенка... — робко проговорила Джейн.

Мальчик с Дельфином обернулся.

— О, Джейн, это правда? — удивленно воскликнул он. Его мраморное лицо засветилось от радости.

— А я расскажу тебе «Желтую собаку Динго» и «Мотылька, который топнул ногой», — сказал Майкл.

— Нет! — сказал вдруг Пожилой Джентльмен. — Все-таки у меня есть костюм и шляпа. А он совсем голый... Я отдам ему книгу! — добавил он, грустно вздохнув. — Видно, мне не судьба владеть ею.

Он кинул на книгу последний прощальный взгляд и, вручив ее мраморному Мальчику, собрался было уйти. Однако его внимание привлек Дельфин, который снова забился в руках Мальчика.

— Кстати, — сказал он с любопытством. — Как вы поймали эту рыбу? На удочку или сетью?

— Никак, — ответил Мальчик, улыбаясь. — Мне его дали, когда я родился.

— А-а, понятно. — Пожилой Джентльмен кивнул, хотя вид у него был озадаченный. — Ну, мне надо идти! Счастливо оставаться!

Он вежливо приподнял цилиндр и заспешил прочь по дорожке.

— Спасибо! — крикнул ему вслед мраморный Мальчик, бережно открывая книгу.

На первой странице размашистым почерком было написано имя владельца:

«Вильям Везеролл Вилкинс»

— Я зачеркну его имя и напишу свое, — радостно улыбнулся Мальчик Майклу и Джейн.

— Но как тебя зовут? И как ты читаешь? — воскликнул Майкл, ужасно удивленный.

— Меня зовут Нелей, — смеясь, ответил Мальчик. — А читаю я глазами, конечно!

— Но ведь ты — статуя! — запротестовала Джейн. — А статуи обычно не ходят и не говорят! Как ты сошел вниз?

— Спрыгнул, — ответил Нелей и опять улыбнулся, тряхнув мраморными кудрями. — Я так расстроился, что не дочитал сказку до конца, что ноги сами спрыгнули вниз. Вначале они согнулись, потом выпрямились... и в следующую минуту я оказался на траве!

Он пошевелил пальцами мраморных ног и топнул.

— Ах, какие люди счастливые, что могут делать это каждый день! Я часто наблюдал за вами, Джейн и Майкл. И мне так хотелось подойти и поиграть с вами! И вот, наконец, моя мечта осуществилась! Скажите, скажите, что вы рады видеть меня!

Он дотрагивался до них своими мраморными руками и, что-то напевая, танцевал.

Прежде чем они успели сказать хоть слово, Мальчик подбежал к берегу Пруда и окунул руки в воду.

— Так вот она какая — вода! — воскликнул он. — Глубокая, голубая и легкая, как воздух!

Он наклонился над сверкающей поверхностью Пруда, и Дельфин, вильнув хвостом, с шумом плюхнулся в Пруд.

— Лови его! Он утонет! — закричал Майкл.

Но Дельфин и не думал тонуть. Он проплыл вокруг Пруда, вздымая волны.

Потом нырнул, поймал себя за хвост, выпрыгнул из воды, снова нырнул.

Это было прямо как в цирке!

А когда он, весь мокрый, прыгнул прямо в руки своему хозяину, ребята, не удержавшись, зааплодировали.

— Хорошо было? — спросил Майкл с завистью.

Дельфин ухмыльнулся и кивнул головой.

— Хорошо?! — воскликнул знакомый голос позади них. — Я бы сказала — просто возмутительно!

Мэри Поппинс стояла у воды, и ее глаза сверкали, будто иголки, которыми она только что штопала содержимое своей сумки.

Нелей, вскрикнув, вскочил на ноги и, потупившись, подошел к ней.

Маленький, робкий и несчастный, он ждал, пока Мэри Поппинс объявит приговор.

— Кто разрешил тебе сойти вниз, позвошь спросить? На ее лице было обычное свирепое выражение.

Нелей печально покачал головой.

— Никто, — проговорил он. — Мои ноги спрыгнули сами, Мэри Поппинс.

— Тогда пусть они живо запрыгнут обратно! Ты не имеешь права сходить с пьедестала!

Мальчик откинул голову, и солнце засверкало на его маленьком щербатом носу.

— Мэри Поппинс, можно я немного побуду внизу? — попросил он. — Совсем чуть-чуть! Мне так хочется поиграть с Джейн и Майклом! Вы не знаете, как мне одиноко! Вокруг только птицы, а поговорить не с кем, — грустные, мраморные глаза смотрели на нее. — Ну, пожалуйста, Мэри Поппинс! — тихо прошептал он, складывая на груди мраморные руки.

С минуту Мэри Поппинс раздумывала, глядя себе под ноги. Затем ее глаза смягчились. Легкая улыбка тронула уголки ее губ, а на щеке появилась ямочка.

— Хорошо! Но только сегодня! — сказала она. — В первый и в последний раз, Нелей! В первый и последний!

— Обещаю, Мэри Поппинс! — он лукаво улыбнулся ей.

— Ты знаешь Мэри Поппинс? — удивился Майкл. — Разве вы встречались раньше?

— Конечно! — рассмеялся Нелей. — Ведь она старая приятельница моего отца!

— А как зовут твоего отца? И где он? — Джейн чуть не лопалась от любопытства.

— Далеко отсюда. На островах Греции. Он Повелитель Морей!

Мраморные глаза Нелея погрустнели.

— А чем он занимается? — поинтересовался Майкл. — Ходит в Сити, как мой папа?

— О, нет! Он никуда не ходит. Он стоит на скале у моря, держа в руке трезубец и трубя в рог. Рядом с ним сидит моя мама и расчесывает свои волосы. А у их ног играет с мраморной раковиной мой младший брат, Пелий. Над ними весь день летают чайки, отбрасывая тени на их мраморные тела и принося свежие новости о том, что происходит в гавани. Корабли заходят в бухту и выходят в открытое море, и они любуются их разноцветными парусами. А ночью они слушают, как пенные волны бьются о берег...

— Как замечательно! — воскликнула Джейн. — Но почему ты с ними расстался?

Про себя она подумала, что никогда бы не оставила мистера и миссис Бэнкс одних на скалах Греции.

— Я не хотел этого, — ответил Мраморный Мальчик. — Но что может сделать статуя с людьми? Они всегда приезжают, глазают на нас, охают и машут от восторга руками. Они сказали, что нас сделал очень известный мастер много-много лет назад. И как-то один из них показал на меня пальцем и воскликнул: «Я беру его!» — И мне пришлось уехать...

На мгновение он спрятал взгляд за плавником Дельфина.

— А что случилось потом? — нетерпеливо спросила Джейн. — Как ты попал в наш Парк?

— В ящике, — спокойно сказал Нелей и рассмеялся, увидев озадаченные лица ребят. — Мы всегда так путе-

шествуем. На мое семейство очень большой спрос. Люди берут нас для парков, музеев и садов. Они покупают нас, а потом отправляют по почте в больших ящиках. И им даже не приходит в голову, что кому-то из нас может быть одиноко...

Он слегка запнулся, потом тряхнул головой и продолжил с величественным жестом:

— Но хватит об этом! Вы здесь — и все хорошо! Джейн, Майкл, я знаю о вас так много, словно мы одна семья! Я знаю про воздушный змей Майкла, про его компас, про Робертсона Эя, про Королевское фарфоровое блюдо и даже про то, что вы ели сегодня на обед! А вы разве не замечали, что я слушаю ваши разговоры и читаю сказки, заглядывая вам через плечо?

Джейн с Майклом покачали головами.

— Я знаю наизусть всю «Алису в Стране Чудес»! — продолжал Нелей. — И большую часть «Робинзона Крузо» и «Все, что должна знать истинная Леди», которую обычно читает Мэри Поппинс! Но больше всего мне нравятся книги, где много картинок, а особенно Детский Журнал! Что произошло с тигренком Тимом на этой неделе? Удалось ему убежать от дядюшки Мопса?

— Новый журнал приходит сегодня, — сказала Джейн. — И мы прочтем его вместе!

— О, как я счастлив! — воскликнул Нелей. — «Слононок», новый номер Детского Журнала... И ноги у меня, словно крылья! Не знаю, когда у меня день рождения, но кажется, что он сегодня!

Перехватив Дельфина и книгу поудобней, он заплясал на траве.

— Эй! Динь-динь-динь! Смотри, куда идешь! — крикнул Мороженщик, кативший свою тележку по берегу Пруда. Спереди висела табличка, на которой было написано:

Скажи «Стоп» — и купи порцию!
Какая замечательная погода!

— Стоп! Стоп! Стоп! Стоп! — завопили ребята и припустили к тележке.

— Шоколадное! — сказал Майкл.

— Лимонное! — воскликнула Джейн.

Близнецы протянули пухленькие ручки и радостно схватили то, что им дали.

— А тебе какого? — спросил Мороженщик у Нелея, когда тот подошел и робко остановился неподалеку.

— Я не знаю, какое выбрать... — проговорил мраморный Мальчик. — Я никогда раньше не ел мороженого.

— Чего?! Никогда не ел мороженого?! Неужели слабый желудок? Мальчик в твоём возрасте должен все знать о мороженом!

Мороженщик выудил из тележки порцию малинового пломбира.

— Ну-ка, попробуй! Посмотрим, как тебе это понравится!

Нелей разломил пачку пополам. Одну половину он сунул в рот Дельфину, а другую лизнул сам.

— Замечательно! — сказал он. — Гораздо вкуснее водорослей.

— Водорослей? Еще бы! При чем тут водоросли? Кстати, о водорослях, — Мороженщик махнул рукой на Дельфина. — Какая большая рыбина! Если ты отнесешь ее в рыбный магазин, тебе отвалят за нее кучу денег.

Дельфин взмахнул хвостом и сердито насупился.

— Но я совсем не хочу его продавать! — поспешно сказал Нелей. — Это не просто рыба, это мой друг!

— Гм! Друг! А выглядит совсем как рыба, — хмыкнул Мороженщик. — Да, кстати, почему бы тебе не одеться? Будешь бегать голым — заболеешь и умрешь, прости за откровенность!

Динь-динь! Динь-динь!

И Мороженщик укатил прочь, насвистывая и звоня в колокольчик.

Нелей посмотрел на ребят, и все трое дружно рассмеялись.

— О, господи! — задыхаясь, проговорил Нелей. — Он принял меня за человека! Может, догнать его и сказать, что он ошибся и что я в течение двух тысяч лет хожу без одежды и даже не подхватил насморка!

Он уже собрался бежать за Мороженщиком, как вдруг Майкл вскрикнул:

— Смотри! Варфоломей идет! — и тут же проглотил остатки своего мороженого.

Дело в том, что у Варфоломея, принадлежащего, как известно, мисс Ларк, была дурная привычка — набрасываться на ребят и вырывать у них из рук все съедобное.

Он по-прежнему оставался большим нахалом, не уважающим ровным счетом никого. Да и что можно было ожидать от собаки, являющейся наполовину эрделем, а наполовину легавой (к тому же когда обе эти половины далеко не лучшие).

Он лениво шел по траве, высунув язык. Эндрю, который в противоположность Варфоломею был хорошо воспитан, изящно семенил следом.

А за ними, тяжело дыша, спешила мисс Ларк.

— Решили немножко прогуляться перед чаем, — сказала она своим высоким голосом. — Сегодня такой чудесный день, и собаки настаивали... О, господи! Что я вижу?!

Она запнулась и, тяжело дыша, уставилась на Нелея. Ее лицо, и без того красное, стало еще краснее.

— Ах ты противный, жестокий мальчишка! — вскричала мисс Ларк с негодованием. — Что ты делаешь с бедной рыбкой? Неужели ты не знаешь, что она умрет, если ее долго держать без воды?

Мраморный Мальчик удивленно приподнял брови. Дельфин прикрылся хвостом, чтобы не было видно улыбки.

— Смотри! Рыбка уже умирает! — кричала мисс Ларк. — Сейчас же отпусти ее в воду!

— Я не могу этого сделать, — принялся объяснять Нелей. — Ему будет без меня одиноко...

Он старался быть вежливым с мисс Ларк. Но Дельфин придерживался иного мнения. Он вертелся, бил хвостом и нахально ухмылялся во весь рот.

— Не говори глупостей! — оборвала Нелея мисс Ларк. — Рыбам не бывает одиноко!

Она сделала негодующий жест в направлении скамейки.

— По-моему, мисс Поппинс, вам следует лучше смотреть за детьми! Этот противный мальчишка, к сожалению, не знаю его имени, должен немедленно отпустить рыбку туда, где он ее поймал!

Мэри Поппинс надменно взглянула на мисс Ларк.

— Боюсь, что это невозможно, мадам. Это слишком далеко.

— Далеко или близко — не имеет значения! Он должен отпустить ее — и все! Так жестоко обращаться с животными никто не имеет права! Эндрю, Варфоломей — идите ко мне. Я сейчас же пойду и расскажу обо всем Лорд-Мэру!

И она вместе с собаками заспешила из Парка. Варфоломей, проходя мимо Дельфина, фамильярно ему подмигнул.

— И скажите ему, чтобы он оделся! Он получит солнечные ожоги, если будет разгуливать в таком виде! — обернувшись, крикнула напоследок мисс Ларк.

Нелей подавился смехом и повалился на траву.

— Солнечные ожоги! — простонал он. — Мэри

Поппинс, неужели никто не догадывается, что я мраморный?

— Гм! — хмыкнула Мэри Поппинс.

Нелей озорно улыбнулся.

— Так говорят Морские Львы, — сказал он. — Они сидят на скалах и говорят «Гм!», любуясь закатом.

— Неужели? — строго произнесла Мэри Поппинс.

Ребята с ужасом ждали того, что последует дальше. Но ничего не произошло. Она ответила Нелею такой же озорной улыбкой. Синие и мраморные глаза ласково улыбнулись друг другу.

— Нелей, — сказала она спокойно. — У тебя еще десять минут. Ты успеешь дойти с нами до газетного киоска и вернуться.

— А потом? — спросил мраморный Мальчик и крепче прижал к себе Дельфина.

Она не ответила. Лишь слегка кивнула в направлении пьедестала.

— Мэри Поппинс, пусть он останется с нами подольше! — захныкали было ребята, но замолчали, едва Мэри Поппинс взглянула на них.

— Я сказала десять минут! — повторила она. — Не больше и не меньше! И не смотрите на меня так! Я не Горная Горилла в зоопарке!

— Не нужно спорить! — воскликнул Нелей. — Нельзя терять ни минуты!

Он вскочил на ноги и схватил Джейн за руку.

— Ну, где газетный киоск? — и он потащил Джейн за собой по залитой солнцем лужайке.

Мэри Поппинс уложила в коляску Близнецов и вместе с Майклом поспешила следом.

А Джейн и мраморный Мальчик, взявшись за руки, бежали по мягкой траве. Ласковый ветерок развеивал их волосы, и Джейн казалось, что мраморная ладонь Нелея стала теплее в ее руке.

— Сюда! — воскликнула Джейн и свернула на липовую аллею.

В самом ее конце, у ворот, стоял весело раскрашенный киоск. Вывеска на нем гласила:

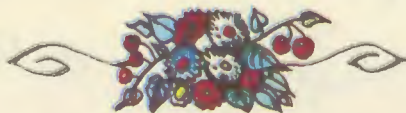
Мистер Фолли — книги, газеты и журналы.
Вы их ищете — а они тут!

Весь киоск был увешан гирляндами разноцветных журналов, и когда дети подбежали, возле одной из гирлянд показалась голова мистера Фолли. У него было круглое спокойное лицо, такое спокойное, что, казалось, ничто в целом свете не может вывести его обладателя из равновесия.

— А вот и Джейн Бэнкс с приятелем! — приветливо сказал он. — Кажется, я знаю, зачем вы пришли.

— «Вечерние Новости» и Детский Журнал! — выдохнула Джейн, протягивая деньги.

Нелей схватил журнал и быстро пролистал страницы.

— Ну как? Тигренок Тим спасся? — крикнул Майкл, подбегая к киоску.

— Да! — радостно завопил Нелей. — Слушайте! Тигренок Тим ускользает из лап коварного дядюшки Мопса! Новые приключения Тигренка и Старика-Бульдога! Продолжение следует!

— Ура! — не удержался Майкл и подпрыгнул, чтобы увидеть картинки из-за плавника Дельфина.

Между тем мистер Фолли с интересом разглядывал Нелея.

— Какой симпатичный у тебя китенок! Смотрит прямо как человек. Где ты поймал его, сынок?

— Нигде, — ответил Нелей, поднимая взгляд. — Мне его подарили.

— Надо же! Какой замечательный подарок! А откуда ты сам? И где твоя мама?

— О, она очень далеко отсюда, — грустно сказал Нелей.

— Ах, как плохо! — покачал головой мистер Фолли. — И папа тоже далеко?

Нелей улыбнулся и кивнул.

— Что ты говоришь! Господи, да ты совсем один! — мистер Фолли взглянул на мраморное тело. — Так холодно, а на тебе нет ни единого лоскутка!

Он покопался в кармане и сунул что-то в руку Нелею.

— Вот. Купи себе что-нибудь из одежды. Раздетым нельзя ходить. А то схватишь воспаление легких или грипп...

Нелей уставился на серебряную монетку.

— Что это? — с любопытством спросил он.

— Полкроны! — сказал мистер Фолли. — Ты что, денег никогда не видел?

— Никогда, — улыбаясь, кивнул Нелей.

Дельфин тоже с любопытством покосился на монету.

— Ну и ну! Ах ты, бедняга! Совсем раздет и никогда не видел полкроны! О тебе должен кто-нибудь позаботиться!

Мистер Фолли с укором посмотрел на Мэри Поппинс. Она ответила негодующим взглядом.

— О нем есть кому позаботиться! Большое спасибо! — сказала она и, расстегнув свой новый белый жакет, накинула его на плечи Нелея.

— Вот так! — добавила она сердито. — Теперь ты не будешь мерзнуть. И не думайте, что это благодаря вам, мистер Фолли!

Нелей смотрел то на Мэри Поппинс, то на жакет широко раскрытыми глазами.

— Вы хотите сказать, что это мне? На совсем? — пролепетал он.

Мэри Поппинс кивнула и отвернулась.

— Ах, мой дорогой Морской Лев! Спасибо! — вскричал он, обнимая Мэри Поппинс мраморной рукой. — Посмотри, Джейн, на мою новую белую курточку! Майкл, взгляни, какие красивые пуговички!

Он перебежал от одного из них к другому, демонстрируя свой новый наряд.

— Вот так-то лучше, — сказал мистер Фолли радостно. — Береженого бог бережет. А на полкроны ты вполне сможешь купить себе брюки...

— Не сегодня, — перебила Мэри Поппинс. — Мы опаздываем! Ну-ка, ноги в руки — и вперед! Да поживее! И она зашагала вдоль по липовой аллее.

Солнце клонилось к западу, оркестр в глубине Парка закончил играть, разноцветные зонтики исчезли с дорожек, деревья тихо стояли, отбрасывая длинные тени. Даже Смотрителя Парка нигде не было видно.

Джейн и Майкл шли по обе стороны от Нелея, взяв его за руки. Они шли и молчали, стараясь не нарушить царящей вокруг торжественной тишины.

— Я люблю тебя, Нелей, — тихо сказала Джейн. — Мне хочется, чтобы ты был с нами всегда.

— Я тоже тебя люблю, — улыбнулся Нелей. — Но мне надо идти. Я обещал.

— А ты не можешь оставить нам Дельфина? — поинтересовался Майкл, поглаживая мраморный плавник.

Джейн сердито взглянула на него.

— Майкл! Как тебе не стыдно! Каково будет Нелею стоять там, на пьедестале, совсем одному? Ты бы на это согласился?

— Ну, если бы у меня был Дельфин и я бы мог называть Мэри Поппинс Морским Львом, то согласился!

— Послушай, Майкл, — перебил его Нелей. — Я не могу отдать тебе Дельфина — он часть меня. Но полкроны могу.

Он сунул монетку в ладонь Майклу.

— А Джейн я отдам книгу. Только, Джейн, обещай, поклянись, что дашь ее мне дочитать! А еще обещай мне каждую неделю приходить сюда, на скамейку, и читать мне новый номер Детского Журнала!

Он бросил на книгу последний прощальный взгляд и отдал Джейн.

— Я обещаю, Нелей! — сказала с жаром Джейн, прикладывая к груди руку.

— Я буду тебя ждать, — нежно проговорил Нелей. — Я никогда тебя не забуду.

— Ну, хватит болтать! Пошевеливайся! — прошипела Мэри Поппинс, поворачиваясь к Пруду. Коляска скрипела и дребезжала на ходу. Но сквозь этот шум до ребят вдруг донесся знакомый голос. Приподнявшись на цыпочки, они выглянули из-за плеча Мэри Поппинс.

— Не делал я этого! — услышали они. — И не сделал бы, если бы мне даже заплатили!

На берегу, возле опустевшего пьедестала, стояли Лорд-Мэр и два Советника. А перед ними ребята увидели Смотрителя Парка. Он вопил, размахивал руками — и вообще вел себя очень странно.

— Я тут совершенно ни при чем, Ваша честь! — уверял он. — Я ни в чем не виноват!

— Ерунда, Смит! — строго сказал Лорд-Мэр. — За статуи в Парке отвечаете вы! И только вы могли это сделать!

— Лучше сознайтесь! — шепнул Первый Советник.

— Хотя, конечно, это вас не спасет, — добавил Второй, — но участь вы себе облегчите.

— Но я же говорю, что не делал этого! — Смотритель в отчаянии заломил руки.

— Хватит вилять, Смит! Вы отнимаете у меня время! — Лорд-Мэр раздраженно потрянул головой. — Вначале я должен разыскивать голого мальчишку, который мучает какую-то несчастную рыбу. Треску или лосося, что там говорила мисс Ларк? Но это еще не все! Оказывается, что самая ценная статуя в нашем Парке исчезла со своего пьедестала! Я удивлен и недоволен! Я верил вам, Смит. И видите, как вы мне за это отплатили!

— Вижу. То есть я хотел сказать, не вижу! О, Боже, я сам не знаю, что говорю, Ваша милость! Но одно я знаю точно — я никогда этого статуя не трогал!

Смотритель дико озирался по сторонам в поисках помощи, и тут его взгляд упал на Мэри Поппинс. Всплеснув руками, он победно завопил:

— Ваша честь! Вот кто во всем виноват! Она это сделала, провалиться мне на этом самом месте!

Лорд-Мэр взглянул на Мэри Поппинс, потом опять на Смотрителя Парка.

— Мне стыдно за вас, Смит! — огорченно покачал он головой. — Сваливать вину на добропорядочную, ни в чем не повинную молодую женщину, которая вышла на прогулку со своими воспитанниками! Как вы можете?

Лорд-Мэр поклонился Мэри Поппинс. Та улыбнулась улыбкой Истинной Леди и поклонилась в ответ.

— Ни в чем не повинная?! Это она-то?! — завопил Смотритель Парка. — Вы сами не знаете о чем говорите, Ваша Милость! Стоит ей появиться в Парке, как все идет кувырком! Карусель улетает в не́бо, люди сваливаются сверху на ракетах и воздушных змеях, Премьер-Министр летает на воздушном шарике! И это все — ваших рук дело!

Он яростно погрозил Мэри Поппинс кулаком.

— Бедняга! Бедняга! Он свихнулся! — грустно проговорил Первый Советник.

— Может, послать за наручниками? — испуганно прошептал Второй.

— Делайте со мной что хотите! Повесьте меня! Почему бы и нет? Но я здесь ни при чем!

Несчастный Смотритель прислонился к пьедесталу и горько заплакал.

Мэри Поппинс повернулась и поманила Нелея.

Он подбежал к ней и прижался головой к ее груди.

— Пора? — прошептал он, поднимая взгляд.

Мэри Поппинс кивнула. Потом, наклонившись, она обняла его и поцеловала в мраморный лоб. На мгновение Нелей замер, словно не мог расцепить объятий, потом, всхлипнув, вырвался.

— До свидания, Джейн! Майкл, не забывайте меня.

Он по очереди прижался своей холодной щекой к их щекам. И прежде чем они успели выговорить хоть слово, побежал по тенистому берегу к своему пьедесталу.

— Мне всю жизнь не везло! — причитал Смотритель Парка. — Даже когда я был маленьким мальчиком!

— Это пустяки по сравнению с тем, что будет, если вы не вернете статую на место, мой дорогой! — Лорд-Мэр сердито взглянул на него.

Но Джейн с Майклом смотрели не на Лорд-Мэра и не на Смотрителя. Они следили за кудрявой головой, которая как раз вынырнула из-за пьедестала.

Нелей ловко взобрался на пьедестал и втащил за собой Дельфина. Его мраморная фигура ярко блестела на солнце. Подняв руку, он полушутливо-полупечально помахал ребятам на прощание. Когда они помахали в ответ, им показалось, что он дрожит. Хотя, может, виной тому были слезы, навернувшиеся им на глаза?

Они видели, как Нелей прижал покрепче к груди Дельфина, склонил голову и застыл неподвижно. Даже бело-розовый жакет Мэри Поппинс, казалось, превратился в безжизненный мрамор.

— Я не могу вернуть того, чего не брал! — всхлипывал Смотритель.

— В общем, Смит... — начал Лорд-Мэр. Внезапно он ахнул и, хлопнув себя ладонью по макушке, подскочил на месте.

— Жирафы-многоножки! Статуя вернулась! — воскликнул он. — И она какая-то не такая!

Вглядевшись, он разразился довольным смехом. Сорвав с головы шляпу, он помахал ею и похлопал Смотрителя по спине.

— Смит, вы мошенник! Так вот в чем ваш секрет! Почему же вы нам сразу не сказали, дорогой мой? Это действительно замечательный сюрприз! Ну ладно, ладно, хватит прикидываться...— добавил он, видя, что Смотритель, не в состоянии вымолвить ни слова, уставился на Нелея.

— Джентльмены! — повернулся Лорд-Мэр к Советникам. — Мы были несправедливы к этому бедняге. А он доказал, что он не только образцовый служащий города, но еще и художник! Видите, что он сделал со статуей? Он снабдил ее маленькой мраморной курточкой с розовой отделкой. Это похвально, Смит! Весьма похвально! Я сам никогда не одобрял обнаженных статуй.

— Я тоже, — покачал головой Первый Советник.

— А я тем более, — сказал Второй.

— Не бойтесь, дорогой Смит. Вы будете вознаграждены. С сегодняшнего дня Ваше жалование повышается на один шиллинг, а кроме того вы еще получите новую нашивку. И еще я расскажу о ваших заслугах Ее Величеству в очередном докладе.

И Лорд-Мэр, еще раз церемонно поклонившись Мэри Поппинс, царственно удалился в сопровождении почтительно согнувшихся Советников.

Смотритель долго глядел им вслед, точно не соображал, что происходит. Затем снова уставился на статую. Мраморный Мальчик и Дельфин задумчиво смотрели в Пруд. Они были такими же тихими и неподвижными, как всегда.

— А ну-ка, марш домой! — поманила Мэри Поппинс ребят.

Дети, не говоря ни слова, последовали за ней. Монета в полкроны, теплая и тяжелая, была зажата у Майкла в руке. А книга, холодная, словно мраморная рука Нелея, была под мышкой у Джейн.

Они молча шли по аллее, погруженные в свои мысли, как вдруг сзади послышались чьи-то тяжелые шаги. Обернувшись, они увидели, что их догоняет Смотритель Парка. Он снял свой френч и, нацепив на трость, размахивал им, точно флагом.

Подбежав к коляске, он протянул френч Мэри Поппинс.

— Возьмите! — сказал он, с трудом переводя дух. — Я рассмотрел. Там, на Мальчике, ваш жакет с четырьмя розовыми пуговицами. А ведь вам понадобится что-нибудь, когда похолодает...

Мэри Поппинс спокойно взяла френч и накинула на плечи. С блестящих медных пуговиц ей удовлетворенно улыбнулось ее собственное отражение.

— Спасибо, — чопорно сказала она Смотрителю.

Он стоял перед ней в рубашке и тряс головой, как удивленный пес.

— Может, вы тут хоть что-нибудь понимаете? — спросил он недоумевающе.

— Может быть, — гордо ответила Мэри Поппинс и, не говоря больше ни слова, покатила коляску по аллее.

Смотритель долго глядел ей вслед, силясь понять хоть

что-нибудь,— смотрел, пока ее фигура не скрылась за воротами Парка...

Мистер Бэнкс, насвистывая, возвращался домой из офиса и столкнулся у дверей со всей компанией.

— О, Мэри Поппинс! — поздоровался он. — Вы прекрасно выглядите в этом сине-красном френче. Вы вступили в Армию Спасения?

— Нет, сэр, — ответила она высокомерно. И по взгляду, которым она его наградила, мистер Бэнкс понял, что Мэри Поппинс не намерена распространяться на эту тему.

— Это френч Смотрителя Парка, — поспешно сказала Джейн.

— Он ей только что его отдал! — добавил Майкл.

— Что? Смит? Отдал Мэри Поппинс свой френч? За какие это заслуги? — воскликнул мистер Бэнкс.

Но Джейн с Майклом внезапно смолкли. Они не осмеливались продолжать, так как свирепый взгляд Мэри Поппинс, казалось, вот-вот прожжет у них в спинах по огромной дыре.

— Ладно, не имеет значения, — махнул рукой мистер Бэнкс. — Думаю, она действительно это заслужила.

Дети кивнули, чувствуя, что он не узнает, что именно Мэри Поппинс сделала, даже если доживет до ста лет.

Они шли бок о бок по асфальтовой дорожке. Майкл сжимал в кулаке полкроны, а Джейн ни на минуту не выпускала книгу. Каждый из них думал о том, кто подарил им эти замечательные подарки. Они думали о мра-

морном Мальчике, которому всего час в жизни довелось играть и веселиться в Парке. Они думали о том, как ему одиноко стоять на его мраморном пьедестале — стоять без движения, без звука, обхватив мраморной рукой Дельфина. Заходящие лучи солнца будут слабо освещать его лицо... А когда опустится ночь и звезды зажгутся на небе, он, все такой же одинокий и гордый, будет стоять над маленьким Прудом, думая о бескрайнем море и родном доме, который находится так далеко...

— Ну вот! — сердито закричал мистер Бэнкс, с грохотом швыряя зонтики в корзину, сделанную из слоновой ноги.

— Что случилось, Джордж? — спросила миссис Бэнкс, выглядывая из кухни.

— Кто-то взял мои прогулочные трости! — завопил мистер Бэнкс, бегая по прихожей, словно разъяренный тигр.

— Вот они, сэр! — сказала Мэри Поппинс, выскакивая из Детской. В одной руке у нее была трость из черного дерева с серебряной ручкой. В другой — се-

рая ясенева трость с резным набалдашником. Не говоря больше ни слова, Мэри Поппинс надменно вручила трости мистеру Бэнксу.

— Г-м-м! — смущенно промычал он. — Мэри Поппинс, зачем они вам понадобились? Надеюсь, вы не подвернули ногу, когда спускались вниз?

— Сэр, спасибо, нет! — сердито фыркнула она, точно мистер Бэнкс своим вопросом ужасно оскорбил ее. «Неслыханно! — говорил ее тон. — Предположить, что моя нога может подвернуться! Да мои ноги совершенны! Как, впрочем, и остальные части тела».

— Это мы! — хором сказали Джейн и Майкл, выглядывая из-за Мэри Поппинс.

— Что значит «мы»? Вы что, подвернули ногу? Или сломали?

— Да нет! — объяснил Майкл. — Мы взяли трости и катались на них, как на лошадях.

— Что?! На трости черного дерева, которую мне подарил дядя Герберт, и на трости, которую я выиграл на ярмарке в Парке?!

Мистер Бэнкс не верил своим собственным ушам.

— А на чем еще нам скакать? — проворчала Джейн.

— Но у вас есть лошадь-качалка, старый добрый Доббин! — напомнила из кухни миссис Бэнкс.

— Ненавижу старого Доббина! Он скрипит, — заявил Майкл и топнул ногой.

— И еще Доббин никуда не скачет. А мы хотим настоящих лошадей! — поддержала Джейн.

— И, судя по всему, я должен вас ими снабдить! — Мистер Бэнкс, кипя, бегал по прихожей. — Трехразовое питание! Теплая одежда и обувь! Какие пустяки! Теперь понадобились лошади! Подумать только, им нужны лошади! В следующий раз вы потребуете верблюда!

Майкл сочувственно посмотрел на своего отца и терпеливо сказал:

— Нет, спасибо. Только лошади!

— Получите, когда луна посинеет! Это все, что я могу сказать! — рявкнул мистер Бэнкс.

— А это часто случается? — поинтересовалась Джейн.

Мистер Бэнкс сердито взглянул на нее. «Какие у меня глупые дети! — подумал он. — Не понимают фигуральных выражений!»

— Примерно каждую тысячу лет, — ответил он. — В общем, один раз в жизни, да и то если повезет, — и, запихнув трость черного дерева в слоновую ногу, зажал трость с набалдашником под мышкой и отправился в Сити.

Мэри Поппинс таинственно улыбалась, наблюдая его уход. Дети в недоумении косились на нее, гадая, что эта улыбка могла означать.

В кухню торопливо вошла миссис Бэнкс.

— О, боже! Мэри Поппинс! Можете себе представить, собака мисс Ларк, Варфоломей, только что прогрызла шину от коляски!

— Да, мэм, — ответила Мэри Поппинс спокойно, словно то, что натворил Варфоломей, ее ничуть не удивляло.

— Как же теперь идти за покупками? — миссис Бэнкс была готова расплакаться.

— Ничего не могу сказать по этому поводу, — покачала головой Мэри Поппинс, будто ни собаки, ни коляски не имели к ней ни малейшего отношения.

— У-у, опять идти за покупками! — заныла Джейн.

— Меня тошнит от ходьбы! — сердито буркнул Майкл. — Еще немного — и я заболею!

Миссис Бэнкс не обратила на них внимания.

— Мэри Поппинс, — сказала она нервно, — может, сегодня вы оставите Аннабелу дома, а покупки вам поможет донести Робертсон Эй?

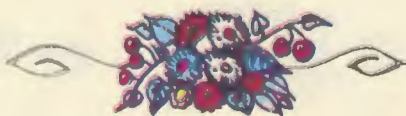
— Он спит в тачке, — сообщила Джейн. Сразу же после завтрака она выглядывала из окна и видела, как Робертсон Эй храпел в саду.

— Мне кажется, что сейчас он проснется, — сказала Мэри Поппинс и отправилась в сад.

Мэри Поппинс оказалась совершенно права. Робертсон тут же проснулся. Она, должно быть, сказала ему что-то действительно ужасное, поскольку, когда они подошли к воротам, Робертсон Эй уже находился там.

— Не отставайте и не расползайтесь в стороны, словно черепахи!

Мэри Поппинс взяла Близнецов за руки и потащила за собой.

— Каждый день одно и то же! Ни минуты покоя! — Робертсон Эй подавил зевок и, спотыкаясь, пошел следом. Мэри Поппинс шагала по улице, искоса поглядывая на свое отражение в витринах магазинов. Наконец они добрались до магазинчика мистера Тримлета, где торговали скобяными изделиями и садовым инвентарем.

— Одну мышеловку! — принялась Мэри Поппинс надменно оглашать список, который ей дала миссис Бэнкс.

Мистер Тримлет был худым человеком, но его лицо, как это ни странно, было толстым и румяным. На затылке у него красовалась шляпа. А на прилавке, точно ширма, стояла газета.

— Только одну? — грубо переспросил мистер Тримлет, выглядывая из-за газеты. — Извините, мисс! Но из-за одной мышеловки я не собираюсь подниматься!

Он уже собирался отвернуться, когда поймал взгляд Мэри Поппинс. Его щеки тотчас из красных стали сиревыми.

— Я пошутил, — поспешно пробормотал он. — Я совсем не хотел вас обидеть! Я готов продать полмышеловки, если вам нужно. Я даже прицеплю к мышеловке кусочек сыра, причем совершенно бесплатно!

— Одну мясорубку, — продолжила чтение списка Мэри Поппинс, сверля взглядом бедного продавца.

— Позвольте, я брошу в нее фунт мяса на счастье! — с пылом воскликнул мистер Тримлет.

Мэри Поппинс не обратила никакого внимания.

— Полдюжины посудных ершиков, одну коробку пчелиного воска, одну швабру, — прочла она быстро.

— Занимаетесь домашним хозяйством? — спросил мистер Тримлет, нервно завязывая свертки.

— Пакет гвоздей и садовые грабли, — закончила Мэри Поппинс, глядя сквозь его красное лицо, точно оно было сделано из стекла.

— А как насчет опилок? — поинтересовался мистер Тримлет. — Тех, что рассыпали дети?

Мэри Поппинс обернулась. Джейн и Майкл с Близнецами удобно устроились на толстом коричневом мешке. Под их тяжестью мешок прорвался, и поток опилок мягко заструился на пол.

— Если вы немедленно не встанете... — начала Мэри Поппинс, и ее глаза угрожающе сверкнули. Не дожидаясь окончания фразы, дети вскочили на ноги. Робертсон Эй, который успел заснуть, примостившись на садовой тележке, стоящей рядом с прилавком, проснулся и начал собирать свертки.

— Но мы только хотели отдохнуть... — начал было Майкл.

— Еще одно слово - и вы будете отдыхать в постели! — свирепо оборвала его Мэри Поппинс.

— Я не требую возмещения ущерба! — сказал мистер Тримлет, заматавая опилки в угол. — Учитывая, что это для вас... — добавил он, пытаясь сохранить на лице дружелюбную улыбку.

Мэри Поппинс презрительно посмотрела на него.

— У вас на носу краска! — спокойно заявила она и величественно выплыла из магазина.

Затем она вновь устремилась вверх по улице, а за ней, словно хвост кометы, спешили дети вместе с Робертсоном Эм.

У Булочника Мэри Поппинс купила буханку хлеба, два пакета сдобных булочек и имбирное печенье.

— Никто обо мне не заботится, — вздохнул Робертсон Эй, когда она взгромоздила все это на него.

— Если никто не заботится, то почему это должна делать я? — поинтересовалась Мэри Поппинс, заходя к Зеленщику за горшком, бобами и вишнями.

— Даже верблюду можно сломать спину, если положить хоть на одну соломинку больше, чем он в состоянии везти! — заметил Робертсон Эй, когда Мэри Поппинс вручила ему эти покупки.

— Какая ерунда! — холодно усмехнулась она и вновь сверилась со списком.

Следующим был Торговец канцелярскими товарами. У него Мэри Поппинс купила склянку чернил. За ним последовал Аптекарь с упаковкой горчичников...

Наконец они добрались до конца улицы. Но Мэри Поппинс и не думала останавливаться. Дети бросали друг на друга косые взгляды и тихо вздыхали.

— О, боже! — не вытерпел Майкл. — У меня сейчас ноги отвалятся!

Для убедительности он даже захромал.

— Мэри Поппинс! Пойдемте домой! А то мои туфли окончательно порвутся! — пожаловалась Джейн.

Даже Близнецы стали хныкать и скулить, словно пара уставших щенков.

Мэри Поппинс неприязненно посмотрела на них.

— Стая Медуз — вот что вы такое! Бесхребетные существа!

Запихнув список покупок в сумку, она презрительно фыркнула и свернула за угол.

— Медуза в воде плавает, — сердито проворчал Майкл. — И ей не надо ходить по магазинам!

Он так устал, что ему было все равно, услышит его Мэри Поппинс или нет.

Ветер тихо дул со стороны Парка, принося с собой свежесть утра. В нем был запах листьев и мха, аромат цветов и еще что-то... не совсем понятное. Джейн принюхалась.

— Майкл! — прошептала она. — Я чувствую запах мятных леденцов! Майкл тоже задвигал носом, словно щенок, попавший на кухню.

— Гм! — признался он. — Я тоже чувствую!

В следующий момент они увидели красно-зеленый зонтик, стоящий у железной ограды Парка. Рядом с ним красовался большой белый плакат, на котором крупными черными буквами было написано:

МИСС КАЛИКО ГОТОВОЕ ЖЕНСКОЕ ПЛАТЬЕ И — ПРОКАТ ЛОШАДЕЙ!

Дети вытаращили глаза. Под красно-зеленым полосатым зонтиком сидела одна из самых странных старушек, которых они видели в жизни. Сначала они не смогли разглядеть ее хорошенько, потому что старушка сверкала и переливалась, точно брильянт. Однако, подойдя ближе, дети увидели худое, обтянутое кожей лицо и копну седых, аккуратно уложенных волос. Сверкание исходило от платья старушки, которое от воротника до подола было утыкано булавками. Они торчали у нее отовсюду, как иголки у ежа, и ярко блестели на солнце. В руке старушка держала хлыст, которым иногда щелкала, созывая прохожих.

— Мятные леденцы! Покупайте! Все сделано из самого лучшего сахара! — кричала она голосом, слегка напоминающим лошадиное ржание.

— Пойдем, Майкл! — воскликнула Джейн, тотчас забыв об усталости.

Майкл взял ее за руку и милостиво позволил подтащить себя к полосатому зонтику. Подойдя ближе, дети увидели такое... что у них даже слюнки потекли. Рядом со старушкой стоял глиняный кувшин, доверху наполненный палочками мятных леденцов.

— Сахар и мята,
Сладкая вата,
Конфеты, варенье,
Коврижки, печенье!

Девочки, мальчики,
Смело ко мне!
Все продается
По сходной цене!

— тихо мурлыкала старушка, щелкая хлыстом.

Повернув голову, она заметила детей и Мэри Поппинс. Темные глаза старушки засверкали, словно маленькие черные бусинки. Она взмахнула рукой.

— Не может быть! Ведь это Мэри Поппинс! Сто лет не виделись!

— Это верно, мисс Калико! — вежливо ответила Мэри Поппинс.

— Кажется, дело идет к представлению! — заметила старушка. — Надеюсь, вы знаете, что я имею в виду? — добавила она, ухмыляясь, и пристально посмотрела на детей. — Футы, ну-ты! Какие хмурые лица! Вы что-нибудь потеряли?

— Совесть они потеряли, вот что, — мрачно сказала Мэри Поппинс.

Брови мисс Калико взлетели вверх, а булавки в причёске засверкали еще ярче.

— Ах, лягушки-головастики! Подумать только! Ну, что потеряно, то должно быть найдено — это закон! Ну, где вы ее потеряли?

Маленькие черные глазки перебежали с Джейн на Майкла и обратно. Странное дело, но дети отчего-то чувствовали себя виноватыми.

— Я думаю, что на этой улице... — начала было Джейн растерянно.

— По которой вы шли сюда? — перебила старушка. — Тэк-тэк! Ну и как вы ее потеряли, хотелось бы мне знать?

Майкл покраснел.

— Мы устали и не хотели идти дальше... — смущенно пробормотал он, но так и не закончил фразы, потому что мисс Калико засмеялась.

— Еще бы! — воскликнула она. — Кому охота идти пешком? Я бы не пошла, даже если бы мне заплатили! И за чемодан драгоценных камней не согласилась бы!

Майкл вытаращил глаза. Неужели это правда? Неужели он наконец встретил взрослого человека, который думал так же, как он?

— Я не ходила пешком уже Бог знает сколько времени! — продолжала мисс Калико. — И никто из моей семьи тоже. Вот еще — ковылять по земле, спотыкаясь на каждом шагу!

Щелкнув хлыстом, она подняла вверх палец.

— Послушайте моего совета — ездите верхом! Правда, от ходьбы вы будете быстрее расти. Но кому это

нужно? Какая в этом польза? Ездите верхом — и вы не пожалеете! Вы увидите весь мир!

— Но нам не на чем ездить! — возразила Джейн, недоуменно оглядываясь по сторонам. Она хотела понять, на чем ездила мисс Калико, но несмотря на объявление «Лошади внаем», не увидела ровным счетом ничего. Даже осла.

— Не на чем ездить?! Змеи-скорпионы! Ну и дела!

Голос мисс Калико звучал горестно, но ее черные глаза хитро сверкнули, когда она покосилась на Мэри Поппинс. Мэри Поппинс кивнула в ответ.

— Ну, бывает и хуже! — воскликнула мисс Калико, снова поворачиваясь к детям и вынимая из корзины несколько леденцовых тростей.

— Если у вас нет лошадей, то что вы скажете об этом? Могу одолжить, если вы дадите мне каждый по булавке.

Запах мятных леденцов стал сильнее. Смеясь от щекотки, Джейн с Майклом принялись искать в своей одежде булавки. Однако все их старания были напрасны. Ни одной булавки они не нашли.

— Что же нам делать, Мэри Поппинс? — воскликнула Джейн. — У нас нет булавок!

— Еще бы! — фыркнула Мэри Поппинс в ответ. — Детям, за которыми присматриваю я, не нужны булавки и иголки! Их одежда всегда починена и где надо заштопана!

Она еще раз фыркнула, а затем, отвернув лацкан сво-

его пальто, достала несколько булавок и раздала всем по одной. Робертсон Эй, который дремал, облокотясь на заборчик, вздрогнул и недоуменно захлопал глазами, когда Мэри Поппинс вручила булавку и ему.

— Приколите их скорее! — вскричала мисс Калико, наклонясь к детям. — Не бойтесь! Если они и уколят, то я не почувствую! Я слишком жесткая!

Ребята прикололи булавки на свободное место, и платье мисс Калико, казалось, засверкало еще ярче.

Смеясь, они схватили леденцовые трости, и мятный аромат стал еще сильнее.

— Теперь я готов идти пешком хоть до вечера! — заявил Майкл, откусывая кусочек от своей трости. В воздухе пронесся странный звук, отдаленно напоминающий протестующее ржанье. Но Майкл был слишком занят для того, чтобы обращать внимание на подобные пустяки.

— А я не буду есть свою, — решила Джейн. — Я ее буду хранить. Долго-долго!

Мисс Калико повернулась к Мэри Поппинс, и они обменялись странным взглядом.

— Если получится! — хихикнула мисс Калико. — Храни на здоровье!

Она протянула леденцовую тросточку Робертсону Эю, который прикалывал булавку к правому рукаву ее платья.

— Теперь, — сказала Мэри Поппинс вежливо, — просим прощения, мисс Калико, но нам пора домой обедать!

— Подождите, Мэри Поппинс! — возразил Майкл. — Ведь мы не купили трость для вас! В следующий момент ужасная мысль пришла ему в голову. Вдруг у нее больше нет булавок и ему придется делиться с Мэри Поппинс своим леденцом?

— Гм! — фыркнула Мэри Поппинс, качая головой. — Я не боюсь лишний раз споткнуться, как некоторые!

— Хи-хи! Ха-ха! Простите за смех! Но трость ей не нужна! — словно птичка, чирикнула мисс Калико. Похоже, слова Майкла ее развеселили.

— Очень рады были встрече! — откланялась Мэри Поппинс, пожимая руку Мисс Калико.

— Взаимно, Мэри Поппинс! Взаимно! Не забудьте, что я говорила! Только верхом! Только верхом! До свидания! — пропела Мисс Калико. Казалось, она забыла, что ни у кого из них нет лошадей.

— Мятные леденцы! Конфеты! Из самого лучшего сахара и почти даром! — слышали они позади ее крик.

— Булавка есть? — спросила мисс Калико у прохожего, хорошо одетого джентльмена с моноклем в глазу. Под мышкой джентльмен нес портфель, на котором золотыми буквами было написано:

ЛОРД — КАНЦЛЕР ДЕПЕШИ

— Булавка? — удивился джентльмен. — Конечно нет! Откуда у меня булавка?

— На нет и суда нет! Без булавки вам леденцовой трости не получить!

— Возьмите одну из моих! У меня их полно! — предложила полная женщина, проходившая мимо. Она сунула корзинку под мышку и, достав из своей шали горсть булавок, протянула Лорду-Канцлеру.

— Всего за одну булавку! Почти даром! Никогда не давайте две, если у вас просят одну! — кудахта мисс Калико, словно наседка на гнезде. Она дала Лорду-Канцлеру леденцовую трость, и он, повесив ее на руку, двинулся дальше.

— Вот, все как положено, — сказала полная женщина и, смеясь, приколола булавку к юбке мисс Калико. — Посильнее! Я, к сожалению, не Фея и нежно это делать не умею...

Мисс Калико выбрала для нее самую длинную и толстую трость. Женщина взяла трость и навалилась на нее всей тяжестью.

— Корм для птиц! Два пенса пакетик! — весело пропела полная женщина. — Спасибо большое!

— Майкл! — изумленно воскликнула Джейн. — Я уверена, это Птичница!

Но, прежде чем Майкл успел сказать хоть слово, произошла очень странная вещь. Едва Птичница облокотилась на трость, как та подпрыгнула. Затем с развевающейся на ветру юбкой Птичница взлетела в воздух.

— Ах, розы-маргаритки! Я лечу! — вскричала Птичница, изо всех сил сжимая ручку трости и перехватывая поудобней корзину.

Трость пролетела над дорожкой и перемахнула через перила. По Парку разнеслось громкое ржание, и дети от удивления вытаращили глаза.

— Крепче держитесь! — озабоченно крикнул Майкл.

— Сам держись! — отозвалась Птичница. И действительно, леденцовая трость Майкла вдруг начала нетерпеливо подпрыгивать.

— Джейн! — закричал он. — Моя тоже это делает!

В следующий момент трость оторвалась от земли и мягко устремилась вперед.

— Осторожней, Майкл! — крикнула Джейн. Но закончить фразу ей не удалось, так как ее трость вдруг запрыгала и подскочила высоко в воздух. Вцепившись в ручку трости, Джейн перемахнула через изгородь и пролетела над кустами сирени. Вдруг что-то с хрустом пронеслось мимо нее. Это был Робертсон Эй, доверху нагруженный пакетами. Уютно примостившись на своей трости, он сладко дремал.

— Джейн, давай наперегонки вон до того дуба! — закричал Майкл, мчась рысью вперед.

— Прекрати сейчас же! Никакого баловства, Майкл! Поправьте шапки и следуйте за мной!

Мэри Поппинс, верхом на зонтике с ручкой в форме головы попугая, галопом проскакала мимо. Аккуратная и

чопорная, она сидела так, словно зонтик был по меньшей мере креслом-качалкой. Правой рукой она держала поводья, прикрепленные к тросточкам Близнецов.

— Из самого лучшего сахара! — доносился сзади голос мисс Калико.

— Она уже продала целую сотню тросточек! — крикнул Майкл.

Небо быстро заполнялось наездниками.

— Вон тетушка Флосси — над клумбой с георгинами! — радостно завопила Джейн, указывая пальцем вниз. И действительно, над клумбой, верхом на тросточке, скакала пожилая женщина. Ее боа из перьев развевалось на ветру, а шляпа грозила слететь с головы.

— Вот это да! — воскликнул Майкл, вытаращив глаза. — А вон и мисс Ларк с собаками!

Над плакучими ивами на леденцовой тросточке гарцевала мисс Ларк. Вид у нее был довольно взволнованный. За ней на своих собственных тросточках скакали ее собаки. Варфоломей, развалясь на трости, словно в кресле, нахально подмигнул детям, когда пролетал мимо. Эндрю держал глаза закрытыми, потому что от высоты у него всегда кружилась голова.

Цок-цок! Цок-цок! Цок-цок! — разносился по окрестностям топот мятных лошадок.

— Караул! Спасите! Убивают! Землетрясение! — вопил в отдалении чей-то бас.

Дети обернулись и увидели мистера Тримлета, дико скачущего позади. Его лицо побледнело, а руки изо всех сил вцепились в мятную лошадку.

— Я хотел съесть мою тросточку, — вопил он, — и вот что вышло!

— Почти даром! Всего за одну Булавку! — доносился голос мисс Кэлико.

Тем временем небо стало похоже на ипподром. Наездники были повсюду. Детям казалось, что все, кого они знали, купили мятных лошадок. Мимо проскакал человек в шляпе с перьями, и они узнали одного из Советников Лорда-Мэра. В отдалении они заметили Спичечника, скачущего на ярко-розовой трости. А рядом летели Трубочист, увешанный как всегда своими щетками, и Мороженщик, с аппетитом доедающий порцию клубничного пломбира.

— Примите в сторону! Дайте дорогу! — громко кричал важный голос.

Дети обернулись и увидели скачущего во весь опор Лорда-Канцлера. Он низко пригнулся к ручке своей трости, словно участвовал в гонке на Дерби. Монокль сверкал в его глазу, а портфель болтался из стороны в сторону.

— Важные депеши! — снова закричал он. — Я должен успеть во Дворец до ланча! Дайте дорогу! Скоро он скрылся из вида.

А в Парке уже была полнейшая неразбериха. Все то и дело наталкивались друг на друга.

— Посторонитесь! Дайте проехать! Осадите назад! — доносилось отовсюду.

А трости фыркали, словно сердитые кони.

— Держаться левой стороны! Не обгонять! — вопил Смотритель Парка, протискиваясь сквозь толпу. — Стоянка запрещена! Пешеходный переход! Скорость не более двадцати миль в час!

— Корм для птиц! Два пенса пакетик! — донесся до ребят голос Птичницы, летящей в сопровождении доброй сотни голубей, скворцов, дроздов и воробьев. — Корм для птиц! Два пенса пакетик! — кричала она, разбрасывая хлебные крошки.

Смотритель Парка осадил свою трость.

— Мама, а ты что здесь делаешь? Ты же должна быть внизу, у Собора!

— Привет, Фред, мой мальчик! Я кормлю птиц! Увидимся во время чая! Два пенса пакетик!

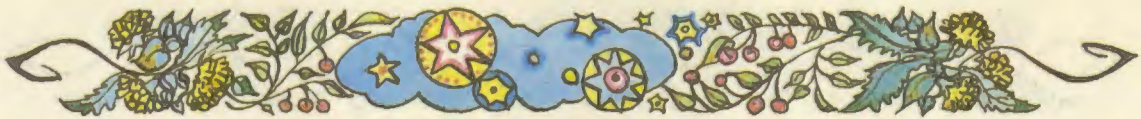
Смотритель долго глядел ей вслед.

— Никогда не видел ее такой. Даже когда был маленьким мальчиком! Эй! Эй! Осторожней! Смотрите, куда движетесь! — гаркнул он, так как пролетевшая мимо ярко-розовая трость едва не задела его. На ней сидели Элен и Полисмен. Сегодня у них был выходной.

— Ой! Ой! — взвизгивала Элен. — Я боюсь смотреть вниз! У меня головокружение!

— А ты не смотри. Смотри лучше на меня, — ответил Полисмен, обнимая ее за талию.

А леденцовые тросточки летели над деревьями, над домами, над облаками, неся своих седоков и отсвечивая золотисто-розовым в ярких лучах солнца.

Голос мисс Калико делался все тише и тише.

— Мятные леденцы! Из самого лучшего сахара! Почти даром!

Наконец он смолк где-то вдали.

Они пробирались сквозь толпу наездников, гарцующих на леденцовых тросточках. Ветер ласково овеивал их лица, а цокот копыт радовал слух. Куда они скакали? Домой обедать? Или, может, в далекие, неведомые страны?

Впереди, словно путеводная звезда, летела строгая фигура Мэри Поппинс. Элегантно примостившись на зонтике, она крепко держалась за ручку в форме головы попугая. О чем она думала, дети не знали. Однако в уголке ее губ притаилась едва заметная улыбка, точно Мэри Поппинс была вполне довольна происходящим. До Вишневой улицы оставалось совсем немного. Подзорная труба ярко сверкала на солнце.

— Я бы мог так летать всю жизнь! — воскликнул Майкл.

— Ну, хотя бы весь день! — подхватила Джейн.

— Если не считать того, что в час мы должны быть дома! Не отставайте! — охладила их пыл Мэри Поппинс и направила зонтик в сторону Дома №17.

Джейн с Майклом вздохнули. Они знали, что с Мэри Поппинс спорить бесполезно. Натянув поводья своих «лошадок», они пошли на снижение.

Садовая лужайка стала медленно приближаться. Тросточки взбрыкивали и даже вставали на дыбы — ну совсем как настоящие пони. Робертсон Эй приземлился первым. Его трость воткнулась в клумбу анютиных глазок. Робертсон открыл глаза и недоумевающе осмотрелся по сторонам. Затем собрал покупки, зевнул и поплелся к дому.

Джейн с Майклом опускались все ниже. Наконец их ноги коснулись травы, и леденцовые тросточки неподвижно застыли среди лужайки.

В следующий момент на клумбу спланировал зонтик с ручкой в форме головы попугая. Аккуратно соскочив в зонтика, Мэри Поппинс подхватила его, встряхнула и сунула под мышку. По ее степенному, чопорному виду даже предположить было невозможно, что всего минуту назад она пересекла Парк в столь необычной манере.

— Вот это скачки! — воскликнул Майкл. — Как хорошо, что у вас с собой оказались булавки, Мэри Поппинс!

Он пробежал через лужайку и обнял ее за талию.

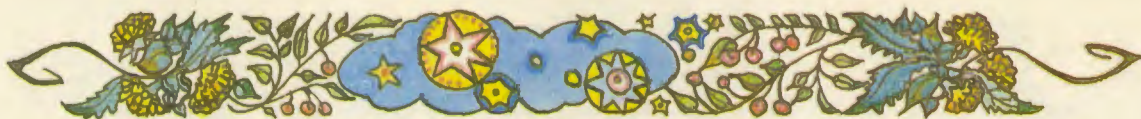
— Это сад или Восточный Базар? — сердито сказала она. — Будь добр, отпусти меня!

— Я больше никогда не буду унылой и хмурой! И бесхребетной, — пропела Джейн.

Мэри Поппинс недоверчиво усмехнулась.

— Что-то не верится, — заметила она, останавливаясь, чтобы подобрать тросточки.

— Я сам понесу свою, Мэри Поппинс! — сказал Майкл, протягивая руку к леденцовой «лошадке».

Мэри Поппинс отстранила его руку и важно прошествовала в дом.

— Я не буду ее есть, Мэри Поппинс! — умолял Майкл. — Ни кусочка!

Никакого ответа.

В молчании она миновала прихожую и поднялась наверх.

— Но они наши! — пожаловался Майкл, поворачиваясь к Джейн. — Мисс Калико велела нам их хранить!

— Ничего подобного, — возразила Джейн. — Она сказала, что мы можем их хранить, если у нас это получится.

— Конечно получится! — повторил упрямо Майкл. — Мы сохраним их и будем всегда на них кататься!

Тросточки спокойно стояли в углу, возле кровати Мэри Поппинс.

— Да и кому придет в голову воровать обычные леденцовые тросточки? — рассудили Джейн с Майклом.

Скоро дети так привыкли к ярко-розовым мятным «лошадкам», что они стали казаться им частью мебели. Создавалось впечатление, что тросточки, словно четыре неразлучных товарища, тихо ждут, когда новые владельцы снова отправятся с ними на прогулку...

День прошел, наступило время сна. Выйдя из ванной, Майкл втянул носом воздух. Аромат мятных леденцов наполнял Детскую.

— Все в порядке! — шепнул он Джейн. — Но думаю, нам не стоит ложиться сегодня спать: вдруг что-нибудь случится!

Джейн кивнула.

После ухода Мэри Поппинс дети и впрямь не легли спать. Они лежали в кроватях, то и дело посматривая в угол. Четыре темных силуэта спокойно и беззвучно стояли около раскладушки.

— Куда мы поскачем завтра? — спросил Майкл. — Может, навестим тетушку Флосси и спросим, как ей понравилась сегодняшняя прогулка? Он зевнул и закрыл правый глаз. «Смотреть можно и одним, — подумал Майкл. — А другой пока отдохнет».

— А я бы хотела поехать в Тимбукту, — проговорила мечтательно Джейн. — Мне название нравится. Тимбукту. Очень красиво.

Последовала долгая пауза.

— Как ты думаешь, Майкл? — позвала Джейн.

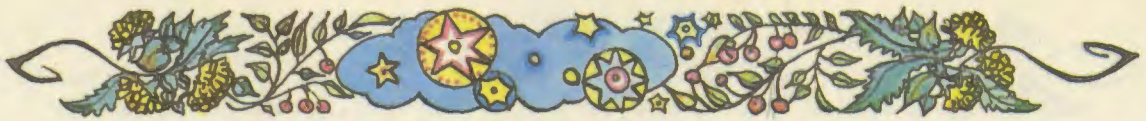
Но Майкл не ответил. Он закрыл другой глаз (всего на секунду!) и сразу же заснул.

Джейн села в кровати и стала наблюдать за тросточками. Она наблюдала и наблюдала, наблюдала и наблюдала, пока ее голова постепенно не упала на подушку.

— Тимбукту, — сонно прошептала Джейн. Больше она ничего не смогла произнести — слишком уж ей хотелось спать...

Внизу дедушкины часы пробили десять. Но Джейн не слышала их. Не слышала она, как в Детскую тихо вошла

Мэри Поппинс и принялась раздеваться под ситцевой ночной рубашкой. Не слышала, как мистер Бэнкс запирает двери, как Дом устраивался на ночь. Ей снился прекрасный сон о лошадях, пасущихся на зеленом лугу... Вдруг кто-то окликнул ее по имени.

— Джейн! Джейн! Джейн! — раздавался настойчивый шепот.

Она вскочила. За темным силуэтом спящей на раскладушке Мэри Поппинс она увидела Майкла, который сидел на краю своей кровати и прижимал палец к губам.

— Я слышал какой-то странный шум, — прошепел он. Джейн насторожилась. Так и есть!

Затаив дыхание, дети прислушались к тонкой трели отдаленного свистка.

— Фью-ю-ю! Фью-ю-ю!

Постепенно он приближался. Вдруг снаружи кто-то позвал:

— Пойдем, Сахар! Пойдем, Легконожка! Пойдем, Конфета! Пойдем, Мята! Торопитесь, а то опоздаете!

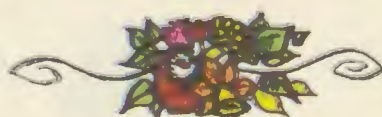
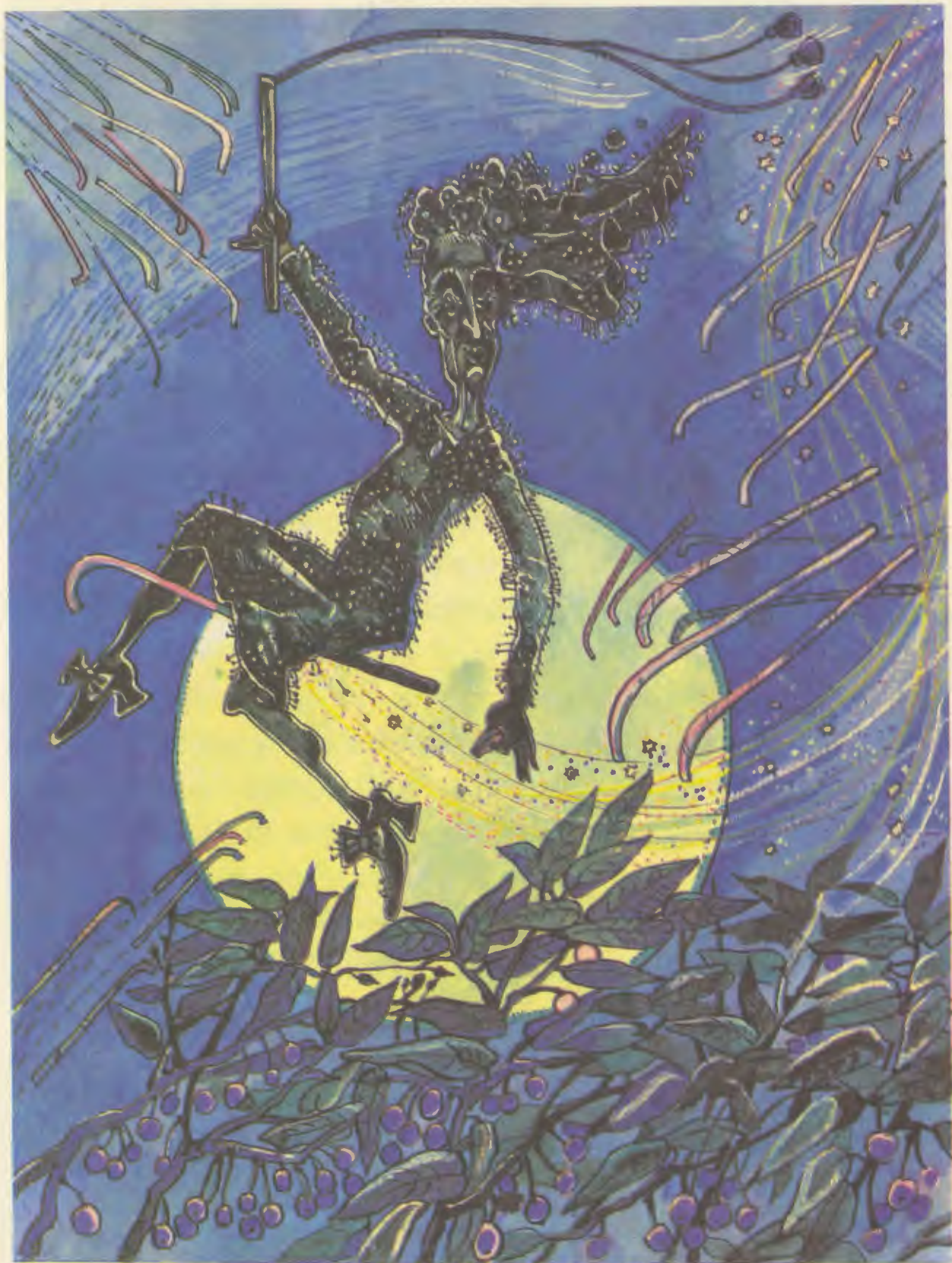
И тут же в углу, возле кровати Мэри Поппинс, что-то задвигалось, застучало, зазвенело.

— Бум! Дзынь! Бах! Бах!

Все четыре трости одна за другой поднялись в воздух и вылетели в окно.

Пулей дети выпрыгнули из кроватей и подбежали к подоконнику. На улице было темно. В небе не горела ни

одна звезда. Но над ветками вишен что-то сверкало странным, непонятным блеском.

Это была мисс Калико. Вся утыканная булавками, как еж колючками, она скакала по небу на мятной лошадке. Хлыст в ее руке легко щелкал, а трели свистка пронзали сонное спокойствие ночи.

— Пошевеливайтесь, копуши! — прикрикнула мисс Калико, когда четыре леденцовые трости с ржанием приблизились к ней. — Танцор, осел ты эдакий, вставай! — сердито топнула ногой мисс Калико. И тотчас откуда-то снизу, из кухни, прискакала еще одна трость.

— Наверное, это тросточка Робертсона Эя, — догадалась Джейн.

— Трикси! Где ты, моя девочка? Пора вставать! — мисс Калико снова щелкнула хлыстом. Не успел звук хлопка растаять в воздухе, как из окна спальни мисс Ларк выпрыгнула следующая «лошадка» и присоединилась к остальным.

— Пойдем, Полосатик! Пойдем, Леденец! Пеструшка! Рысак!

Со всех сторон из домов выскакивали леденцовые трости.

— Прибавь шагу, Цветок! Осторожнее, Медок! И за мною все гурьбой возвращайтесь-ка домой! — пропела мисс Калико.

Она свистела и, смеясь, щелкала хлыстом, а мятные лошадки слетались к ней отовсюду.

Все небо было сплошь усеяно ими. Оно звенело от топота копыт и конского ржания. Вначале лошадок было

не очень хорошо видно, но вскоре из-за деревьев показался краешек Луны, и тросточки засверкали во всем своем великолепии. Они переливались, вспыхивали и искрились, а мисс Калико продолжала звать их домой.

— Вставайте, мои хорошие! Вставайте, мои сладкие!

Хлыст ее щелкал, и лошадки галопом кружились вокруг хозяйки, храпя и встряхивая гривами.

Над Парком медленно взошла Луна, полная и круглая. Взглянув на нее, Джейн схватила брата за руку.

— Майкл, посмотри! Луна синяя! — закричала она.

И действительно, Луна была синей. Величественно она плыла по небу, и ее яркие лучи окрашивали Парк, Вишневую улицу и Дом Номер Семнадцать во все оттенки синего и голубого.

А в ее лучах скакала вереница мятных лошадок, возглавляемая мисс Калико. Их силуэты на мгновение возникали на фоне синего лунного диска и улетали прочь, растворясь в ночи.

Постепенно голос мисс Калико стих вдали, даже щелканья хлыста не стало слышно. Словно она и ее лошадки растаяли в лунном свете.

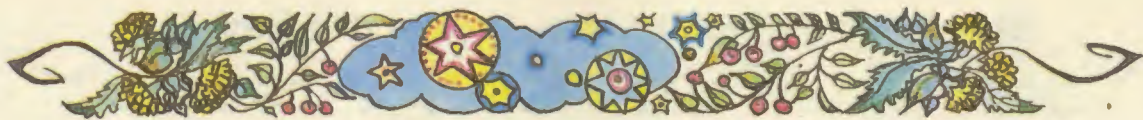
— Из самого лучшего сахара! — донесло эхо в последний раз. Затем все смолкло. Последовала долгая пауза.

Наконец Майкл нарушил молчание.

— Нам все-таки не удалось их сохранить, — сказал он горестным шепотом.

— Она предупреждала нас... — отозвалась Джейн, глядя в пустое небо.

Они отошли от окна, и синий лунный свет заструился в комнату. Разлившись, словно вода, по полу, он миновал детские кроватки и подобрался к стоящей в углу раскладушке. Потом дерзко востепенел и пробежал по щеке Мэри Поппинс. Она не проснулась. Лишь улыбнулась таинственной, удовлетворенной улыбкой, словно даже во сне была чрезвычайно довольна собой.

Дети стояли рядом и, затаив дыхание, смотрели на эту странную улыбку. Потом переглянулись и понимающе кивнули.

— Она знает, — сказал Майкл шепотом.

И Джейн выдохнула ответное «да».

С минуту они, улыбаясь, наблюдали за спящей фигурой. Затем на цыпочках пошли к своим кроватям.

Синий лунный свет лежал на подушках. Он, будто одеялом, укутал ребят, когда они закрыли глаза. Он блеснул на носу у Мэри Поппинс, и она, поморщившись, словно синие луны были для нее обычным делом, отвернулась к стене. Потом натянула простыню на голову и плотнее завернулась в одеяло...

— И постарайтесь ее не уронить! — предупредила Мэри Поппинс, вручая Майклу большую черную бутылку.

Майкл серьезно кивнул.

— Я буду очень внимательным, — пообещал он и пошел с такой осторожностью, словно был грабителем, незаметно подкрадывающимся к своей жертве.

Только что все трое заходили к Адмиралу Буму, чтобы одолжить для мистера Бэнкса бутылку портвейна. Теперь бутылка была в руках Майкла, и он ступал по тротуару, словно кошка по раскаленным камням. Следом

шла Джейн, держа пятнистую раковину Каури, которую ей подарила миссис Бум.

День прошел прекрасно. Адмирал спел «Я видел в море корабли...»^{*} и показал им полностью оснащенный кораблик в бутылке. Миссис Бум угостила детей имбирным лимонадом с миндальными пирожными. А Биннэкл, отставной пират, который был у Адмирала и поваром, и прачкой, и портнихой в одном лице, разрешил им взглянуть на череп и кости, вытатуированные на его груди...

«Да, — думал Майкл, косясь на бутылку, — день прошел просто прекрасно!»

— Вот бы выпить стаканчик портвейна, — проговорил он задумчиво. — Должно быть, это очень вкусно.

— Будь добр, шагай живее! — скомандовала Мэри

* Я видел в море корабли,
Да, корабли, да, корабли!
Я видел в море корабли
Чудесным новогодним днем.
А что везли те корабли,
Те корабли, те корабли,
А что везли те корабли
Чудесным новогодним днем?
Трех девушек везли они,
Везли они, везли они,
Трех девушек везли они
Чудесным новогодним днем.
Одна поет, одна свистит,
А третья струнами бренчит.
Мы их на свадьбу позовем
Чудесным новогодним днем!

Поппинс. — И не надо ковырять этикетку, Майкл! Бутылка — не дерево, а ты — не дятел!

— Я не могу идти еще живее! — сердито буркнул Майкл. — Да и куда торопиться, Мэри Поппинс?

Он думал о том, что когда бутылка опустеет, в ней можно будет собрать точно такой же кораблик, как у Адмирала Бума.

— Торопиться есть куда! — грозно выговорила Мэри Поппинс. — Сегодня второй четверг месяца! У меня выходной!

— Ох! — простонал Майкл. Он совершенно забыл об этом! Значит вечер придется провести вместе с Элен!

Он страдальчески посмотрел на Джейн, но она не обратила внимания. Прижав пятнистую раковину к уху, она слушала шум моря.

— Терпеть не могу Элен! — проворчал Майкл. — У нее все время насморк! И ноги слишком большие!

— Как я хочу увидеть море! — мечтательно проговорила Джейн, заглядывая внутрь раковины.

— Хочу! Хочу! — раздраженно фыркнула Мэри Поппинс. — Целый день только и слышно это «хочу»! То стаканчик портвейна, то море! Неслыханно!

— Ну, вам-то нечего желать! — заметил Майкл. — Вы и так Совершенство!

«Это должно ей понравиться», — думал он про себя, льстиво улыбаясь.

— Гм! — Мэри Поппинс недоверчиво покосилась на него. Но на ее щеке вдруг появилась едва заметная ямочка.

— Да ну вас, Майкл Бэнкс! — отмахнулась она и слегка подтолкнула его к воротам...

Позже, к удивлению Майкла, оказалось, что у Элен нет насморка. У нее была другая болезнь, которая называлась «сенная лихорадка». Из-за этого Элен целый день сегодня чихала. Она чихала и чихала, пока ее лицо не стало красным, как помидор. Майклу даже показалось, что от чихания ноги Элен стали еще больше, чем раньше.

— Если это не прекратится, то у меня голова оторвется! — мрачно заявила Элен.

Майкл от души пожелал, чтобы она оторвалась как можно скорее.

— Если бы не было четвергов, — пожаловался он Джейн, — Мэри Поппинс никогда бы не уходила на выходной!

К несчастью, четверг бывал каждую неделю, и ничто в этот день не могло удержать Мэри Поппинс дома. Вот и сейчас она бодро шагала по улице. На ней была черная соломенная шляпка, украшенная маргаритками, и синее пальто с серебряными пуговицами. Дети наблюдали из окна за удаляющейся фигурой. Держа под мышкой зонтик с ручкой в форме головы попугая, Мэри Поппинс шла вперед с таким видом, словно была абсолютно уверена, что за ближайшим углом ее дожидается какой-то неслыханно большой и ценный подарок.

— Интересно, куда она идет? — спросила Джейн.

— Какая разница? — простонал Майкл. — Я бы все отдал, чтобы пойти вместе с ней! Элен, когда же ты перестанешь чихать?

— У этого мальчишки сердце холодней, чем у жабы, — пожаловалась Элен в носовой платок. — Как будто я делаю это нарочно! А-пчхи!

Она чихнула так, что в Детской задрожала мебель. Она чихала весь день. Она чихала во время ужина. Она чихала в ванной, когда купала детей, чихала, когда укладывала их в постель, чихала, когда выключала ночник, когда закрывала дверь, даже когда спускалась по лестнице.

— Слава богу! — вздохнул Майкл, когда они остались одни. — Теперь давай чем-нибудь займемся!

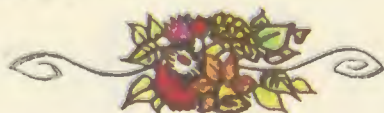
При Мэри Поппинс они не осмеливались делать ничего подобного. Но на Элен можно было не обращать никакого внимания.

Джейн подошла к камину и взяла пятнистую раковину.

— Это все еще продолжается! — сообщила она с восторгом. — Плеск и шум волн!

— О, Господи! — воскликнул Майкл, тоже прислушиваясь. — Я никогда даже не слышал, как плавают рыбы!

— Майкл, не говори чепухи! Никто никогда не слышал, как плавают рыбы! — произнес вдруг кто-то.

Джейн и Майкл быстро огляделись. Чей это голос? Откуда он появился?

— Ну, что таращите глаза друг на друга? Входите! — воскликнул все тот же странный голос. На этот раз ребятам показалось, что он исходил из раковины.

— Это же очень просто! Надо только закрыть глаза, задержать дыхание — и нырнуть!

— Куда? — не понял Майкл. — Мы не хотим разбить головы о коврик перед камином!

— О коврик? Перед камином? Что за ерунда! Ныряйте! — скомандовал голос.

— Пойдем, Майкл! Надо хотя бы попытаться! Стань рядом со мной, — сказала Джейн.

Держа пятнистую раковину перед собой, они закрыли глаза, вдохнули поглубже и нырнули — все так, как советовал голос. К немалому удивлению ребят, они ни обо что не ударились. Правда, шум, доносившийся из раковины, сделался громче, а на своих щеках они почувствовали легкий ветерок. Джейн с Майклом летели вниз, точно пара ласточек — летели до тех пор, пока не услышали плеск воды. Волна накрыла их с головой.

Майкл открыл рот и тут же принялся отплевываться.

— Ой! Ой! — закричал он. — Вода соленая!

— А вы что думали, сладкая? — удивился голос где-то совсем рядом.

— С тобой все в порядке, Майкл? — спросила Джейн озабоченно.

— Д-да, — ответил он храбро. — Пока ты со мной... Джейн взяла его за руку, и они нырнули во вздымающиеся волны.

— Теперь недолго, — заверил их голос. — Я уже вижу огни.

«Огни в воде — как странно!» — подумала Джейн и приоткрыла глаза.

Внизу сверкала рябь разноцветных вспышек: синих, розовых, серебристых, алых, зеленых.

— Правда, красиво? — спросил голос над самым ухом. Обвернувшись, Джейн увидела весело глядящую на нее Морскую Форель, которая, словно птичка, пристроилась на одной из темно-красных веток какого-то растения.

— Это же коралл! — воскликнула Джейн. — Мы в глубине моря!

— Конечно! — удивилась Форель. — Я думала, вы хотели здесь оказаться!

— Хотели, — согласилась Джейн. — Но мы не думали, что наше желание сбудется.

— О, Великий Океан! Зачем же тогда желать? По моему, это пустая трата времени. Но пойдемте! Нельзя опаздывать на прием!

И, прежде, чем они успели спросить, что это за Прием и где его будут проводить, Форель стремительно по-

мчалась сквозь коралловый лес. Самым странным было то, что Джейн с Майклом легко за ней поспевали.

— Хвостатая Медуза! — вскричал вдруг чей-то голос. — Как вы меня напугали! Я думала, что это сеть! Большая рыба пронеслась сквозь прядь волос Джейн и в ужасе бросилась в сторону.

— Это Пикша, — объяснила Форель. — Она немного нервная, потому что потеряла почти всех своих друзей там, наверху, — Форель подняла плавник. — Она всегда боится, что ее очередь следующая.

Джейн вспомнила, что довольно часто ела Пикшу на завтрак и почувствовала себя немного виноватой.

— Мне очень жаль... — начала она, но громкий сердитый голос прервал ее.

— Проходите! Не загораживайте дорогу! Прижимайте плавники к туловищу!

Большая Треска протолкнулась между ними.

— Загородили весь Океан! Как не стыдно! Из-за вас я опоздаю на прием! Она бросила на детей неприязненный взгляд. — И вообще, кто вы такие?

Они собрались было назвать свои имена, но Форель подплыла к Треске и зашептала ей что-то на ухо.

— А, понятно... Надеюсь, у них есть деньги, чтобы заплатить за билеты?

Джейн пошарила в кармане.

— Нет... — растерянно произнесла она.

— Ну-ну-ну! Выход из положения всегда есть, —

Форель быстро достала из кармана возле одного из плавников два белых кружочка.

— Морские трехпенсовики, — объяснила она важно. — Я всегда ношу несколько с собой. Никогда не знаешь, что произойдет в следующую минуту!

Она вручила трехпенсовики детям и принялась протискиваться сквозь кораллы.

— О, раки-осьминоги! Вам не нужны билеты! — вспомнила вдруг Форель. — Вы Гости Чести, и для вас вход бесплатный.

Джейн и Майкл с удивлением переглянулись. Они еще никогда не были Гостями Чести, и от этих слов почувствовали себя гордыми и важными.

— Для кого это вход бесплатный, хотел бы я знать? Пока я здесь, никто не войдет бесплатно! А если и войдет, то не выйдет! — раздался резкий, скрипучий, словно пила, голос.

Ребята обернулись. Прямо на них глядела пара сверкающих глаз, обрамленная десятком толстых извивающихся щупалец. Это был Осьминог.

— Хе-хе-хе, — пробормотал Осьминог, искоса поглядывая на Майкла. — Толстенький, беленький — как раз то, что мне нужно на ужин.

Он протянул щупальце, и Майкл завизжал от ужаса.

— Эй-эй! Погодите-ка! — воскликнула Форель и что-то зашептала Осьминогу.

Джейн, воспользовавшись паузой, оттащила Майкла прочь.

— Что? Говорите громче! Ничего не слышно! Ах, да-да... Конечно... Понятно.

Осьминог с сожалением убрал щупальце.

— Мы очень рады, — громко объявил он, — приветствовать среди нас дорогих...

— Опять болтовня! Что же это такое! Ни минуты покоя! — прервал его сварливый голос.

Дети обернулись, но увидели лишь маленькую клешню, торчащую из раковины.

— Это Рак-отшельник! — объяснила Форель. — Живет тут один и только ворчит на всех! Ни с кем разговаривать не желает! Но пойдете! Надо торопиться! Слышите, уже музыка играет!

Нежные звуки сделались громче, когда они вошли в каменный туннель. Далеко впереди мерцал слабый свет. Постепенно он становился ярче, пока совершенно не ослепил детей. Скоро глаза Джейн и Майкла немного привыкли, и перед ними открылась удивительная картина.

Во все стороны, насколько хватало глаз, расстилалось морское дно, местами покрытое лужайками ярко-зеленых морских водорослей. Между ними змеились тропинки из золотистого песка, а по обочинам пестрели цветы.

Коралловые деревья тянули вверх свои ветви, напоминающие большие папоротники. На темном фоне скал, вздымающихся по бокам, ярко блестели перламутровые раковины. В одной из скал чернела глубокая пещера, темная, словно небо в безлунную ночь. А в ее

недрах, как далекие звезды, мерцали разноцветные огоньки.

Джейн и Майкл раскрыли от изумления рты; вся картина была в движении. Сквозь толщу воды казалось, будто скалы раскачиваются и кланяются. Между ними, словно бабочки, порхали маленькие рыбки. Гирлянды морских водорослей, свисающие с ветвей кораллов, были усыпаны качающимися огоньками.

«Китайские фонарики!» — подумала Джейн, но взглядевшись, поняла, что огоньки были светящимися рыбками. Они висели, уцепившись ртами за стебельки водорослей и освещали морские лужайки.

Музыка заиграла еще громче. Она исходила с маленькой коралловой террасы, где несколько Крабов играли на скрипках. Камбала, раздувая щеки что было силы, дула в раковину, Морской Конек трубил в серебряные трубы, а Морской Окунь отбивал ритм на большом, сделанном из панциря черепахи барабане. Возле оркестра кружились яркие морские существа. Серебристые блики от плавников и хвостов плясали на всем вокруг. Среди рыб изящно плавали Русалки в жемчужных ожерельях.

— Ой! — воскликнули Джейн с Майклом одновременно. От восхищения они не могли сказать ни слова.

— А, вот и вы наконец! — произнес гулкий голос, и к детям подплыл Большой Бронзовый Тюлень. — Вы как раз успели к началу приема.

Взяв детей под руки, он вразвалку поплыл между ними.

— И часто у вас бывают эти приемы? — поинтересовался Майкл. Ему отчего-то тоже захотелось немножко пожить в море.

— О, конечно нет! — ответил Тюлень. — Только во время Большого Прилива... Эй! Эй! Тебя приглашали? — закричал он вдруг, обращаясь к большой серой фигуре. — Мне приказано китов не пускать!

— Прочь! Прочь! Китов приказано не пускать! — раздался целый хор рыбьих голосов.

Кит взмахнул огромным хвостом и скрылся между скал. У него было большое трогательное лицо, а огромные печальные глаза с мольбой смотрели на детей.

— Всегда одно и то же, — пожаловался Кит, покачивая головой. — Они говорят, что я слишком большой и слишком много ем. Может быть, вы убедите их сделать сегодня исключение? Я так хочу увидеть Дальнего Родственника!

— Чьего Дальнего Родственника? — не поняла Джейн.

Но Тюлень громко прервал:

— Ну, хватит ябедничать! Уходи! Вспомни, что произошло в последний раз.

— Он съел все сардинные бутерброды, — шепнул Тюлень, наклонившись к Джейн.

— Пропускать только тех, кто по делу! Глупости оставить за воротами! Проходите! Проплывайте! Никакой

ерунды! — закричала рыба с острым мечом на носу, приближаясь к Киту.

— Но я никогда не был на приеме! — бормотал Кит, пока Тюлень и Рыба-Меч прогоняли его.

Сердце Джейн исполнилось жалости.

— Хотя, с другой стороны, — сказала она, поворачиваясь к Майклу; — он действительно занимает слишком много места!

Но Майкла рядом не было. Он разговаривал в стороне с одной из Русалок.

— Ну, юбки, блузки, ботинки... — слышала Джейн слова Майкла.

Она подошла поближе.

Русалка повернулась к Джейн и улыбнулась.

— Я спрашивала его о модах, там, наверху, — она указала сквозь толщу воды. — И он мне сказал, что наверху носят блузки и ботинки.

Она подавилась смешком, точно ни капли не верила услышанному.

— Да, и пальто! — добавила Джейн. — А еще галоши!

— Галоши? — Русалка приподняла брови.

— Это чтобы ноги не намокли, — объяснила Джейн.

Русалка засмеялась.

— Вот удивительно! — воскликнула она. — А мы наоборот предпочитаем, чтобы все было мокрым! Она повернулась, собираясь уплыть, но чей-то звонкий голос вдруг окликнул ее по имени:

— Привет, Анемон!

В следующий момент из-за клумбы с лилиями вынырнула серебристая рыба. Увидев детей, она остановилась и уставилась на них.

— Ну и ну! — удивленно воскликнула она. — Кто их поймал?

— Никто, — звонко рассмеялась Русалка и, прикрывшись рукой, что-то зашептала рыбе.

— Что, действительно? Очень рад! — чопорно кивнул новый знакомый. — Разрешите представиться. Глубоководный Лосось, Король рыб, и все такое прочее. Надеюсь, вы слышали обо мне?

Судя по тому, как он важничал и прихоращивался, можно было подумать, что не слышать о его персоне могли только совсем темные, отсталые существа.

— Освежающие напитки! Освежающие напитки! — прокричал скрипучий голос, и к детям подплыла Щука, похожая на пожилого дворецкого. В плавниках она держала большой поднос.

— Угощайтесь, — предложил Лосось, кланяясь Джейн. — Бутерброд с сардинами или соленые креветки? А может, желе из водорослей? А вам, — он повернулся к Майклу, — могу предложить молоко моржа, пиво из планктона... Или вы предпочитаете простую морскую воду?

— Мне дали понять, Ваше Величество, что молодой джентльмен хотел Портвейна! — хмуро протянула Щука поднос.

— Ну, пусть тогда Портвейн и получает! — царственно повелел Лосось, снимая с подноса темно-красный напиток.

Вздрогнув от удивления, Майкл вспомнил свое желание. Он взял стакан и жадно отхлебнул.

— Это почти как малиновая шипучка! — радостно воскликнул он.

— И даже лучше! — самодовольно хмыкнул Лосось, словно сделал Портвейн сам. — Может, хотите взглянуть на ловлю? — поинтересовался он после короткой паузы. — Они уже, наверное, почти всех перетаскали! Надо спешить!

«Интересно, кого поймали?» гадала Джейн, пока они неслись по обе стороны от Лосося вдоль морских тропинок.

Вокруг суеилось бесчисленное множество рыб. Все направлялись к одной большой лужайке в центре.

— Эй! Эй! Смотрите, кого толкаете! — покрикивал Лосось, продираясь сквозь толпу. — Нет, вы только взгляните на этих детей!

Он указал на группу рыбьей ребятни, шумно возящуюся неподалеку.

— Учитель! Следите за своими учениками! Что за поведение!

— А, что? — рассеянно переспросила рыба, которая плыла, уткнувшись носом в книгу. — Береговичок и Мигунок! И ты тоже, Щуренок! Ведите себя прилично — иначе я не пущу вас на прием!

Проказники поглядели друг на друга и с невинным видом поплыли за учителем.

— Вот мы и пришли! — весело воскликнул Лосось, обводя детей вокруг кораллового дерева.

На большой плоской скале в ряд сидели рыбы и смотрели куда-то вверх. Каждая из них держала удочку и с нетерпением наблюдала за леской, убегающей к поверхности воды.

— Морские Черти, — объяснил Лосось. — Говорите тише! Они не любят, когда им мешают.

— Но... — удивленно прошептала Джейн, — лески идут вверх!

Лосось вытаращил глаза.

— Куда же им еще идти? Не вниз же! Вон приманка, — добавил он, указывая на несколько непромокаемых мешков с пирожными.

— Но что они ловят? — спросил Майкл хриплым шепотом.

— В основном людей, — ответил Лосось. — Они очень хорошо клюют на клубничное пирожное. Я вижу, улов сегодня приличный. Посмотрите, как они извиваются и дергаются!

Он махнул хвостом в сторону ближайшей пещеры, и дети открыли рты от изумления. В пещере стояла группа человеческих существ! Мужчины в темных очках и летних шляпах трясли кулаками и топали ногами. Три пожилые леди махали зонтиками, а одна, помоложе, одетая в резино-

вые боты, ломала в отчаяньи руки. Рядом, держа сачок для ловли креветок, стояли двое безутешных детей.

— Ну и как — нравится? — насмешливо поинтересовался у них Лосось. — Должен сказать, выглядите вы довольно забавно! Словно рыбы, вытащенные из воды!

Люди сердито зафыркали и отвернулись от Лосося.

В следующий момент откуда-то сверху раздался дикий крик.

— Отпустите меня сейчас же! Немедленно выньте этот крючок! Да как вы смее!

Один из Морских Чертей, улыбаясь, медленно сматывал леску.

— Выньте его, я говорю! — снова взревел голос, и на дно в вихре пузырьков опустилась весьма необычная фигура. На ней было широкое твидовое пальто, с шляпы свешивалась серая вуаль, а на ногах были толстые шерстяные чулки и огромные ботинки на пуговицах.

Майкл вытаращил глаза и чуть не поперхнулся от удивления.

— Джейн! Ты видишь? Кажется, это...

— Мисс Эндрю! — едва не задохнулась Джейн.

И это действительно была мисс Эндрю. Кашляя и вопя, она грузно опустилась на дно. Морской Черт выдернул крючок у нее из губы и подтолкнул к пещере.

— Возмутительно! Чудовищно! — шипела она. — Откуда мне было знать, что в пирожном крючок! Него-

дья! Она погрозила Морским Чертям кулаком. — Я напишу в «Таймс»! Пусть вас зажарят!

— Посмотрите, какая бойкая! — хмыкнул Лосось. — Эта долго будет прыгать и извиваться!

Джейн была согласна с тем, что мисс Эндрю получила по заслугам, но дети... Она озабоченно поглядела на группу ребятишек у входа в пещеру. Как было бы ужасно, думала она про себя, если бы Черти поймали ее и Майкла!

— А что Морские Черти будут делать с ними? — спросила она у Лосося.

— Выбросят обратно, разумеется! Мы ловим их только из спортивного интереса. Видите ли, для еды они слишком жесткие.

— Эй! Лосось! Пора идти! — донесся издали голос Тюленя. — Не то дети пропустят церемонию приветствия. Она должна прибыть с минуты на минуту.

Джейн поглядела на Майкла с неммым вопросом. Кто должен прибыть? Главная Русалка? Или, может быть, Королева Моря?

— Ах, кильки-селедки! Совсем забыл! Нам действительно пора! — воскликнул Лосось и заспешил вперед.

Рядом мягкой рысью бежал Морской Конек. Рыбы сновали взад и вперед по морским тропинкам.

— Привет, Джейн и Майкл! — зазвенел дружелюбный голосок. — Помните меня? Я жила в вашем аквариуме, а теперь вернулась домой. Передавайте привет маме!

Золотая рыбка улыбнулась и, прежде чем они успели ответить, умчалась прочь.

— Ну и толпа! Как селенок в бочке! — присвистнул Лосось, с удвоенной энергией работая хвостом.

— Освежающие напитки! Освежающие напитки! — хрипло кричала Щука.

— Йо-хо-хо! И бутылка рома! — отозвался знакомый голос. Из толпы вынырнул Адмирал Бум и схватил стакан с подноса. Рядом с Адмиралом плыла миссис Бум, а у них в кильватере барахтался Биннэкл.

— Поднять паруса! Задрать люки! Посторонись, салаги! Курс на Рио Гранде! — завопил Адмирал и рванул вперед.

Щука проводила его неприязненным взглядом и покачала головой.

— Хулиганы — вот кто они! — буркнула она мрачно. — И куда мы только катимся!

— Наконец-то вы появились! — воскликнул Бронзовый Тюлень, прокладывая плечом путь через толпу. — Хватайтесь за мой хвост, и я протащу вас. Извините! Позвольте пройти, господа рыбы! Это Джейн и Майкл, Гости Чести!

Рыбы расступались и с завистью глядели на них. Среди шума слышался вежливый шепот приветствий. Тюлень расталкивал толпу ластами и тянул детей за собой к скале, сияющей ярким жемчужным блеском.

— Как раз успели к Церемонии! — выдохнул он. Джейн с Майклом едва расслышали его голос из-за крика и смеха.

Джейн хотела спросить, что все-таки это за Церемония и кого будут приветствовать, но неожиданно все стихло.

Музыка и смех оборвались, и в море воцарилась полная тишина. Казалось, рыбы внезапно окаменели. Даже водоросли перестали шевелиться.

— Идет! — прошептал Тюлень, кивая в сторону пещеры.

— Идет! — пронеслось над толпой.

И тут из черной таинственной пещеры появилась высохшая голова. Пара сонных глаз подслеповато щурилась от света. Две морщинистые ноги последовали за головой, а за ними — высокий свод темного панциря.

Дети спрятались за спину Бронзового Тюленя.

— Кто это? — в страхе прошептала Джейн.

— Это Террапин, морская черепаха, — ответил Тюлень. — Самое мудрое и старое существо на свете!

Медленно Террапин вполз на жемчужную скалу. Его глаза за полуприкрытыми веками таинственно поблескивали, словно две черные звездочки. Подняв высохшую старую голову, Террапин улыбнулся и заговорил.

— Друзья! — произнес он величественным голосом, похожим на звон древнего растрескавшегося колокола. — Приветствую вас, жители моря! Желаю, чтобы вечер Большого Прилива прошел хорошо!

Он опустил голову, и рыбы склонились в поклоне.

— Это большое событие для всех нас! — продолжал Террапин тихо. — Я действительно очень рад видеть сегодня так много старых знакомых.

Его взгляд скользнул по переполненным лужайкам. Казалось, за одно мгновение он узнал каждого присутствующего.

— Однако, — его сморщенные брови поднялись, — один из нас отсутствует!

Тюлень оглянулся и торжествующе закричал:

— Она здесь, мой лорд! Она только что прибыла!

Раздался шум, вокруг зашевелились и зааплодировали. В следующую минуту, к удивлению детей, из туннеля появилась знакомая фигура в синем пальто и соломенной шляпке, отделанной маргаритками. Аккуратная и прямая, она пересекла тропинку и подошла к скале, на которой сидел Террапин. Приветствия переросли в радостные крики.

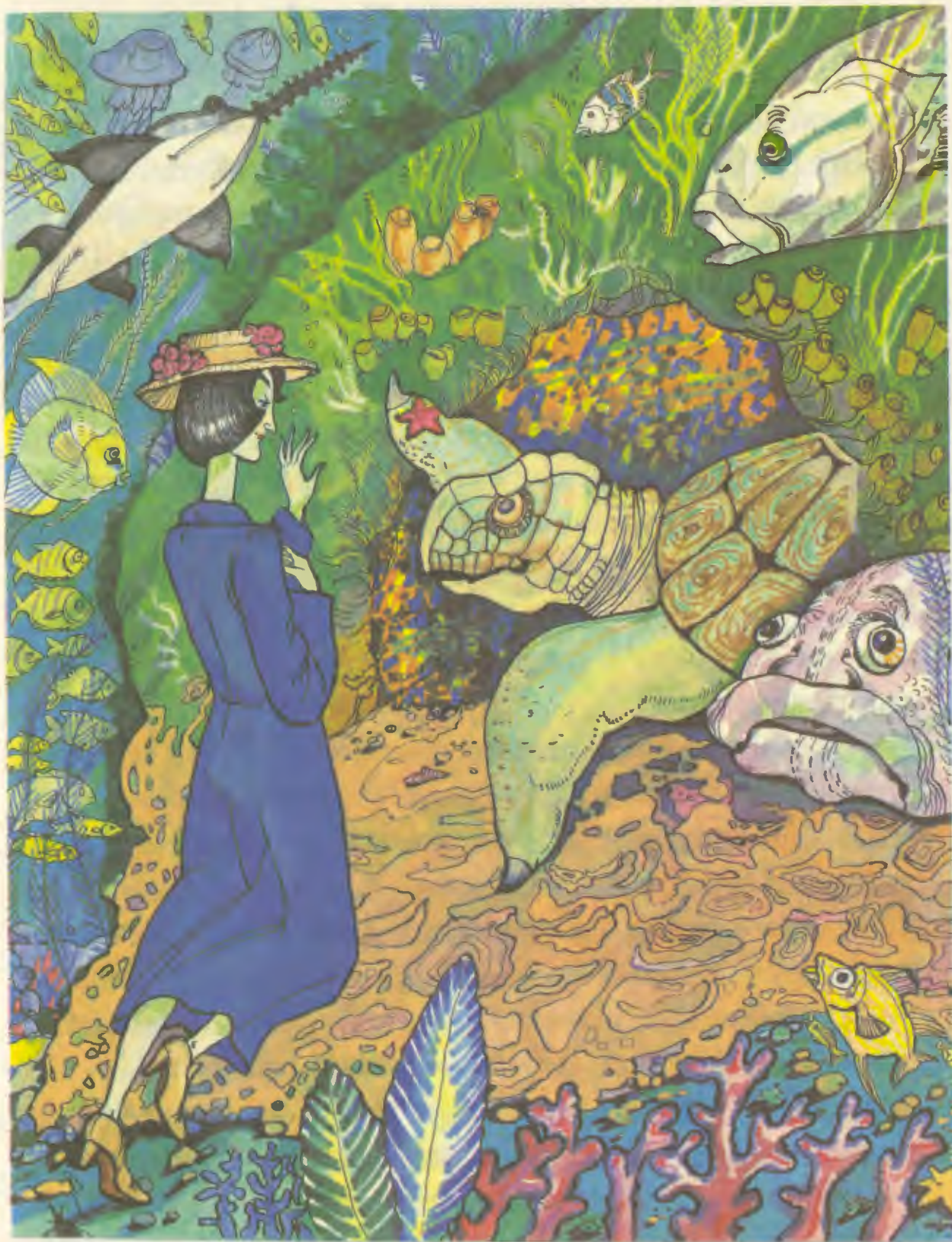
— Добро пожаловать, Мэри Поппинс! — слышалось со всех сторон.

Мэри Поппинс подняла в знак приветствия зонтик с ручкой в форме головы попугая, после чего сделала реверанс Террапину.

Некоторое время он смотрел на нее, словно хотел заглянуть в самое сердце, затем кивнул лысой головой и дружески улыбнулся.

— Моя дорогая юная родственница! — сказал он милостиво. — Я очень рад твоему приходу. Прошло много лет с тех пор, как у нас был посетитель из верхнего мира. И еще больше времени минуло с тех пор, как твой

выходной совпадал с Большим Приливом. От имени всех морских существ я приветствую тебя, Мэри!

С этими словами он протянул ей свою сморщенную лапу.

Мэри Поппинс пожала ее и с уважением поклонилась. Затем они с Террапином переглянулись, и каждый из них улыбнулся таинственной, всезнающей улыбкой, словно мысли другого не были для них секретом.

— А теперь, дорогая Мэри, — сказал Террапин, — разреши преподнести тебе маленький подарок. Никто не должен уходить с Большого Приема с пустыми руками.

Он засунул лапу в пещеру и вынул оттуда маленький яркий предмет.

— Возьми это на память о твоём визите. Из нее получится красивая брошь или шляпная булавка.

И, подавшись вперед, он прилепил к пальто Мэри Поппинс Морскую Звезду.

Подарок сверкал и переливался на синем пальто, словно горсть брильянтов.

— О, благодарю! — воскликнула Мэри Поппинс с восторгом. — Я давно мечтала о такой!

Она улыбнулась Террапину, Звезде, потом ее взгляд перешел на детей. Улыбка тотчас исчезла.

— Джейн! Сколько раз говорить, что таращиться неприлично! — Мэри Поппинс сердито фыркнула. — Закрой рот, Майкл! Ты не треска!

— Еще бы! — пробормотала Треска со своего места позади детей.

— Стало быть, это и есть Джейн с Майклом! — сказал Террапин, оборачиваясь к ним. — Очень рад тому, что увидел вас наконец. Добро пожаловать на Вечер Большого Прилива!

Он степенно поклонился им, и дети, понуждаемые взглядом Мэри Поппинс, поклонились в ответ.

— Как видите, — продолжал он своим старческим надтреснутым голосом, — я знаю, кто такие Джейн и Майкл. Но мне интересно, знают ли они, кто я?

Ребята покачали головами и молча уставились на него.

Террапин слегка подвинул свой панцирь и после недолгой паузы заговорил.

— Я Террапин. Я — корень мира. Под городами, под холмами, под морем я строю свой дом. От этого корня, вверх сквозь воды, земля прорастает цветами и лесами. Из него зародились и горы, и человек, и животные, и птицы...

На мгновение он замолчал, и воцарилась полная тишина. Сотни глаз были устремлены на скалу. Затем он продолжил.

— Я старше всего на свете. Я люблю мрак и тишину... Я мудрый и очень терпеливый. Здесь, в моей пещере, все вещи берут свое начало и сюда же возвращаются в конце концов. Я умею ждать. Я умею ждать...

Он прикрыл глаза и закивал лысой морщинистой головой, словно продолжал про себя что-то говорить.

— Мне больше нечего сказать, — произнес он через минуту, открывая глаза. — Итак, — он гордо вытянул маленькую, похожую на плавник лапу, — пусть играет музыка! Пусть жители моря сами выберут танец. Что будет на этот раз, дети мои?

— Тидди-ум-пом-пом, тидди-ум-пом-пом! — напел голос, похожий на жужжание пчелы, залетевшей в бутылку.

— Что ж, неплохо, Адмирал! — кивнул Террапин. — Предложение принимается. Ударьте Матросский Танец!

И тут же вокруг поднялась суматоха. Оркестр грянул веселую музыку, и рыбы закружились на месте. Голоса и смех наполнили море. Начинался Большой Прилив.

Тидди-ум-пом-пом! И рыбы, и русалки, и мальки, и тюлени слились в один хоровод.

— Тидди-ум-пом-пом! — громко распевал Биннэкл, вспоминая о своих счастливых пиратских днях. Вокруг него танцевали рыбы, радостно махая сверкающими плавниками.

Бронзовый Тюлень носился вверх-вниз на хвосте, а Лосось, словно птица, порхал над лужайками. Морские Черти танцевали, размахивая своими удочками, а Рыбамеч отплясывала, придерживая за плавник учителя рыбьей детворы. В центре, грациозно переступая с каблука на носок, вышагивала Мэри Поппинс.

Дети стояли у жемчужной скалы и наблюдали удивительное зрелище — матросский танец на морском дне.

— Вам кажется это странным? Не так ли? — спро-

сил Террапин. — Я знаю, что чувствует каждое морское существо! И даже не морское, волей случая попавшее в море, — он слегка усмехнулся своей шутке.

Джейн кивнула.

— Я думала, в море будет все по-другому. Но тут все почти так же, как на земле!

— Что же в этом удивительного? — сказал Террапин, щурясь. — Земля вышла из моря. Каждая вещь на земле имеет тут своего брата: лев — морского льва, собака — морскую собаку, заяц — морского зайца, слон — морского слона... В море есть и свои драгоценные камни и даже созвездия. Роза помнит соленые воды океана, а луна — шум отлива и прилива. И вы должны помнить об этом, Джейн и Майкл! В море гораздо больше вещей, чем вам кажется. И я не имею в виду рыб, — улыбнулся Террапин. — Но я вижу, что ваши ноги при-топтывают. Идите, присоединяйтесь к танцу.

Джейн схватила Майкла за руку. Затем, опомнившись, сделала реверанс Террапину и лишь после этого стрелой умчалась прочь.

Они петляли между рыбами в такт музыке. О, как топали они ногами! Как махали руками! Они раскачивались, словно пряди морских водорослей, выделявая па-зажигательного Матросского Танца.

— Тидди-ум-пом-пом! — звучала веселая музыка.

Подплыв ближе, Мэри Поппинс взяла их за руки и закружила вокруг ветвистого кораллового дерева. Они

кружились и кружились, быстрее и быстрее, как волчки в бурлящей воде, пока, обессиленные танцем и ослепленные огнями, не закрыли глаза и не облокотились о нее. Руки Мэри Поппинс обняли их и держали крепко и уверенно, пока она плыла сквозь Большой Прилив.

— Тидди-ум-пом-пом! — раскачивались они, а музыка становилась все слабее и слабее...

Тидди-ум-пом-пом! Качай нас, море, качай в своей большой колыбели!

Тидди-ум-пом-пом! Качай меня, Мэри Поппинс, я всего лишь пузырек воздуха в уходящем приливе. Качай меня... Тидди-ум-пом-пом... Качай меня... Качай меня... Качай меня... Качай...

— Качайте меня, Мэри Поппинс, — сонно прошептал Майкл, сжимая ее ласковую руку.

Ответа не последовало.

— Где вы, Мэри Поппинс? — позвал он, зевая.

Молчание.

Не открывая глаз, он позвал снова, и море, казалось, эхом отозвалось на его голос.

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс, где вы?

— Там, где всегда в это время! — ответила она, сердито фыркая.

— О, какой прекрасный танец! — сонно пробормотал Майкл и протянул руку, чтобы прижаться к знакомой фигуре.

Рука повисла в пустоте. Все, что нащупали его пальцы, это мягкий теплый предмет, подозрительно напоминающий подушку.

— Буду очень обязана, если ты протанцуешь из кровати в ванную! Уже почти время завтрака!

В ее голосе слышались раскаты приближающейся грозы. Зевнув, Майкл открыл глаза.

Боже мой! Где он? Не может быть, чтобы это была Детская! И все же — в углу тихо стоял Старый Деревянный Конь, рядом — раскладушка Мэри Поппинс, чуть дальше — шкаф с игрушками и книгами, а возле кровати валялись шлепанцы. Все было привычным и знакомым. Вещи стояли на своих местах. Но исчезло самое главное!

— Где море? — сердито спросил Майкл. — Хочу обратно в море!

Мэри Поппинс выглянула из ванной. По ее виду не составляло труда догадаться, что она в ярости.

— Море там же, где и всегда! — выговорила она со свирепой отчетливостью. — А теперь живо вставай! И больше ни слова!

— Но я был в море всего минуту назад! И вы тоже, Мэри Поппинс! Мы танцевали с морскими существами Матросский Танец!

— Вот еще! — фыркнула она, вытряхивая коврик. — Будто мне больше делать нечего, как танцевать с моряками!

— Ну а как же морские существа? — спросил Майкл. — Тюлень, Лосось, а еще эта забавная старая

Черепаша? Мы были с ними внизу, Мэри Поппинс, на дне моря!

— На дне моря?! С забавным старым Лососем?! Да, у тебя действительно очень странные сны! Скорее всего, ты просто объелся булочек во время ужина! Моряки, черепахи... Ну и ну! Что еще придумаешь?

Ее фартук сердито похрустывал, когда она, бормоча что-то себе под нос, вышла из Детской.

Майкл смотрел ей вслед и тихо качал головой. Вопросы он больше задавать не осмеливался, но недоумения его Мэри Поппинс не рассеяла.

Майкл задумчиво вылез из кровати и сунул ноги в шлепанцы. И тут его глаза встретились с глазами Джейн. Джейн слышала каждое слово их разговора, и пока они спорили, она заметила в Детской кое-что интересное.

Улыбнувшись Майклу загадочной улыбкой, она понимающе кивнула.

— Это было удивительное путешествие, — сказала она. — Но это был не сон.

С этими словами она указала на камин.

Майкл поднял глаза и вздрогнул от удивления. Затем торжествующая улыбка расплылась по его лицу.

Рядом с пятнистой раковиной на каминной полке лежали два морских пенни и маленькая розовая Морская Звезда.

— Помнишь, что сказал Тетрапин? Никто не уходит из моря без подарка, — прошептала Джейн.

Майкл кивнул. В этот момент дверь распахнулась и в Детскую вошла Мэри Поппинс. Взяв с каминной полки Морскую Звезду, она приколотла ее к воротнику. Звезда ярко сверкала и переливалась, когда Мэри Поппинс разглядывала себя в зеркале, висящем на стене.

Майкл повернулся к Джейн, с трудом сдерживая смех.

— Тидди-ум-пом-пом! — промычал он про себя.

— Тидди-ум-пом-пом! — прошептала в ответ Джейн.

И прямо за строгой прямой спиной Мэри Поппинс они отважно станцевали несколько па из Матросского Танца.

Они не заметили, что ее синие глаза наблюдали за ними через зеркало. Не заметили они и улыбки на лице Мэри Поппинс, которой она обменялась со своим отражением, — снисходительной улыбки Собственного Превосходства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ...ДОЛГ И СЧАСТЛИВО

Был последний день Старого Года.

Наверху, в Детской, Джейн, Майкл и Близнецы готовились ко сну. Мэри Поппинс раздевала всех четверых, а если Мэри Поппинс что-то делала, то делала она это мастерски.

Словно фокусник, ходила она между стоящими в ряд детьми, и их одежда, казалось, спадала лишь от одного ее прикосновения. Молниеносно стянув с Джона свитер, она принялась за платье Джейн. Неуловимое движение — и платье лежит на стуле. Носки Барбары промелькнули и повисли на спинке кровати. Что касается

Майкла, то ему показалось, что Мэри Поппинс даже не дотронулась до него. Просто взглянула — и одежда оказалась на вешалке.

— А теперь живо в постель! — скомандовала Мэри Поппинс, сопроводив эти слова таким жутким взглядом, что дети, визжа, разлетелись по местам и забились под одеяла.

Она прошла по Детской, приводя ее в порядок и собирая разбросанные игрушки. Дети уютно лежали в кроватях, наблюдая за своей няней и слушая мягкое похрустывание ее накрахмаленного передника.

Синие глаза, пунцовые щеки, задорно вздернутый нос — ну совсем как у Датской Куклы. «С первого взгляда, — думали про себя Джейн и Майкл, — ни за что не скажешь, что она такая необыкновенная! Но, как говорится, внешность обманчива.»

Вдруг Майклу пришла в голову мысль, показавшаяся ему очень важной.

— Послушайте! — сказал он, садясь в кровати. — Когда точно кончается старый год?

— Сегодня ночью, — ответила Мэри Поппинс кратко. — В двенадцать. С первым ударом часов.

— А когда начинается? — продолжил Майкл.

— Что начинается? — раздраженно бросила Мэри Поппинс.

— Новый год, — терпеливо ответил Майкл.

— С последним ударом двенадцати, — фыркнула она.

— Да? А что же бывает в промежутке? — удивился Майкл.

— В каком промежутке? Ты можешь говорить как следует? Я не умею, к сожалению, читать мысли!

С последней фразой Майкл мог бы поспорить, но он прекрасно знал, что никогда не осмелится сделать этого.

— Между первым и последним ударом, — торопливо объяснил он.

Мэри Поппинс обернулась и уставилась на него.

— Не ищи неприятностей, они сами тебя найдут! — сердито посоветовала она.

— Но я не ищу неприятностей, Мэри Поппинс! Я только хочу знать... — зашепел он, но осекся, так как лицо Мэри Поппинс приняло свирепое выражение.

— Хочу! Хочу! Ты все время чего-нибудь хочешь! Все! Если я услышу от тебя еще Хоть Одно Слово...

Майкл нырнул под одеяло.

Мэри Поппинс еще раз фыркнула и двинулась мимо кроватей, подтыкая одеяла.

— Это я забираю! — заметила она, взяв из рук Джона Синюю Уточку.

— Не надо! — заплакал Джон. — Пожалуйста, верните ее мне!

— Отдайте мою Пинни! — хныкала Барбара, когда Мэри Поппинс оторвала ее пальцы от тронутой молью игрушечной обезьянки.

Обезьяна эта сначала принадлежала миссис Бэнкс, когда она была маленькой девочкой, а затем по очереди каждому из ее детей.

Но Мэри Поппинс не обратила на протесты никакого внимания. Она подошла к кровати Джейн, и серый фланелевый Слон по имени Альфред был извлечен из-под одеяла. Джейн быстро села.

— Но почему вы забираете игрушки? — удивилась она. — Разве мы не можем спать с ними, как всегда?

Мэри Поппинс посмотрела на Джейн ледяным взглядом, потом склонилась над кроватью Майкла.

— Свинью, будь добр, — скомандовала она строго и протянула руку за позолоченным картонным Поросенком, которого тетя Флосси подарила Майклу на Рождество.

Раньше Поросенок был наполнен шоколадом, но теперь в нем не осталось ни одной конфеты. Там, где должен был располагаться хвост, зияла большая дыра. На Рождество Майкл его выдернул, чтобы посмотреть, как он крепится. С того дня хвост лежал на камине, и Поросенок обходился без него.

Майкл вцепился в игрушку.

— Нет, Мэри Поппинс! — смело заявил он. — Это мой Поросенок, и я хочу, чтобы он остался со мной.

— Что я сказала? — повысила голос Мэри Поппинс. Ее взгляд был так ужасен, что Майкл сразу отпустил Поросенка.

— Что вы собираетесь с ними делать? — поинтересовался он, так как Мэри Поппинс выстроила животных рядом на шкафу, где хранились игрушки.

— Не задавай ненужных вопросов — и тебе не сойдут, — назидательно заметила она. Ее фартук похрустывал, когда она подходила к книжной полке.

Дети видели, как Мэри Поппинс сняла с полки три их самые любимые книги: «Робинзона Крузо», «Зеленую книгу Сказок» и «Рифмы Матушки Гусыни». Затем она открыла их и поставила перед четырьмя игрушками, отобранными у ребят.

«Неужели она думает, что животные умеют читать?» — удивлялась Джейн про себя.

— А теперь, — важно сказала Мэри Поппинс, направляясь к двери, — закрывайте глаза и спите!

Майкл сел в кровати.

— Но я не хочу спать, Мэри Поппинс! Я хочу посмотреть, как наступит Новый Год!

— Если на горшок смотреть не отрываясь, он никогда не закипит! — напомнила ему пословицу Мэри Поппинс. — Ложись немедленно, и чтобы я не слышала больше ни одного слова!

Затем, громко фыркнув, она выключила свет и захлопнула за собой дверь Детской.

— Я все равно не буду спать и посмотрю, что произойдет, — сказал Майкл, как только дверь закрылась.

— И я, — решительно поддержала его Джейн.

Только Близницы ничего не сказали. Они уже успели заснуть. Не прошло и десяти минут, как голова Майкла склонилась на подушку. А через пятнадцать слиплись глаза у Джейн.

Четыре одеяла из гагачьего пуха поднимались и опускались в такт детскому дыханию. Ничто не нарушало тишины.

— Динг-донг! Динг-донг! Динг-донг! Динг-донг! —
раздался в ночи звон колоколов.

— Динг-донг! Динг-донг! Динг-донг!

С каждой башни, с каждой колокольни лился радостный звон. Эхо разносилось по городу, плыло над Парком, над Вишневой улицей. Колокола звонили и с Севера, и с Юга, и с Востока, и с Запада. Они звонили, били, гремели, грохотали, пели, стучали.

Люди высовывались из окон и трезвонили в колокольчики, которыми в обычные дни созывали на обеды и ужины своих домашних. А те, у кого не было такого колокольчика, выводили трели дверными звонками.

По улице катил тележку Мороженщик и изо всех сил размахивал колокольчиком.

В дальнем конце сада Адмирал Бум бил в корабельный колокол. В Гостиной дома мисс Ларк заливался обеденный колокольчик и громко лаяли собаки.

— Динь-Динь! Дон-дон! Р-р-гав-гав!

Казалось, все колокола в мире вдруг разом зазвонили. Эхо разносило звонкие голоса, сталкивало их, образовывало забавные созвучия и даже мелодии.

Неожиданно все смолкло. И из этой тишины, торжественной и глубокой, родился удар больших часов.

— Бом-м-м! — сказал Биг Бен.

И с этим ударом кончился Старый Год.

В тот же момент что-то зашевелилось в Детской. Затем раздался дробный стук каблуков.

Джейн и Майкл вздрогнули и проснулись.

— Господи! — сказал Майкл, садясь в кровати.

— Батюшки! — ахнула Джейн.

То, что они увидели, было так неожиданно и удивительно, что больше они не смогли произнести ни слова.

На полу стоял Позолоченный Поросенок и с важным видом притоптывал ногами.

Бумс! — с глухим стуком рядом с ним приземлился слон по имени Альфред.

Затем, спрыгнув со шкафа, к ним присоединились Обезьяна Пинни и Синяя Уточка. Вдруг, к удивлению детей, Позолоченный Поросенок заговорил.

— Не будет ли кто-нибудь так добр вставить мой хвостик на место? — спросил он тоненьким голоском.

Майкл вылетел из кровати и бросился к камину.

— Так гораздо лучше, — заметил Поросенок, улыбаясь. — А то мне было в высшей степени неудобно с самого Рождества. Свинья без хвоста, знаете ли, почти так же плохо, как хвост без Свиньи. А теперь, — продолжал он, оглядывая комнату, — все готовы? Надо спешить!

С этими словами он направился к двери. За ним двинулись Слон, Обезьяна и Утка.

— Куда вы собираетесь? — воскликнула Джейн, изумленно таращась на них.

— Идемте с нами — и увидите, — ответил Поросенок.

Молнией дети впрыгнули в свои халаты и шлепанцы. Затем сбежали за игрушками вниз по лестнице и выскочили через Парадную дверь на улицу.

— Сюда! — указал Поросенок, пересекая Вишневую улицу и входя в Парковые ворота.

Пинни и Синяя Уточка, визжа и смеясь, скользнули следом. За ними неуклюже громыхал фланелевыми пятками по тротуару Слон Альфред. Самыми последними шли Джейн с Майклом.

Над деревьями висела круглая белая луна. Ее мерцающие серебристые лучи освещали лужайки и дорожки Парка, по которым разгуливали какие-то непонятные фигуры.

Альфред вскинул фланелевый хобот и нетерпеливо втянул воздух.

— Ха! — воскликнул он удовлетворенно. — Похоже, мы благополучно проникли внутрь!

— Внутрь чего? — не понял Майкл.

— Внутрь Трещины, — сказал Альфред, помахивая ушами.

Дети переглянулись. «Черт возьми, что имел Альфред в виду?»

Однако тут они увидели, что Поросенок манит их к себе золотистым копытцем, и заспешили через лужайку.

— Ой, извините! — пропищали три маленьких существа, выскакивая из-под ног у детей.

— Три Беленькие Мышки*, — объяснил Альфред улыбаясь. — Они всегда путаются под ногами.

— Они убегают от старой Мельничихи? — удивленно воскликнул Майкл.

— Конечно нет! Сегодня они не бегают друг от друга. Наоборот, спешат встретиться. Ведь они внутри Трещины!

— Привет, Альфред! Ты благополучно добрался? — то и дело слышались вокруг приветственные возгласы.

— Да это же старая добрая Пинни!

— Ба! И Синяя Уточка тоже здесь!

— Ура, Ура! Привет, Золотистый Поросенок!

Стойкий Оловянный Солдатык, проходя мимо, отсалютовал Поросенку, а тот помахал в ответ своим золотистым копытцем. Пинни поздоровалась с двумя птичками, которых звали Дженни-желтогрудка и Робин-красношейка

Синяя Уточка что-то назидательно говорила Пасхальному Цыпленку, наполовину вылезшему из яйца. Что касается Альфреда, то он размахивал хоботом во все стороны и громко приветственно трубил.

* Три Беленькие Мышки
Бегут, не чуя ног,
За Мельничихой старой
Вприпрыжку за порог.
Она хвосты отрезала
Им кухонным ножом,
А что случилось дальше,
Я расскажу потом.

— Вам не холодно, моя дорогая? Сегодня довольно свежо! — услышала Джейн позади чей-то голос.

Обернувшись, она увидела бородатого и очень странно одетого человека. На нем были брюки из шкуры горного козла, бобровая шапка, а в руках — большой зонтик из кроличьих хвостов. За ним, держа целую охапку мехов, стояла черная фигура.

— Пятница, — сказал бородатый мужчина, оборачиваясь, — будь любезен, подай этой леди пальто.

— Рад услужить, хозяин!

И огромная чернокожая фигура грациозным движением накинула на плечи Джейн котиковое манто.

Джейн вытаращила глаза.

— Так вы... — начала она и, не закончив, застенчиво улыбнулась.

— Да-да, — подтвердил человек с бородой, кланяясь. — Пожалуйста, называйте меня просто Робинзон! Так делают все мои друзья. «Мистер Крузо» звучит слишком официально.

— Но я думала, вы — в книге! — удивилась Джейн.

— Так и есть, — улыбнулся в ответ Робинзон Крузо. — Но сегодня кто-то любезно оставил книгу открытой. И вот видите — я сбежал!

Джейн вспомнила о том, что перед уходом Мэри Поппинс поставила книгу на шкаф в открытом виде.

— И часто это случается? — поинтересовалась она.

— Увы, не часто! Только в конце года. Трещина —

единственная наша возможность... Но, простите, я должен поговорить с...

И Робинзон Крузо повернулся, чтобы поприветствовать смешного человечка, который шел мимо на заплетающихся тоненьких ногах. Его острая голова была лысой, как яйцо, а шею окутывал длинный шерстяной шарф. Он кивнул Робинзону Крузо и вопросительно уставился на детей.

— Вот это да! — воскликнул Майкл. — Вы так похожи на Шалтая-Болтая!*

— Что?! — сердито взвизгнул человечек. — Как может кто-то быть похожим на самого себя? Я слышал, как о людях говорят, что они не похожи на самих себя, когда они, например, не слушаются или едят слишком много... Но — похожи? Что за ерунда?

— Но — вы целый! — возразил Майкл, таращась на нового знакомого. — Я думал, что Шалтая-Болтая нельзя собрать!

— Кто сказал, что нельзя? — сердито вскричал человечек.

— Но ведь... это... «Ни царские кони, ни царская рать...» — начал Майкл, запинаясь.

* Шалтай-Болтай сидел на стене.
Шалтай-Болтай свалился во сне.
Ни царские кони,
Ни царская рать
Не могут Шалтая-Болтая собрать!

— Подумаешь — кони! Что эта конница вообще может? А королевская рать и того хуже! Только и разбирается, что в лошадях! Сами меня собрать не могут, вот и считают, что никто другой тоже не может!

Не желая перечить сердитому человечку, Джейн и Майкл кивнули.

— Вообще-то, — продолжал между тем Шалтай-Болтай, — Король сам меня собрал... Эй! Правильно я говорю? Последние слова были обращены к толстенькому, кругленькому человечку, который одной рукой придерживал на голове корону, а в другой нес блюдо с пирогом.

— Ой, он так похож на Короля из рассказа Мэри Поппинс! Должно быть, это старый Король по имени Коль! — догадалась Джейн.

— Что я должен подтвердить? — спросил Король, осторожно балансируя блюдом.

— Что собрал меня! — взвизгнул Шалтай-Болтай.

— Конечно, — подтвердил Король. — Взял меда, заперся в гостиной и клеил. Но только на один день. В честь торжества, так сказать... Простите, но я сейчас очень занят. Двадцать две вороны вот-вот начнут каркать, и я должен успеть разрезать пирог.

— Ну, что я вам говорил? — вскричал Шалтай-Болтай. — Как вы смеее утверждать, что я обыкновенное разбитое яйцо!

Он грубо повернулся к ним спиной, и его большая голова с трещиной посередине сердито сверкнула в лунном свете.

— Не спорьте с ним! Это бесполезно, — сказал Альфред. — Он слишком болезненно воспринимает свое падение. Эй! Полегче! Смотрите, куда идете!

Альфред поднял свою огромную ногу, и дети увидели, как Лев с короной на голове метнулся в сторону.

— Извините! — сказал Лев вежливо. — Такая давка сегодня! Кстати, Вы не видели Единорога? Ах, вот он! Эй! Подожди минутку!

И с рычанием Лев внезапно прыгнул на серебристую фигуру, пробегающую мимо.

— Ой, держите его! Держите! — закричала Джейн. — Он будет гонять Единорога, пока люди не прогонят их за порог!

— Только не сегодня, — успокоил ее Альфред. — Смотри!

В следующий момент Джейн и Майкл в изумлении вытаращили глаза, так как увидели, что Лев поклонился Единорогу*. Затем он снял с головы Золотую Корону.

— Теперь твоя очередь носить ее, — сказал Лев вежливо. После этого они обнялись и, пританцовывая, двинулись вперед.

* Герои стихотворения из сборника «Рифмы Матушки Гусыни»

Сражались за корону
Единорог и Лев.
Лев гнал Единорога,
Весьма расвирепев.
Им люди хлеб бросали
И сливовый пирог,
Но к вечеру обоих
Прогнали за порог.

— Как дети? Хорошо ведут себя сегодня? — спросил Единорог у сухонькой старушки, проходящей мимо.

Она тянула за собой огромный Башмак, полный смеющихся мальчиков и девочек*.

— Просто чудесно! — весело ответила Старушка. — Сегодня я ни разу не использовала розгу! Жоржик-Коржик** помогает девочкам. Они требуют, чтобы их целовали. А что касается мальчиков, то они совсем сегодня не шалят. Смотри, как Красная Шапочка ласково разговаривает с Волком! Она пытается его научить просить ужин. Крошечка Лесли***, держись крепче!

*

Жила-была Старушка
В дырявом башмаке.
У ней детишек было,
Что пескарей в реке.
Она им всем давала
Похлебки похлебать,
Потом порола розгой
И отправляла спать.

**

Жоржик-коржик — пирожок
Убегает со всех ног.
А девчонки и кричат,
И грозятся, и вопят:
— Вот невежа! Вот нахал!
Взял да вдруг поцеловал!

Крошечка Лесли
Сидела на кресле
И яблочный ела пирог.
Но сзади к ней вдруг
Подкрался паук —
И Лесли скорей наутек!

Старушка погрозила пальцем маленькой белокурой девочке, сидящей на заднике Башмака. Девочка была поглощена разговором с большим черным Пауком; а когда Башмак прогромыхал мимо, она протянула руку и нежно погладила мохнатую лапу.

— Но почему она не убегает? — воскликнул Майкл. — Она даже не напугана!

— Потому что мы находимся в Трещине, — снова сказал Альфред.

Джейн и Майкл во все глаза смотрели на Красную Шапочку и Крошечку Лесли. И как только они не боятся Волка и этого огромного черного Паука!

Внезапно мимо них проскользнуло что-то белое и невесомое. Дети обернулись и увидели стройную девушку, которая зевала, изящно прикрываясь рукой.

— Все спишь, Красотка? — протрубил Альфред, обвивая хоботом ее талию.

Девушка облокотилась о хобот и проговорила:

— Я спала, но Первый Удар, к счастью, разбудил меня!

После этих слов Майкл не сдержался.

— Ничего не понимаю! — громко воскликнул он. — Все сегодня вверх тормашками! Почему Крошечка Лесли не боится Паука, а Единорог не убегает от Льва?

— Альфред уже говорил тебе, — напомнила Спящая Красавица. — Мы все находимся в Трещине.

— В какой Трещине? — не понял Майкл.

— В Трещине между Старым и Новым годом. Старый Год умирает с первым ударом Полночи, а Новый рождается только с последним. А между ними — пока звучат десять остальных ударов — Трещина.

— Ну и что? — спросила Джейн, явно желая узнать побольше о таинственной Трещине.

Спящая Красавица очаровательно зевнула и улыбнулась детям.

— Внутри Трещины все вещи как одна. Извечные враги встречаются здесь и радуются этой встрече. Волк и Ягненок гуляют вместе, Голубь и Змея делят одно гнездо. Звезды опускаются вниз и касаются земли, все прощают друг друга. Встречаются день и ночь, Северный и Южный полюса. Восток переходит в Запад, круг замыкается. Это единственное время и единственное место, где все живут долго и счастливо. Взгляните! — Спящая Красавица взмахнула рукой.

Джейн и Майкл посмотрели, куда она указывала, и увидели трех Медведей, неуклюже прыгающих вокруг маленькой девочки с яркими волосами.

— Золотая Кудряшка*, — объяснила Спящая Краса-

* Английская народная сказка, в русском переводе известная как «Три медведя». В отличие от русской сказки (пересказанной Л. Толстым) в английской сказке медведи съедают непослушную девочку, которая вопреки предостережениям родителей отправилась в лес.

вица. — Цела и невредима! Добрый вечер, Панч! Как дела, Джуди?*

Она помахала паре длинноносых кукол, которые прогуливались рука об руку.

— Сегодня это любящая пара. И все оттого, что они внутри Трещины. Смотрите!

На этот раз она указала на огромную фигуру, идущую по лужайке. Огромные ноги Великана сотрясали землю, а ростом он был как самые высокие деревья в Парке. На одном плече у него покачивалась огромная дубина, а на другом сидел смеющийся мальчик и щипал великана за ухо.

— Это Джек-Победитель-Великанов** со своим Великаном. Сегодня они лучшие друзья.

Спящая Красавица посмотрела вверх и улыбнулась.

— А вот, наконец, и Ведьмы!

Над головами детей раздалось жужжанье, и несколько старух с маленькими, блестящими, словно бусинки, глазка-

*

Панч подрался с Джуди
Из-за пирогов.
Панч отвесил Джуди
Сорок тумачков.
— Хочешь пирожочка? —
После говорит.
Джуди отвечает:
— Ой, живот болит!

** Герой английской народной сказки.

ми промчались по воздуху на метлах. Раздались приветствия, и скоро ведьмы тоже присоединились к разношерстной толпе. Все бросились пожимать им руки, а старухи при этом довольно хихикали.

— Никто не боится их сегодня. Они счастливы вместе со всеми! — тихий голос Спящей Красавицы звучал, как колыбельная. Она обняла детей, и так они стояли втроем, наблюдая за проходящими мимо фигурами. Заяц и Черепаха* танцевали вместе, Дама и Валет червей** обнимались, а Красавица держала за руку Чудовище***. Лужайки блистали, воздух звенел от голосов, когда Короли и Принцессы, Герои и Ведьмы приветствовали друг друга в Трещине между годами.

— Дайте дорогу! Дайте дорогу! Позвольте! — раздался звонкий высокий голос, и в отдалении дети увиде-

* Известная сказка, повествующая о том, как Заяц и Черепаха состязались в беге.

**

Дама червей
Пекла карасей,
Гостей пригласив на обед.
Но тех карасей
У дамы червей
Похитил червовый Валет.
Король червей —
Любил карасей —
Злодея велел изловить.
Придворный лакей
Нашел карасей,
А вора решили казнить.

*** Знаменитая сказка «Красавица и Чудовище», известная русскому читателю в обработке С. Т. Аксакова как «Аленький цветочек».

ли Золотистого Поросенка. Он пробирался сквозь толпу, махая своим золотистым копытцем.

— Дайте дорогу! Дайте дорогу! — важно кричал он, и толпа почтительно кланялась и расступалась.

За Поросенком шел еще кто-то, показавшийся детям удивительно знакомым. Шляпка с бантом... ярко-синее пальто с серебряными пуговицами... вздернутый, как у Датской Куклы, нос... пронзительно-синие глаза, напоминающие рисунок на Китайском фарфоре...

Она бодро шагала по дорожке за Золотистым Поросенком, а воздух сотрясали приветственные крики. Вверх летели шляпы и кепки, короны и венки. Даже луна, казалось, стала ярче.

— Но почему она здесь? — удивилась Джейн. — Ведь Мэри Поппинс — не сказка!

— Она намного лучше! — преданно воскликнул Альфред. — Она — сказка, ставшая правдой. А кроме того, — прогромыхал он, — она Гость вечера! Это она оставила книги открытыми!

Отвечая на приветствия, Мэри Поппинс кланялась направо и налево. Затем она прошла в центр лужайки и, открыв черную сумочку, достала оттуда концертино*.

— Выбирайте партнеров! — закричал Золотистый Поросенок, вынимая из кармана флейту.

Услышав это, все повернулись лицом к своему соседу. В то же мгновение флейта заиграла веселый танец.

* Разновидность маленькой гармонки.

Концертино и Двадцать Две Вороны подхватили мотив, а Белая Кошка нежно подыгрывала на скрипке.

— Тили-бом! Тили-бом!..

— Неужели это моя кошка? — удивился Майкл, всматриваясь в узор из цветов и листьев на ее фарфоровых боках. Однако определить это он так и не успел, так как его внимание привлек Альфред.

Серый фланелевый Слон неуклюже прошествовал мимо, счастливо трубя своим хоботом, словно это был не хобот, а большая медная труба.

— Разрешите пригласить, моя дорогая юная Леди! — поклонился он, подойдя к Спящей Красавице. Девушка протянула руку, и они, кружась в танце, умчались прочь. Альфред изо всех сил старался не наступать ей на ноги, а Спящая Красавица старалась раньше времени не заснуть.

Каждый из присутствующих нашел себе партнера.

— Поцелуй меня! Поцелуй меня! — кричали несколько девочек, обнимая толстого школьника.

— Не стой на дороге, — недовольно бросила старая Мельничиха, проносясь мимо с Тремя Беленькими Мышками. Толстый мальчик и смеющиеся девочки нырнули в толпу.

— И раз, и два, подскок — поворот! Вот как надо! — Красная Шапочка, держа Волка за лапу, учила его танцевать. Волк очень стеснялся и старался все делать так, как ему говорили.

Джейн и Майкл едва верили своим глазам. Но долго

удивляться им не пришлось, так как совсем рядом вдруг раздался дружелюбный голос:

— Вы танцуете? — весело спросил Робинзон Крузо и, взяв Джейн за руку, закружил в танце.

Майкл танцевал с Пятницей.

— А это кто? — спросила Джейн, когда мимо них пропрыгала Синяя Уточка в обнимку с большим серым гусем.

— Это Гусак, доверенное лицо самой Матушки Гусыни!*

— ответил Робинзон Крузо. — А вон и Пинни с Золушкой!

Джейн оглянулась. И действительно, неподалеку кружились Золушка и их старенькая тряпичная обезьянка.

Танцевали все. Никто не был одинок, никто не остался в стороне. Герои всех когда-либо рассказанных сказок толпились на широкой лужайке, радостно обнимая друг друга.

— Джейн, ты счастлива? — крикнул Майкл, когда проносился с Пятницей галопом мимо.

*

Матушка Гусыня по полю гуляла,
Матушка Гусыня перья потеряла.
Соберем мы перья, соберем в корзины
И сошьем подушки! И сошьем перины!

Ах, как Матушка Гусыня
Весело гуляет!
Оседляет Гусака
И на нем летает!

— Как никогда! — улыбаясь, крикнула она в ответ. И это была чистая правда.

Музыка заиграла быстрее. Звуки метались меж ветвей деревьев, перемешиваясь с далеким боем часов. Мэри Поппинс, Поросенок и Кошка пританцовывали на месте, продолжая играть на музыкальных инструментах. Двадцать Две Вороны без усталости распевали веселые песенки. Сказочные персонажи кружились вокруг детей; и дети слышали их голоса, их радостный смех...

— Долго и счастливо! — кричали все, кто находился в Парке.

— Что это? — воскликнула Джейн, так как сквозь крики и музыку до нее донесся бой часов.

— Время почти кончилось! — объяснил Робинзон Крузо. — Это уже Шестой Удар!

Они остановились и прислушались.

Семь! Звон колокола слился со сказочной музыкой, которая, словно золотая сеть, окутала собой Парк и лужайку.

— Восемь! — сказал отдаленный удар. И танцующие фигуры, казалось, заскользили по траве еще мягче.

Девять! Теперь танцевали даже деревья, склоняя ветви в такт музыке.

Десять! Лев и Единорог, Волк и Ягненок! Друг и Враг! Темнота и Свет!

Одиннадцать! О, быстротечные мгновенья! О, крылатое время! Как коротко пространство между годами! Будем же веселы! Давайте жить долго и счастливо!

Двенадцать!

Часы ударили громко и торжественно.

— Двенадцать! — хором закричали все, и тут же сказочные персонажи один за другим полетели прочь.

Джек со своим Великаном, Панч и Джуди, Паук с Крошечкой Лесли, Шалтай-Болтай на своих тоненьких ножках... Лев, Единорог, Золотая Кудряшка, Красная Шапочка и Три Беленькие Мышки — все слились в один сплошной поток и, казалось, медленно таяли в лунном свете...

Исчезли Золушка и Ведьмы, Спящая Красавица и Белая Кошка... Робинзон Крузо и Пятница...

Сказочная музыка замерла вдали, потонув в величественном звоне колоколов. Он доносился с каждой башни, с каждой колокольни Лондона. Собор Святого Павла... Биг Бен... Старый Бейли... Саутуорк... Святой Мартин... Вестминстер... Боу...*

Но один колокол звучал громче других, звонко и настойчиво.

— Динь-динь-динь-динь! — его голос чем-то неуловимо отличался от Новогодних колоколов, казался более знакомым, более домашним.

— Динь-динь-динь-динь! — ласково звал он, смешиваясь с эхом знакомого голоса.

— Кто хочет сдобные булочки? — требовательно спрашивал голос.

* Лондонские соборы и церкви.

Джейн и Майкл открыли глаза, сели и с изумлением огляделись. Они были в своих постелях, под пуховыми одеялами.

Рядом, в кроватках, спали Джон и Барбара. В камине весело сверкал огонь, а в окно Детской лился мягкий утренний свет.

— Динь-динь-динь! — доносился с улицы звон колокольчика.

— Я сказала, кто хочет сдобные булочки? Вы что, оглохли? Булочник ждет на улице.

Ошибки не было. Голос принадлежал Мэри Поппинс, и звучал он очень нетерпеливо.

— Я хочу! — поспешно сказал Майкл.

— И я! — воскликнула Джейн.

Мэри Поппинс фыркнула.

— Тогда почему не сказать об этом сразу!

Она подошла к окну и помахала рукой, подзывая Булочника.

Внизу со скрипом открылись ворота, и Булочник, пробежав по садовой дорожке, постучал в заднюю дверь. Он был уверен в заказе из Семнадцатого Номера, так как вся семья Бэнксов была явно равнодушна к сдобным булочкам.

Мэри Поппинс отошла от окна и подбросила в камин пару поленьев. Некоторое время Майкл сонно смотрел на нее. Затем почесал за ухом и почувствовал, что окончательно проснулся.

— Послушайте! — вскричал он. — Я хочу своего Золотистого Поросятка! Где он, Мэри Поппинс?

— Да! — поддержала Джейн. — Я тоже хочу получить своего Альфреда! И Синюю Уточку! И Пинни! Где они?

— На шкафу! Где им еще быть? — сердито ответила Мэри Поппинс.

Дети посмотрели вверх. Все четыре игрушки стояли рядышком — так, как их оставила Мэри Поппинс. Перед ними лежали три книги: «Робинзон Крузо», «Зеленая книга сказок» и «Рифмы Матушки Гусыни». Однако они не были открыты, как прошлым вечером. Они лежали стопкой — одна на другой.

— Но как они вернулись из Парка? — удивился Майкл.

— И где флейта Поросятка? — подхватила Джейн. — И ваше концертино?

Теперь настала очередь Мэри Поппинс вытаращить глаза.

— Мое — что? — спросила она, сверля их взглядом.

— Ваше концертино, Мэри Поппинс! На котором вы играли прошлой ночью в Парке!

Мэри Поппинс отошла от камина и приблизилась к Джейн.

— Будь добра, повтори, что ты сказала! — произнесла она спокойно, но от этого спокойствия холодок бежал по спине. — Правильно ли я поняла, Джейн Бэнкс, что ты утверждаешь, будто я прошлой ночью была в Парке и играла на... музыкальном инструменте?

— Но это правда! — возмутился Майкл. — Мы все

там были! Вы, игрушки, Джейн и я! Мы танцевали с героями сказок в Трещине!

Мэри Поппинс смотрела на них так, словно не верила собственным ушам. Ее взгляд был просто ужасен.

— Сказки?! В Трещине?! Ну и ну! Если я услышу еще Хоть Одно Слово, вы будете танцевать в ванной! И дверь будет заперта, это я вам обещаю! Трещина! Подумать только! Совсем с ума сошли!

Она сердито повернулась и, хлопнув дверью, пошла вниз по лестнице.

Майкл молчал с минуту, обдумывая что-то.

— Забавно, — пробормотал он наконец. — Я думал, что это на самом деле. Выходит, мне все приснилось.

Джейн не ответила. Вместо этого она вдруг стрелой вылетела из постели и придвинула стул к шкафу. Затем быстро вскарабкалась на него, схватила игрушки и побежала к Майклу.

— Пощупай их ноги! — взволнованно прошептала она.

Майкл протянул руку и по очереди потрогал ноги Поросенка, Альфреда, Уточки и Пинни.

— Они мокрые! — с удивлением воскликнул он.

Джейн кивнула.

— А вот еще! — и она, достав из-под кровати шлепанцы, показала их Майклу, затем, открыв коробку, вынула из нее башмаки Мэри Поппинс.

Шлепанцы были насквозь мокры, а на подошвы баш-

маков Мэри Поппинс налипли мокрые травинки, что бывает только в том случае, если вы и вправду всю ночь протанцевали в Парке.

Майкл взглянул на Джейн и засмеялся.

— Значит, это был не сон! — произнес он счастливо.

Джейн покачала головой и улыбнулась.

Так они сидели на кровати Майкла, понимающе кивая друг другу, и в их взглядах было то, что нельзя выразить словами.

Скоро в Детскую вошла Мэри Поппинс с тарелкой булочек. Все еще держа в руках башмаки и шлепанцы, дети посмотрели на нее. Их глаза встретились. И это был взгляд взаимопонимания и доброты.

Без сомнения, она знала, что они догадались.

— Сегодня Новый Год, Мэри Поппинс? — спросил после долгой паузы Майкл.

— Да, — ответила она спокойно, ставя тарелку на стол.

Майкл мечтательно посмотрел на нее. Он думал о Трещине между Годами.

— И мы тоже будем, Мэри Поппинс? — невольно вырвалось у него.

— Что «будем»? — фыркнула она, не поняв вопроса.

— Жить долго и счастливо? — объяснил он поспешно.

Улыбка, полупечальная, полунежная, на мгновение появилась в уголках ее губ.

— Может быть,— сказала она задумчиво.— Все за-
висит...

— От чего, Мэри Поппинс?

— От вас,— тихо сказала она и понесла тарелку с
булочками к камину...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ДРУГАЯ ДВЕРЬ

Было холодное, хмурое утро — такое, что казалось в самую пору пускаться в пляс вокруг Сливы*

* Каждое четверостишие должно сопровождаться «показом» того, о чем рассказывается:

Так мы пляшем возле сливы,
Возле сливы, возле сливы,
Так мы пляшем возле сливы
Хмурым и холодным днем.
А вот так мы моем руки,
Моем руки, моем руки,
А вот так мы моем руки
Хмурым и холодным днем.
Так стираем мы одежду,
Мы одежду, мы одежду,

Так стираем мы одежду
Хмурым и холодным днем.
А вот так мы ходим в школу,
Ходим в школу, ходим в школу,
А вот так мы ходим в школу
Хмурым и холодным днем.
А вот так идем из школы,
Мы из школы, мы из школы,
А вот так идем из школы
Хмурым и холодным днем.

Бледный серый свет, словно туман, окутывал Вишневые деревья и дома на улице. Ветер, дувший со стороны Парка, кружил по улице и жалобно выл, залетая во дворы и садики.

— Брррррр! — недовольно проворчал Дом № 17. — Что этот Ветер о себе воображает? Завывает, носится вокруг, словно приведение! Эй! Прекрати сейчас же! Меня от твоих воплей в дрожь бросает!

— Вьюю! Вьюю! Чем бы заняться? — не унимался Ветер.

Из недр дома донесся скребущий звук. Это Робертсон Эй выгребал из каминов золу и подкладывал свежие дрова.

— Вот это то, что нужно! — одобрительно крикнул Дом № 17, когда Мэри Поппинс затопила камин в Детской. — Хоть немного согрею свои старые кости. А этот нудный Ветер снова возвращается! И чего ему только здесь надо!

— Вью-ю-ю! Вью-ю-ю! — завывал ветер в ветвях старых Вишен. — Когда это произойдет? Когда?

Огонь в камине с треском взметнулся вверх. Яркие языки пламени плясали на дровах, отчетливо отражаясь в оконном стекле. Внизу Робертсон Эй оперся о щетку, отдыхая от трудов праведных... А в Детской, как всегда, сутилась Мэри Поппинс, проветривая одежду и готовя детям завтрак.

Джейн проснулась раньше всех: ее разбудил вой ветра. Сидя на подоконнике, она вдыхала изумительный за-

пах тостов и наблюдала за своим отражением в оконном стекле. Отражение было таким четким, что казалось, будто там, в саду, есть другая Детская, полностью сделанная из света. Один камин был у Джейн за спиной, а другой мерцал на улице. Еще одна лошадь-качалка нетерпеливо вскидывала за стеклом пеструю голову, и еще одна Джейн сидела, улыбаясь, по другую сторону окна. Джейн подышала на стекло и нарисовала на запотевшем окне рожицу. Отражение сделало то же самое. Оно было прозрачным, и Джейн видела за своим улыбающимся лицом голые ветви Вишен и стену соседнего дома, в котором жила Мисс Ларк.

Вскоре в передней хлопнула дверь. Это мистер Бэнкс ушел в Сити. Миссис Бэнкс пошла в гостиную разбирать почту. Внизу, на кухне, миссис Брилл ела на завтрак копченую рыбу. Элен снова простудилась и громко сморкалась в платок. В Детской потрескивал огонь и чуть похрустывал передник Мэри Поппинс. В целом (если не принимать во внимание ветер, ревуший на улице), это было довольно мирное утро. Но оставалось оно таким недолго. Из Детской Спальни в Детскую неожиданно вошел Майкл и остановился в дверях. Одет он был в пижаму. Он сонно уставился на Мэри Поппинс и с минуту оценивающе глядел на нее.

— А-а, — разочарованно протянул он наконец и протер глаза.

— Ну и что с тобой случилось? — поинтересовалась Мэри Поппинс. — Потерял шестипенсовик, а нашел только пенни?

Он отрицательно покачал головой.

— Мне приснилось, что вы превратились в прекрасную принцессу. А вы такая же, как и всегда!

Мэри Поппинс вскинула голову.

— Прекрасный тот, кто прекрасно поступает! — фыркнула она высокомерно. — Я и так вполне довольна собой!

Он подбежал к ней.

— Я тоже доволен вами, Мэри Поппинс! — сказал он заискивающе. — Я только думал, что если сон станет правдой, то это будет... э-э-э... приятная неожиданность!

— Неожиданность! — фыркнула Мэри Поппинс. — Очень скоро у тебя она будет, это я обещаю.

Майкл тревожно посмотрел на нее. Интересно, что она имела в виду?

— Я пошутил, Мэри Поппинс! Я не хочу никаких неожиданностей! Я хочу, чтобы вы были такой, какая вы есть! Всегда!

Ему вдруг показалось, что принцессы были очень глупыми существами и ему совсем нечего сказать в их пользу.

— Гм! — сердито хмыкнула Мэри Поппинс, ставя тарелку с тостами на стол. — Ничто не длится вечно! — заметила она.

— Кроме вас! — доверительно возразил Майкл, озорно улыбаясь.

Она как-то странно посмотрела на него. Но Майкл не заметил этого. Он покосился на Джейн и вскарабкался рядом с ней на подоконник.

Подышав на стекло, он тоже принялся рисовать.

— Смотри! — сказал он гордо. — Я рисую корабль. А снаружи другой Майкл рисует точно такой же!

— Угу, — промычала Джейн, вглядываясь в свое собственное отражение. Затем вдруг повернулась и спросила у Мэри Поппинс:

— Мэри Поппинс, какая я настоящая? Та, что здесь, или что там?

Держа в руках тарелку овсянки, Мэри Поппинс подошла к окну. Передник ее тихонько похрустывал, а из тарелок поднимался густой пар. Некоторое время она молча смотрела на свое собственное отражение, улыбаясь удовлетворенной улыбкой.

Наконец фыркнула:

— Это что, загадка?

— Нет, Мэри Поппинс, я действительно хочу это знать.

Несколько мгновений детям казалось, что она собирается им что-то сказать. Но, видимо, это им только показалось, так как в следующую минуту Мэри Поппинс, вскинув голову, отвернулась к столу.

— Я не знаю, как вы, — произнесла она с достоинством, — но я настоящая везде, где бы ни находилась! Одевайся, Майкл! Джейн, иди завтракать!

После завтрака они сидели на полу и строили замок из маленьких деревянных кирпичей. О своих отражениях они совершенно забыли. А если бы и не забыли, то все равно их не увидели бы. Огонь в камине к тому времени успокоился, и отражения не были видны.

— Хорошо! — сказал Дом № 17, плотнее прижимаясь к земле. Тепло от натопленного камина согрело его, и он почувствовал себя намного лучше.

А Мэри Поппинс суетилась по дому. Сегодня она казалась еще более деловитой, чем обычно. Она перебирала одежду в шкафу, приводила в порядок ящики, пришивала оторванные пуговицы, чинила носки. Она постелила на полки свежую бумагу, отпустила подолы на платьях Барбары и Джейн, пришила новые тесемки к шапкам Джона и Майкла. Она собрала старую одежду Аннабелы и увязала ее в узел, чтобы отдать затем миссис Брилл для дочки ее племянницы. Она протерла шкафы, разобрала игрушки, расставила книги на полках.

— О Боже! У меня от этого голова кругом идет! — прошептал Майкл.

Но Джейн ничего не ответила. Она пристально смотрела на Мэри Поппинс, и какая-то мысль, которую Джейн никак не могла удержать, какое-то воспоминание крутилось у нее в голове.

Все утро на трубе соседнего дома сидел Скворец и выводил трели. Время от времени он стремительно пересекал сад и озабоченно поглядывал через окно на Мэри Поппинс. А ветер, завывая и плача, кружился вокруг дома...

Минуло несколько часов, подошло время ленча. А Мэри Поппинс все носилась, словно маленький смерч, по Детской. Она поставила в банку из-под джема букет нарциссов, поправила мебель и вытряхнула занавески. Дети чув-

ствовали, как сотрясается Детская от ее кипучей деятельности.

— Неужели она никогда не остановится! — пожаловался Майкл, пристраивая к замку еще одну комнату.

И, словно услышав его слова, Мэри Поппинс вдруг застыла на месте.

— Ну вот! — сказала она, оглядев свою работу. — Как с иголки! Надеюсь, все так и останется!

Затем она сняла с вешалки свое синее пальто и старательно вычистила его щеткой. Протерев пуговицы шерстяным лоскутком, она приколотла к воротнику брошь из Морской Звезды и принялась наводить порядок на своей шляпке. Скоро все маргаритки были выпрямлены и стояли, как солдаты на посту. Вслед за этим Мэри Поппинс сняла белый накрахмаленный передник и повязала вокруг талии пояс из змеиной кожи, на котором красовалась надпись:

«В ПАМЯТЬ О ЗООПАРКЕ».

— Вы очень давно его не надевали, — заметил Майкл, с интересом наблюдая за ней.

— Берегу до лучших времен, — фыркнула Мэри Поппинс и поправила пояс.

Взяв из угла свой зонтик, она натерла ручку в форме головы попугая воском, чтобы та лучше блестела, затем подошла к каминной полке и сунула в карман лежавшую там рулетку.

Джейн быстро подняла голову. Отчего-то ей вдруг стало беспокойно.

— Почему вы забираете рулетку, Мэри Поппинс? На каминной полке она в полной безопасности!

Последовала пауза. Казалось, Мэри Поппинс думает над тем, что ответить.

— На то есть свои причины! — фыркнула она наконец.

— Но она всегда была на камине, с тех самых пор, как вы вернулись!

— Это вовсе не значит, что она будет там всегда! Что хорошо для понедельника, совершенно не подходит для пятницы, — назидательно заметила Мэри Поппинс.

Джейн отвернулась. Отчего ей так беспокойно? Почему вдруг защемило сердце?

— Мне одиноко, — шепнула она Майклу.

— Как тебе может быть одиноко, если я здесь! — удивился Майкл, кладя последний кирпичик на крышу замка.

— Это другое одиночество. Я чувствую себя так, словно вот-вот что-то потеряю.

— Может, это зуб? — заинтересовался Майкл. — Попробуй, вдруг он качается!

Джейн отрицательно мотнула головой. Нет, это явно был не зуб.

— Одного кирпича не хватает! — вздохнул Майкл. — Есть все, кроме трубы!

Мэри Поппинс мягко пересекла комнату.

— Вот. Это подойдет, — сказала она. И, наклонившись, поставила туда, где должна была находиться труба, одну костяшку от домино.

— Ура! Теперь все закончено! — с восторгом глядя на Мэри Поппинс снизу вверх, воскликнул Майкл и вдруг... он увидел, что она ставит рядом с ним всю коробку. Отчего-то и ему стало беспокойно.

— Хотите сказать, — пролепетал Майкл, — ...что я могу взять домино себе?

Он всегда хотел заполучить домино. Но раньше Мэри Поппинс не позволяла ему даже дотрагиваться до своих вещей. Что произошло? Это было так непохоже на нее! И вдруг, когда она утвердительно кивнула, Майкл тоже, как и Джейн, почувствовал боль одиночества.

— Ой! — захныкал он. — Что случилось, Мэри Поппинс? Что-то не так?

Ее глаза сердито сверкнули.

— Что-то не так? Я делаю им прекрасный подарок, и вот какую благодарность получаю взамен! Подумать только! Ну хорошо, в следующий раз я буду лучше думать, прежде чем что-нибудь подарить!

Майкл бросился к ней и схватил ее за руку.

— Ой, Мэри Поппинс, я не это хотел сказать! Спасибо большое за подарок. Просто это было так неожиданно, так...

— Необдуманные поступки рано или поздно приводят к беде! Запомни мои слова! — фыркнула она. — А теперь возьмите свои шапки. Мы идем на прогулку к Качелям.

При виде знакомого сердитого взгляда их беспокойство растаяло. Ребята бросились собираться, вопя, смеясь и сбивая на бегу только что построенный замок.

Весеннее солнце светило над Парком, когда они шли по улице. На старых Вишнях начали распускаться первые листочки, и казалось, что деревья окутаны нежно-зеленым дымом. Пахло примулой. Раздавался веселый щебет: это птицы репетировали Большой Летний концерт.

— Давай наперегонки! До качелей! — крикнул Майкл.

— Они будут только наши! — отозвалась Джейн, так как на площадке, где стояло пять качелей, не было ни души.

Через минуту все расселись по местам. У Джейн, Майкла, Джона и Барбары — были отдельные качели, а Аннабела села на одни качели с Мэри Поппинс.

— Раз, два, три! — завопил Майкл, и качели понеслись вперед... Выше, выше, выше... Детям казалось, что они, будто птицы, летят по залитому весенним солнцем небу. Вверх! Вниз! Вверх! Вниз! Деревья тянули к ним свои ветви, крыши домов кивали и кланялись.

— Я лечу! — счастливо закричала Джейн, когда земля в очередной раз сделала кувырок где-то у нее под ногами. Оглянувшись на Майкла, она увидела, что он тоже летит и его волосы развеваются на ветру. Близнецы повизгивали от восторга, как мышки. Рядом, с величавым видом, летала взад-вперед Мэри Поппинс. Одной рукой

она придерживала Аннабелу, а другой зонтик с ручкой в форме головы попугая. Ее глаза светились таинственным светом. Они были синие-синие и, казалось, глядя поверх деревьев и домов, морей и гор, она видит то, что не дано видеть никому.

День растаял, и на Парк опустились сумерки, но Джейн с Майклом не обращали на это внимания. Словно во сне, они вместе с Мэри Поппинс летали между небом и землей, и этому чудесному сну не было, казалось, конца.

Но все когда-нибудь кончается. Солнце село, и качели остановились.

— Пора домой, — сказала Мэри Поппинс, ставя ноги на землю. Голос ее был строгим, но не таким, как обычно, и дети не стали протестовать и требовать, чтобы им позволили покататься еще. Коляска издала знакомый скрип и покатилась вперед.

Джейн с Майклом тихо шли рядом. Над Парком догорали последние лучи солнца. Земля все еще качалась под ногами ребят. Они были счастливы и необычайно молчаливы.

— Скрип-скрип! — катила коляска по тропинке.

— Чок-чок! — стучали туфли Мэри Поппинс.

Майкл посмотрел вверх, на последние лучи солнца, играющие на желто-зеленых листочках Вишневых деревьев.

— Наверное, — мечтательно сказал он, поворачиваясь к Джейн, — здесь побывала Нелли-Рубина.

— Да, я такая! Сегодня — здесь, завтра — там! — раздался внезапно звонкий голос.

Дети обернулись и увидели Нелли-Рубину, катящуюся на плоском деревянном диске. За ней маячила фигура дядюшки Доджера.

— Ох, ну и набегалась я! — воскликнула Нелли-Рубина. — Где я только вас не искала! Как у вас дела? Надеюсь, все хорошо. Я хотела увидеть вас, дорогая мисс Поппинс, чтобы...

— Да-да, — нетерпеливо перебил дядюшка Доджер, — мы хотели пожелать вам счастливого...

— Дядюшка Доджер! — строго оборвала его Нелли-Рубина.

— Прошу прощения! Пардон, моя дорогая! — смущенно забормотал дядюшка.

— Вот. Небольшой подарок на память, — продолжила Нелли-Рубина. Протянув свою деревянную руку, она дала Мэри Поппинс какой-то маленький белый предмет.

Дети подбежали ближе, чтобы лучше разглядеть подарок.

— Это же конфета-разговорчик! — воскликнул Майкл.

Джейн вгляделась в буквы. «Прощай, Мэри Поппинс!» — прочитала она.

— Значит, вы улетаете, Нелли-Рубина?

— Да! Сегодня ночью! — Нелли-Рубина звонко рассмеялась и посмотрела на Мэри Поппинс.

— Вы можете съесть ее по дороге, мисс Поппинс! — вставил дядюшка.

— Дядюшка Доджер! — повысила голос Нелли-Рубина.

— О, Господи! Снова невпопад! Я слишком стар, вот в чем дело, моя дорогая. Пардон! Еще раз пардон!

— Очень мило с вашей стороны, — ответила Мэри Поппинс. По едва заметной улыбке было видно, что она польщена. Сунув конфетку в карман, она покатила коляску дальше.

— О, подождите минутку, Мэри Поппинс! — донесся откуда-то сбоку задыхающийся голос. Дети обернулись на стук шагов.

— Это же мистер Навыворот с мисс Тартлет! — воскликнул Майкл, увидев прямо перед собой высокого худощавого мужчину и упитанную женщину среднего роста.

— Теперь мы называем себя мистер и миссис Шиворот-Навыворот! Нам кажется, что так звучит намного лучше.

Мистер Навыворот посмотрел на детей сверху вниз сквозь очки, а его жена пожала всем руки.

— Ну, Мэри, — продолжил Мистер Навыворот, — до свидания. — Мы зашли только на минутку — попрощаться.

— Надеемся, что разлука будет недолгой, — добавила миссис Навыворот, счастливо улыбаясь.

— Спасибо, что пришли, кузен Артур! И вам тоже спасибо, миссис Тартлет, — сказала Мэри Поппинс, пожимая обоим руки.

— Что значит «попрощаться»? — спросила Джейн и то ли от того, что вокруг было темно, то ли от чего-то еще, покрепче прижалась к Мэри Поппинс.

— Это значит то, что значит! — раздался пронзительный голосок, и чья-то фигура вынырнула из темноты. — До свидания — значит «до свидания». А недолгая разлука — значит то, что разлука «короткая», чего о вас не скажешь, долговязые жирафы!

На дорожке перед детьми стояла миссис Корри, одетая в плащ, покрытый блестящими монетами. За ней, словно пара мрачных великанов, возвышались ее дочери — Фанни и Анни.

— А вот и мы! — пронзительно завопила миссис Корри и улыбнулась детям. — Гм! А они быстро растут, не так ли, Мэри Поппинс? Кажется, очень скоро вы им уже будете не нужны.

Мэри Поппинс кивнула, но Майкл с криком протеста бросился к ней.

— Она всегда будет нам нужна! Всегда! — кричал он, крепко обнимая Мэри Поппинс за талию.

Взгляд Мэри Поппинс стал похож на взгляд рассерженной пантеры.

— Вы что, собрались переломать мне все кости, Майкл Бэнкс?

— Я только хотела перекинуться с вами словечком, — пропищала миссис Корри. — Всего одним. А если что-то

надо сказать, то лучше это сделать скорее, как я в свое время советовала Соломону, когда он устроил такую су-ету вокруг Царицы Савской.

Миссис Корри взглянула на Мэри Поппинс, а затем мягко добавила:

— До свидания, моя дорогая!

— Как, вы тоже уезжаете? — спросил Майкл, уставившись на миссис Корри.

Она хихикнула.

— Гм... Вроде того. Когда кто-то уезжает, то для него уезжают все... Ну-ка, Фанни, Анни! — она огляделась. — Куда вы, бестолковые жирафы, дели подарки?

— Вот они, мама! — поспешно ответили сестры. И огромные руки уронили в ладонь Мэри Поппинс два крошечных имбирных пряника. Один был в форме сердца, а другой — в форме звезды.

Мэри Поппинс восхищенно ахнула.

— Ой, миссис Корри! Какой сюрприз! Благодарю вас.

— Не за что. Просто маленький сувенир.

Миссис Корри помахала рукой, и ее ноги, обутые в старомодные туфли, засеменили рядом с коляской.

— Похоже, все ваши друзья собрались здесь сегодня! — заметил Майкл, поворачиваясь к Мэри Поппинс.

— Полагаю, я могу видеть своих друзей, когда мне этого захочется!

— Но я только спросил... — начал было Майкл, но его оборвал радостный вопль.

— Альберт! Неужели это ты? — кричала, смеясь, миссис Корри.

Навстречу им двигалась кругленькая, упитанная фигура. Дети вскрикнули от радости, узнав мистера Паррика.

— Вот это да! Это же Клара Корри! — воскликнул мистер Паррик, с нежностью пожимая ей руку.

— А я и не знала, что вы знакомы! — удивилась Джейн.

— Из того, что вы не знаете, можно составить огромный словарь, — фыркнула Мэри Поппинс.

— Мы не знакомы, — пожала плечами миссис Корри. — Мы выросли вместе, правда Альберт?

Мистер Паррик захихикал.

— Ах, добрые старые времена! Мэри, а как ты поживаешь?

— Прекрасно, дядя Альберт. Не жалуюсь. Спасибо, что спросили.

— А я думаю, дай заскочу пожелать счастливого пути.

— Да, хороший вечер для... — внезапно он запнулся и замолчал.

Мистер Паррик поднял голову, вглядываясь в сиреневые сумерки, опускающиеся на Парк.

— Хороший вечер для чего? — подозрительно спросил Майкл. Он искренне надеялся, что Мэри Поппинс будет не очень сильно тосковать после того, как все ее друзья уедут. «В конце концов, с ней остаюсь я, — думал он. — Чего ей еще желать?»

— Хороший вечер для того, чтобы отправиться в плавание! — донесся до них раскатистый бас Адмирала Бума, который размашистой походкой шел по дорожке, напевая себе под нос:

— И будут реветь моря-океаны,
И волны качаться, и ветры свистеть,
Пока мы домой не придем...

Эй, салаги! Поднять паруса! Выбрать якорь! Отдать концы! И отправлюсь я в путь по далекой Миссури!

Он громко высморкался и посмотрел на Мэри Поппинс.

— Все на борту? — хрипло спросил он, положив руку ей на плечо.

— Так точно, сэр! — отрапортовала Мэри Поппинс и с любопытством покосилась на Адмирала.

— А-р-р-р-хч! Прекрасно!

Я буду верен тебе, дорогая,
Но только и ты будь верна!

— пропел он почти нежным голосом. — Эй! — оборвал он себя. — Раки-креветки и пять бочек пива! У старого моряка сегодня грустный день!

— Шарик шарiku рознь! — раздался пронзительный голос, и низенькая старушка с жужжанием пролетела мимо, сбив шляпу с Адмирала. Руками она держалась за веревочку от небольшого шарика, который уносил ее все дальше и дальше, пока маленькая фигурка не скрылась за деревьями.

— До свидания, мой дорогой Утеночек! — донесло эхо ее последние слова.

— Как быстро она пролетела! — воскликнула Джейн, изумленно глядя ей вслед. — Я даже поздороваться не успела.

— Да уж, не плетется, как Улитка! Не то что некоторые! Будьте добры, шагайте живее! Я не собираюсь даром тратить время!

— Еще бы! — усмехнулась миссис Корри.

Они двинулись дальше. На этот раз дети старались делать все, что им говорила Мэри Поппинс, и послушно взялись за ручку коляски. Сумерки неумолимо сгущались, пока оживленно болтающая компания спешила вперед. Скоро они были у ворот Парка. Впереди темнела улица, а из нее доносилась музыка. Джейн с Майклом переглянулись.

«Что это может быть?» — безмолвно спрашивали их приподнятые брови. Затем любопытство взяло верх. Им хотелось остаться с Мэри Поппинс, но им также хотелось выяснить, откуда идет музыка. Они покосились на свою няню и бросились вперед.

— Ой, смотри! — закричала Джейн, добежав до ворот. — Это мистер Твигли играет на шарманке!

Мистер Твигли, а это действительно был он, деловито крутил ручку, и из ящика лилась замечательная музыка. Рядом с ним стояла маленькая фигурка, показавшаяся ребятам странно знакомой.

— Из самого лучшего сахара! — слышали дети, когда пересекали дорогу. —

Сахар и мята,
Сладкая вата,
Конфеты, варенье,
Коврижки, печенье!
Девчонки, мальчишки,
Смело ко мне!
Все продается
По сходной цене!

— весело распевала мисс Калико, приветственно махая детям рукой.

— Не могли бы вы немного подвинуться? Вы стоите на одной из моих роз!

Прямо у ворот Дома № 17, на тротуаре, сидел Берт, Спичечник. Он рисовал цветными мелками на асфальте большой букет. Элен и Полицейский стояли рядом и наблюдали за ним. У ворот соседнего дома дети увидели мисс Ларк и ее собак, с увлечением слушающих музыку.

— Подождите минуту!— крикнула мисс Ларк мистеру Твигли.— Я сейчас сбегаю и принесу вам шиллинг!

Мистер Твигли улыбнулся и слегка покачал головой.

— Не беспокойтесь, мадам,— ответил он.— Мне не нужен шиллинг. Я делаю это ради любви.

Он обменялся взглядом с Мэри Поппинс и принялся крутить ручку изо всех сил. Мелодия зазвучала громче и быстрее.

— Одна незабудка — и работа будет закончена, — пробормотал Спичечник, прибавляя к букету синий цветок.

— Ах, как это красиво, Берт! — 'восхищенно ахнула Мэри Поппинс, отодвигая коляску и всматриваясь в картину.

Спичечник поднялся на ноги и, взяв букет с тротуара, вложил ей в руку.

— Это тебе, Мэри, — застенчиво сказал он. — Я нарисовал их специально.

— Правда, Берт? — улыбнулась она в ответ. — Даже не знаю, как тебя благодарить!

Она спрятала покрасневшее лицо за букетом, и дети почувствовали запах роз. Спичечник смотрел на нее сияющими глазами и улыбался влюбленной улыбкой.

— Это произойдет сегодня? — спросил он.

— Да, Берт, — кивнула Мэри Поппинс и протянула ему руку. Некоторое время Спичечник печально смотрел ей в глаза, затем наклонился и поцеловал Мэри Поппинс руку.

— Тогда до свидания, Мэри! — услышали дети едва различимый шепот.

— До свидания, Берт! — с нежностью отозвалась она.

— Что произойдет сегодня? — требовательно спросил Майкл.

— Уже произошло! Сегодня самый счастливый вечер в моей жизни! — воскликнула мисс Ларк, прислушива-

ясь к звукам шарманки. — Никогда раньше не слышала такой чудесной музыки! Я с трудом удерживаюсь, чтобы не пуститься в пляс!

— Зачем удерживаться? Давайте попляшем вместе! — прорычал Адмирал и, схватив мисс Ларк за руку, понесся по улице, отплясывая польку.

— Ох, потише, Адмирал! — услышали они протестующий голос мисс Ларк.

— Потанцуем? — проворковала миссис Навыворот, и мистер Навыворот обнял ее и закружил в танце.

— Ну-ка, ну-ка! — усмехнулся Полицейский и, прежде чем Элен успела высморкаться, увлек ее за собой.

Раз, два, три! Раз, два, три! Громко и радостно звучала музыка шарманки. Уличные фонари засияли еще ярче, разбрасывая вокруг снопы света. Раз, два, три! — отстукивали каблуки мисс Калико, когда она танцевала с мистером Твигли. Мелодия была такой замечательной, что Джейн с Майклом почувствовали, что не в силах сдержаться. И они закружились, полетели по тротуару, приседая и подпрыгивая в такт музыке.

— Эй, в чем дело? Соблюдайте правила! В общественных местах танцевать запрещается! Проходите, не мешайте движению!

Смотритель Парка, вопя во все горло, спешил по улице.

— Ах, какое счастье! Вы именно тот, кто мне нужен! — вскричала мисс Калико и, прежде чем Смотритель успел опомниться, она, танцуя, увлекла его за собой.

Смотритель, раскрыв от изумления рот, вертелся и машинально приседал в такт музыке, абсолютно ничего не понимая.

— Еще один кружок, Клара! — кричал мистер Паррик, проносясь мимо в обнимку с миссис Корри.

— Помнится, так я танцевала с Генрихом Восьмым! Эх, чудесное было времечко! — восклицала его партнерша. — Ну, живее поворачивайтесь, неуклюжие жирафы! — добавляла она совсем другим голосом, обращаясь к Фанни и Анни, которые, будто пара угрюмых слонов, танцевали поблизости.

— Я никогда не была еще так счастлива! — восторженно ахала мисс Ларк.

— Вам следовало бы отправиться в море, дорогая Лючинда! В море все счастливы, — ответил Адмирал, галопом мчась по улице.

— Наверное, так оно и есть! — рассмеялась мисс Ларк.

Обе собаки ошеломленно переглянулись, втайне надеясь, что она еще изменит свое мнение.

Темнота становилась все гуще. Постепенно танцоры расположились кругом, в центре которого стояла Мэри Поппинс, держа в руках букет цветов. В такт музыке она слегка покачивала коляску. Она стояла прямо и неподвижно, улыбаясь всем, кто ее окружал, — мисс Ларк и Адмиралу Буму, мистеру и миссис Шиворот-Навыорот, Нелли-Рубине и дядюшке Доджеру, кружащимся на своих дисках, мисс Калико, танцующей со Смотрите-

лем Парка, миссис Корри, обнимающей мистера Паррика, двум ее неуклюжим дочерям... Затем ее взгляд упал на детей, танцующих в круге. Она долго смотрела на них, на их счастливые лица, на руки, обнимающие друг друга. И вдруг, словно почувствовав этот взгляд, Джейн с Майклом остановились и подбежали к ней, смеющиеся и запыхавшиеся.

— Мэри Поппинс! — воскликнули дети, прижимаясь к синему пальто. — Мэри Поппинс!

В следующий момент они с удивлением обнаружили, что им больше нечего сказать. Ее имени казалось вполне достаточно.

Мэри Поппинс положила руки им на плечи и заглянула в детские глаза. Ее взгляд был пронзительным и глубоким, он проник в их сердца, заглянул в их самые сокровенные мысли... Улыбнувшись чему-то про себя, она повернулась и, достав из коляски зонтик с ручкой в форме головы попугая, взяла на руки Аннабелу.

— Теперь я пойду, — сказала она Джейн и Майклу. — А вы приведете Близнецов позднее.

Они кивнули, все еще не отдышавшись после танца.

— Будьте послушными детьми! — тихо сказала она. — И помните все, чему я вас учила.

Они улыбнулись в ответ. Что за странные слова! Будто они смогут это забыть!

Погладив Близнецов по кудрям, Мэри Поппинс заботливо застегнула верхнюю пуговицу на пальто Майкла и поправила воротник у Джейн.

— Ну, пора идти! — весело сказала она Аннабеле и, держа в руках ребенка, цветы и зонтик, вошла в ворота Дома Номер Семнадцать. Скоро прямая, строгая фигура уже поднималась по ступенькам, выгляда так, словно она была чрезвычайно довольна собой.

— Прощайте, Мэри Поппинс! — закричали танцующие, когда она на мгновение задержалась у Парадной Двери.

Она оглянулась и кивнула в ответ. Звуки шарманки внезапно стали еще громче, и Парадная Дверь захлопнулась.

И тут же шарманка смолкла. От неожиданности Джейн вздрогнула. Отчего-то ей вдруг стало очень-очень одиноко.

— Мы только подождем, когда все люди уйдут, и тогда войдем, — сказала она.

Оглянувшись на танцующих, Джейн увидела, что они прекратили танцевать и стоят, словно ожидая чего-то. Все взгляды были устремлены вверх, на темное окно Детской.

— На что они там смотрят? — пробормотал Майкл, тоже задирая голову.

Внезапно в Детской замерцал огонек, и темная фигура промелькнула у окна.

— Наверное, Мэри Поппинс затопила камин, — догадались ребята.

Огонь быстро разгорался. Скоро языки пламени ярко осветили комнату. Они отсвечивали на оконных стеклах

и снопами света рассыпались по саду. Постепенно окна становились все ярче. Вдруг дети увидели Детскую, отразившуюся на стене дома мисс Ларк. Там было все точно таким же, как в настоящей Детской, — и пылающий в камине огонь, и шкаф для игрушек, и старое кресло, и...

— Дверь! Дверь! — слышались возгласы в толпе.

— Какая дверь?

Джейн с Майклом недоуменно переглянулись и внезапно поняли все.

— Ой, Майкл! Это вовсе не ее друзья уезжают! — закричала Джейн. — Скорее! Скорее! Мы должны удержать ее!

Дрожащими руками они схватили Близнецов и вбежали в ворота. Домчавшись до Парадной Двери, они бросились наверх и ворвались в Детскую. В комнате было все как всегда: огонь мирно потрескивал за каминной решеткой, в колыбельке сонно ворковала Аннабела. Кубики, из которых Джейн с Майклом утром строили замок, были аккуратно сложены в углу, а рядом с ними стояла коробка домино, принадлежавшая Мэри Поппинс.

У ребят вырвался невольный вздох облегчения, когда они увидели, что все в порядке. Но нет, в комнате не хватало одной вещи.

— Раскладушка! — вскрикнул Майкл. — Она пропала! И куда подевалась Мэри Поппинс?

Он сбегал в ванную, выглянул на лестницу и снова вернулся в Детскую.

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! Мэри Поппинс!

Взгляд Джейн случайно упал на окно.

— Майкл! Майкл! Смотри, вон она! И там Другая Дверь!

Он посмотрел туда, куда указывала Джейн, и его рот широко открылся.

Там, с другой стороны окна, была еще одна Детская! Она начиналась сразу за стеклом и тянулась до стены дома мисс Ларк. Там все было так же, как и в настоящей Детской, только казалось, что все предметы в ней были сотканы из ярких золотистых лучей — и колыбелька, и стол, и шкаф, и камин, и Другая Дверь, в точности походящая на ту, что находилась у Майкла и Джейн за спиной. Ослепительным прямоугольником света дверь сияла где-то в глубине сада. Прямо перед ней стояли их собственные отражения, а по направлению к двери пружинящей походкой шла Мэри Поппинс! В одной руке у нее был ковровый саквояж, в другой цветы Спичечника, а под мышкой торчал зонтик с ручкой в форме головы попугая. Она уходила прочь, в сияющее отражение Детской, и маргаритки на шляпе кивали в такт ее шагам.

С громким криком Майкл бросился к окну.

— Мэри Поппинс! Вернитесь! Вернитесь!

Сзади принялись всхлипывать Близнецы.

— Пожалуйста, Мэри Поппинс, вернитесь к нам! — просила Джейн, взбираясь на подоконник.

Но Мэри Поппинс не обращала внимания. Она плавно шла по направлению к сияющей Двери.

— Но так она никуда не попадет! — обрадовался Майкл. — Там только стена дома мисс Ларк!

Однако не успел он договорить, как Мэри Поппинс распахнула дверь. От изумления дети даже вскрикнули. За дверью не было никакой стены. Там чернело лишь бескрайнее ночное небо.

— Вернитесь, Мэри Поппинс! — закричали они все вместе что было сил.

И, словно услышав их отчаянный крик, Мэри Поппинс, уже занеся ногу над порогом, вдруг обернулась. Она улыбнулась всем четверым и помахала букетом. Затем она одним движением раскрыла свой зонтик с ручкой в форме головы попугая и ступила в ночь.

Зонтик задрожал, свет огня немыслимыми бликами заиграл на нем... И вдруг стремительно, словно обрадовавшись свободе, зонтик помчался по небу прочь. Мэри Поппинс летела, изящно держась за ручку... Все выше и выше поднималась она, оставляя внизу вершины самых высоких деревьев. Шарманка заиграла вновь что-то громкое и торжественное, отдаленно напоминающее свадебный марш...

Огонь догорел, и скоро в камине была лишь мерцающая россыпь углей. Пламя погасло, а вместе с ним исчезла, растворилась в ночи другая Детская, та, что была за окном. Остались только качающиеся ветви Вишен да пустая стена дома мисс Ларк.

Зато высоко над крышами летела, устремляясь в небо, лучистая фигурка. Казалось, она вобрала в себя все

краски, все чудесные переливы угасшего огня. Скоро она стала меньше, превратившись в одну из звезд на черном морозном небе.

Взобравшись на подоконник, ребята не отрываясь смотрели вверх. На сердце у них было тяжело. Они не старались объяснить себе все происходящее, так как знали — объяснить что-либо, касающееся Мэри Поппинс, просто невозможно. Откуда она появилась и куда улетела теперь — не было известно никому. Они были уверены лишь к одному — Мэри Поппинс сдержала свое обещание. Она оставалась, пока не открылась Другая Дверь.

Майкл дотянулся до коробки домино и положил ее на подоконник рядом с Джейн. Так они долго сидели, наблюдая за звездочкой, плывущей по небу.

Внезапно в Детскую вошла миссис Бэнкс.

— Что вы сидите здесь совсем одни? — спросила она, включая свет. — И где Мэри Поппинс?

Миссис Бэнкс в недоумении оглядела комнату.

— Ушла, мадам, — раздался из дверей обиженный голос, и на пороге появилась миссис Брилл.

Лицо миссис Бэнкс вытянулось.

— Что вы хотите этим сказать? — не поняла она.

— Ну... — замаялась миссис Брилл. — Я слушала шарманку на улице и вдруг увидела Спичечника, который катил коляску к нашей двери. Я поздоровалась и спросила, где Мэри Поппинс. А он ответил, что она снова ушла. Раз — и нету! Даже записочки не оставила!

— Ох, что я теперь буду делать! — запричитала миссис Бэнкс, бессильно опускаясь в кресло.

— Что делать? Мы можем пойти на улицу и вдвоем потанцевать! — воскликнул мистер Бэнкс, входя в Детскую.

— Джордж, прекрати говорить глупости! Случилось ужасное! Мэри Поппинс снова ушла! — трагически сообщила миссис Бэнкс. — Выслушай меня, Джордж! — добавила она, заметив, что муж ее не слушает.

Но мистер Бэнкс не обращал внимания. Он вальсировал по комнате, придерживая полы пальто.

— Я не могу остановиться! На улице шарманка, и она так чудесно играет! Трум-пум-пум! Трум-пум-пум!

И, подхватив миссис Бэнкс, он закружил ее в танце. Затем они подошли к окну и устроились среди детей.

— Джордж! Я говорю серьезно! — сквозь смех проговорила миссис Бэнкс.

— А я вижу то, что гораздо серьезней! — вскричал мистер Бэнкс, выглядывая из окна Детской. — Падающая звезда! Смотрите! Дети, загадайте желание!

И действительно — небо прорезала сверкающая вспышка. Падая, она оставляла за собой яркий след. И все, кто смотрел на нее, вдруг почувствовали, как их сердца наполняются счастьем. Музыка шарманки внизу смолкла, и танцоры, взявшись за руки и задрав головы, смотрели в ночное небо.

— Дорогая! — нежно прошептал мистер Бэнкс, коснувшись щеки миссис Бэнкс. Они обнялись и загадали желание.

Джейн и Майкл тоже, затаив дыхание, смотрели на звезду. Самым большим их желанием было никогда, никогда не забывать Мэри Поппинс. И пусть они не знали ответов на многие вопросы, хотели они лишь одного: чтобы воспоминание о яркой, таинственной фигуре, летящей по небу на зонтике, не покидало их всю жизнь. Ясными летними днями и долгими зимними вечерами они будут думать о ней, вспоминать обо всем, чему она их учила. Все вокруг будет говорить им о ней — дождь, солнце, первые листочки на деревьях, ветер, гудящий в трубе, птицы, животные... А еще у них останутся ее подарки!

— Мы никогда не забудем тебя, Мэри Поппинс! — прошептали они, глядя в ночное небо.

На мгновение звездочка остановилась, и детям показалось, что Мэри Поппинс помахала им на прощание рукой. Затем темнота окутала ее своим большим крылом и скрыла от их глаз.

— Исчезла! — вздохнул мистер Бэнкс, глядя в беззвездную ночь. Потом задернул штору и повел всех в гостиную...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЯСНЕНИЕ

5

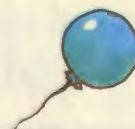

Глава первая ПЯТОЕ НОЯБРЯ 7

Глава вторая ЖЕЛАНИЯ МИСТЕРА ТВИГЛИ 38

Глава третья КОШКА, КОТОРАЯ СМОТРЕЛА НА КОРОЛЯ 67

Глава четвертая МРАМОРНЫЙ МАЛЬЧИК 100

Глава пятая МЯТНЫЕ ЛОШАДКИ 132

Глава шестая ПОРА БОЛЬШОГО ПРИЛИВА 161

Глава седьмая ...ДОЛГО И СЧАСТЛИВО 192

Глава восьмая ДРУГАЯ ДВЕРЬ 222

Литературно-художественное издание

Памела Трэверс
МЭРИ ПОППИНС

Перевод с английского
Игоря Родина

Иллюстрации
Валерии Поповой

Ответственный редактор
Екатерина Царева

Художественно-технический
редактор
Марина Гагарина

Подписано к печати 11.04.94.
Формат 84х108¹/₁₆. Бум. офсетная № 1.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,88.

Тираж 40000.

Заказ 2929.

С 003

«Совьяж Бево»

«Кронос»

Отпечатано с готовых диапозитивов в АП «Курск».
305007 г. Курск, ул. Энгельса, 109.

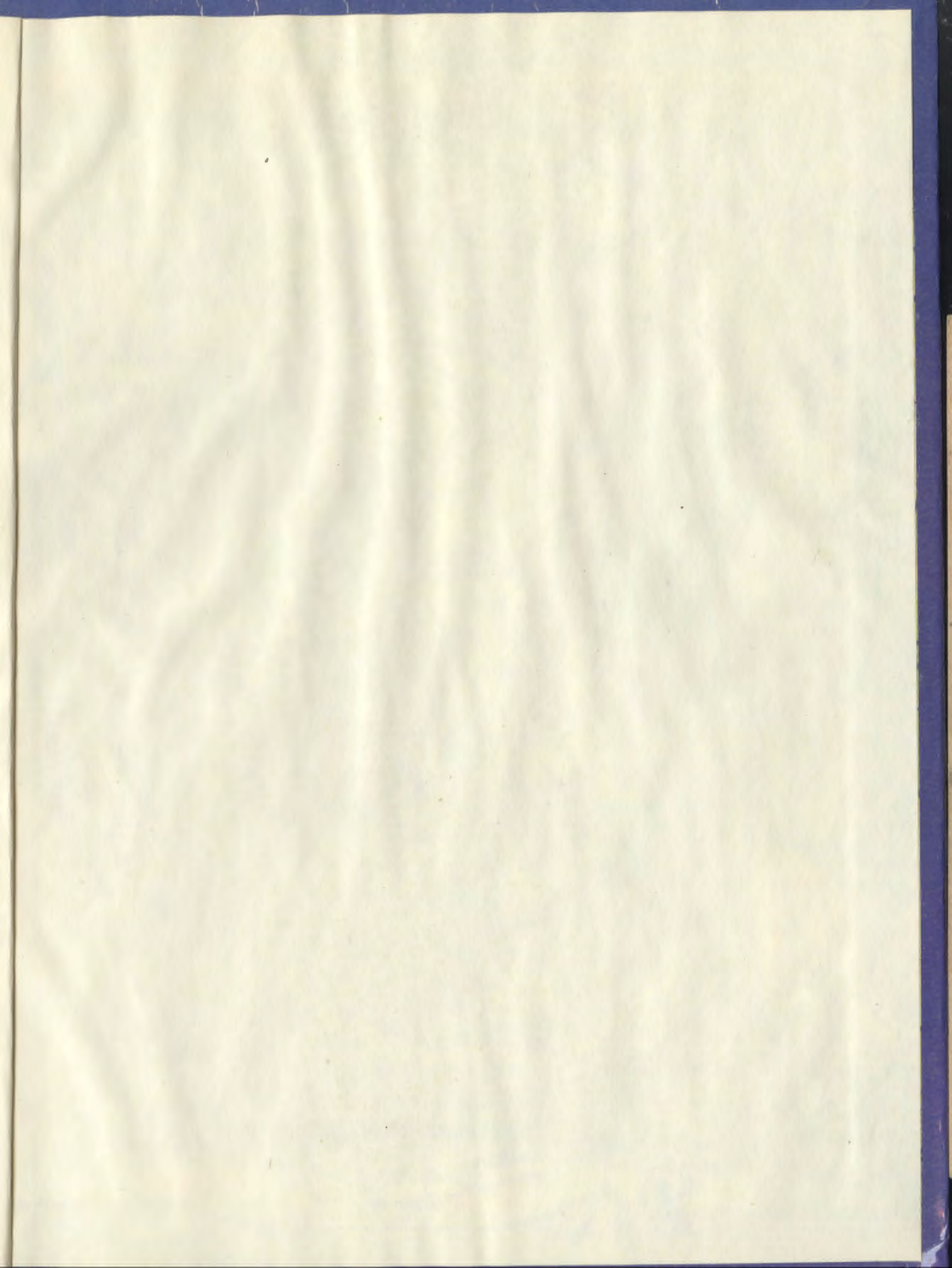

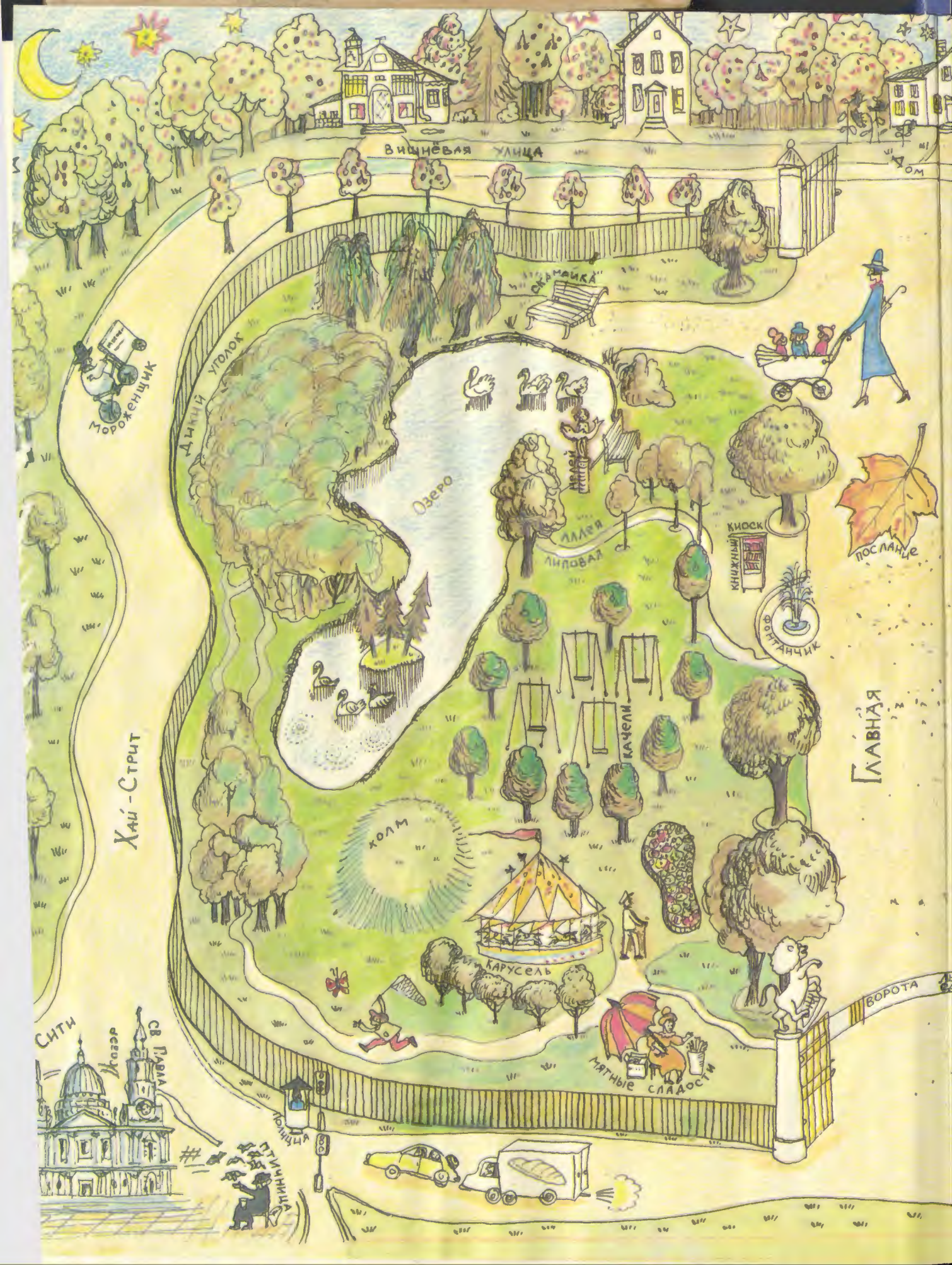
*Впервые!..
И навсегда!*

*В четырех книгах —
великолепная МЭРИ
ПОППИНС !*

*Все ранее публикуемое о приключениях
Мэри Поппинс — главы из первых двух
книг.*

*ПОДАРИТЕ Вашим детям и внукам
данное издание с изящным оформлением
и оригинальным переводом. Пусть их мир
будет таким же сказочным, как жизнь
главных героев.*

Вишневая улица

Мороженщик

Дикая угодья

Озеро

Скамья

Липовая

Кiosk
Книжный

Посланье

Фонтанчик

Качели

Холм

Карусель

Главная

Ворота

Св. Павла
дедушка

Пешеходный переход

Мятные сладости

